АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. И. А. ДЖАВАХИШВИЛИ

Институт
научной информации
по общественным наукам
Академия наук СССР

0471(2)
К 26
83

54/26546

КАВКАЗСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

VI

ОЧЕРКИ ЭТНОГРАФИИ ГОРНОЙ ЧЕЧНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ
1986

63.5 (Кав)
902.7 (47.92)
К I26

Очередной выпуск Кавказского этнографического сборника посвящен сравнительному изучению основных элементов культуры и быта горной Чечни в свете грузино-кавказских культурно-исторических связей. Он написан на материале экспедиции института истории, археологии и этнографии им. И.А.Джавахишвили АН Грузинской ССР, часть которого легла в основу II в. КЭС, опубликованного в I968г. под наименованием "Очерков этнографии горной Ингушетии".

Представленный в сборнике новый и разносторонний этнографический материал, а также выводы, полученные в результате его исследования, заинтересуют не только специалистов, но и широкий круг читателей.

Редактор: докт.ист.н. член-корр. АН ГССР Ал.Робакидзе

Рецензенты: канд.ист.н. Б. Гамкрелидзе
канд.ист.н. Л. Пашаева

К 0508000000 176-86
М 607(06) - 86

© Издательство "Мецниереба", I986

60
87
04717
633

А.И.Робакидзе

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ПОСЕЛЕНИЯ В ГОРНОЙ ЧЕЧНЕ

Среди различных источников изучения традиционных форм социальной организации народов горного Кавказа, не имеющих собственной литературной традиции, и по труднодоступности слабо, а нередко и неверно освещенных в работах иностранных путешественников и ученых, решающее значение приобретают данные этнографии. Особенно это относится к памятникам материальной культуры с многовековой историей активного бытования, реальными преданиями и живыми свидетелями их функционирования в своих традиционных формах. На протяжении длительного бытования эти памятники материальной культуры, естественно, претерпевают определенную трансформацию,но благодаря высокому уровню строительного искусства, характеру материала, стойкой сохранности традиционных форм семейного быта, непрерывности их активного действия и последовательности проживающих в них поколений они и сегодня являются источником наиболее достоверной информации по сравнению с данными, полученными посредством метода опроса, источником реконструкции исторических форм социальной культуры, объективно контролирующим, дополняющим и конкретизирующим устные сообщения о них и предания, связанные с ними.[I]

Вышеуказанное источниковое значение памятников материальной культуры в значительной мере обуславливает цели и задачи, а также и методику их этнографического исследования. В ч а с т и, касающейся задачи исследования,отмечено, что "Материальная вещь не может интересовать этнографа вне ее социального бытования, вне ее отношения к человеку - тому кто ее сделал и тому, кто ею пользуется"[2]. Этим определяется и методика этнографического изучения памятников материальной культуры, которая предполагает выявление не только (а может быть и не столько) их "физической", т.н. субстанционной, первоначальной функции,по-существу общей для многих народов мира и в силу этого лишенной информативности, необходимой для выявления этноспецифической фактуры изучаемого элемента культуры, а освещение их социальной, культурной и этнической функции. Это и составляет специфическую задачу этнографических исследований.

Различия в физических и этносоциальных функциях памятников материальной культуры, определяющие различные подходы к ним, тем более нуждаются в подчеркивании и повторении, что локальные формы культуры и быта вообще, памятников материальной культуры в частности, традиционность приобретают благодаря т.н. избирательной функции - функции, придаваемой им человеком. Социально-психологический механизм этой функции до сих пор не изучен должным образом и многочисленные факты несоответствия явлений этнографии экологической и общественно-экономической среде все еще не имеют убедительного объяснения.

Вышеуказанная особенность традиционных форм культуры и быта приводит к необходимости их изучения в комплексе взаимообуславливающих элементов. Это предполагает исследование например, жилого комплекса в его органической связи с одной стороны с формой поселения, структурной частью которой он является, а с другой с формой семьи, ибо жилище, как известно, является, если можно так выразиться, материальной оболочкой семьи, в той или иной мере выражающей сущность семейного уклада. В литературе правильно отмечено, что "... каков бы ни был семейный или иной коллектив, обитающий в жилище, он всегда имеет свою структуру, а эта структура непременно отражается, порой существенным образом, и на типе постройки, и на содержании ее частей, и на расположении предметов обстановки интерьера, на функционировании отдельных помещений, комнат, углов"[3].

Тоже самое и возможно даже с большей степенью убедительности, можно сказать относительно единицы поселения, представляющей собой, как это известно на энциклопедическом уровне, "единство жилых и хозяйственных условий" коллектива[4] и представленной в различных формах и типах в зависимости от естественно-исторических условий их формирования и развития.

Кавказ в целом характеризуется в географическом и экологическом отношениях ярко выраженной вертикальной зональностью и сложным рельефом, в этносоциальном отношении - различными уровнями общественно-экономического развития и пестротой национального состава. Вместе с тем в нем совершенно отчетливо выделяются горные регионы, которые по общности естественно-исторических условий представляют собой некое хозяйственно-культурное единство, выраженное во всех важнейших сферах культуры и быта. Одним из выражении этой общности является форма поселения, которая в типологическом отношении по-существу едина для всего Кавказа. Однако это не исключает наличия локальных форм поселения, представленных в виде дериваций одного типа, обусловленных особенностями этнической среды их бытования.

Поселение в Чечне представляет собой одну из локальных форм горно-кавказского типа поселения, однако характеризуется некоторыми особенностями, вносящими нечто новое в классификацию поселений вообще.

Вопросом классификации форм поселения давно привлекают внимание исследователей, ибо, по словам А.Майтцена "Главные черты в расположении поселений и земельных участков служат древнейшими памятниками, дающими нам сведения о существовавших некогда жизненных потребностях, народных воззрениях, экономических и политических идеях"[5]. По мнению Турнвальда "Значение поселения с социологической точки зрения состоит в том, что устройство поселения часто поразительным образом отражает политический и общественный уклад коллектива"[6]. Некоторые авторы признают существование специальной отрасли знаний - поселениеведения, которая стоит на стыке истории, географии и экономики[7]. Общие основы классификации форм поселений, естественно, зависят от факторов, признаваемых за основу формообразующего процесса. Вышеупомянутый Турнвальд например, различает формы поселения кочевников, скотоводов и земледельцев, беря в основу особенности хозяйствования и тем самым считая типогенными факторами особенности хозяйственного быта. Вместе с тем по внешним признакам он выделяет т.н. закрытые и линейные формы поселения, каждая из которых представлена двумя группами. Это уже относится ко второму ряду классификации и, следовательно, имеет второстепенное, вспомогательное значение.

Естественной основой горного поселения на Кавказе является ущелье (груз. х е в и, вайн. ч I о ж , балк. а у з у, осет. к о м, абх. а а ц с т а и т.д.)[8], вдоль которого по низине, склону или хребту отрогов, составляющих ущелье, расположены населенные пункты со всеми своими основными и вспомогательными земельными угодиями и надежно защищенные естественными границами ущелья. Весь горный Кавказ в географическом отношении представлял собой систему подобных ущелий, начиная от самых малых, нередко совершенно не заселенных, и кончая большими ущельями, как например, Арагвское в Грузии, Куртатинское в Осетии, Черекское в Балкарии, Армхинское в Ингушетии, Аргунское в Чечне, ущелья Андийского и Аварского Койсу в Дагестане и т.д. В пределах этих систем складывались в зависимости от компактности ущелья этнические образования, в свое время представленные в виде племен, а после формирования народов - в виде его этнографических групп.

В наиболее типичной форме населенные пункты внутри подобных ущелий характеризуются малочисленностью дворов, средней плотностью населения, жилыми комплексами с явно выраженными оборонительными функциями и расположением земельных угодий в определенной последовательности: в частности, в непосредственной близости от села были расположены пашни, затем сенокосные луга, пастбища и леса. В высокорных регионах Кавказа все это замыкала альпийская зона. Особенность горного поселения вообще и в частности Кавказа составляло наличие по меньшей мере двух вспомогательных хозяйственных баз для осенневесеннего и летнего выпаса скота, причем каждая из вышеуказанных баз имела свои хозяйственные помещения. Имея точно очерчиваемые естественные границы, проходящие по водораздельной линии, эти ущелья в свое время представляли собой в экономическом и социальном отношении автономные образования, однако не были изолированы, постоянно поддерживая связи с соседними горными и дальними равнинными районами Кавказа посредством хорошо разработанных систем коммуникаций.

Каждое из вышеуказанных внутриущельных сел в процессе развития превращалось в крупный населенный пункт при наличии соответствующих условий, но в большинстве случаев горные села все еще оставалось в виде малодворных поселений. Крупные села с большой плотностью населения получили развитие преимущественно в Дагестане; они имелись также и в Чечне, особенно в ее восточной части - Ичкерии.

Наличие параллельных хозяйственных баз способствовало образованию выселок, на базе которых в дальнейшем развитии складывались самостоятельные села.

Хозяйственная замкнутость села, не исключающая однако активных междуущельных связей, вместе с тем накладывала свой отпечаток на семейный и общественный быт горцев, способствуя консервации их традиционных форм, в частности большой семьи и патронимии , что находило свое непосредственное выражение в формах поселения, определяя их явно выраженный патроннимический характер. Вышеуказанные естественно-исторические факторы обусловили стойкую сохранность территориальной, хозяйственной, социальной и идеологической общности патронимии.

В процессе общественно-экономического развития и расширения связей между отдельными ущельными образованиями, особенно после присоединения Кавказа к России, замкнутость подверглась активному разрушению, процессы консолидации народов, носившие до этого замедленный характер, получили значительный стимул развития.

Одно из таких крупных поселений вайнахов обнаружено в ущелье р.Фортанги. Стратегическое положение этого поселения, его размеры и особенности башенных сооружений могут послужить одним из источников изучения этнической истории вайнахов, которая еще не написана [9]. Этот материал представляет определенный интерес и с точки зрения классификации форм поселения.

Чечено-Ингушская этнографическая экспедиция Ин-та истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР в 1966г., в период ее работы в с. Даттых /62°-45',43°-15'/ обследовала расположенный в верховьях р. Фортанги, на стыке двух оврагов, крупный населенный пункт, в местности, именуемой урочищем Эги-чIож [10]. Схема расположения жилых и оборонительных сооружений дает достаточные основания сделать заключение и относительно характера поселения - оно является типичным горным укреплением, селом - крепостью, что хорошо прослеживается и по обмерам, приложенным к данной статье.

Вышеуказанное укрепленное село видимо давно было заброшено, и население окружающих его сегодня сёл образовалось сравнительно позже, в результате чего надежность весьма скудной устной информации доведена до минимума.

По месту расположения указанного выше укрепления, оно, до переселений, производимых здесь русским царизмом [11], принадлежало карабулакам-племени, занимавшему промежуточное положение между чеченцами и ингушами [12]. Это одно из "загадочных" племен, которых часто относили то к чеченцам, то к ингушам. Характер поселения вполне соответствует описанию быта карабулаков, согласно которому этот народ граничил с чеченцами и ингушами "...ни с кем никогда мирно не живал и таким образом сделал все народы себе неприятелями"

Некоторые исследователи считают, что нахское наименование карабулаков - о р ш т х о й - возникло как общий этноним вайнахов предгорных районов Кавказа. В XIII-XIУ вв. часть орштхойцев, спасшаяся от ордынцев в верховьях р.Фортанги, обосновалась здесь, создав сильно укрепленное поселение, подобные которому существовали в горной Чечне с X-XI вв [14]. По мнению Г.А.Гантемировой в позднесредневековых поселениях в ущелье р.Фортанги рядовые жилища сосуществовали с жилыми башнями и укрепленными замками, указывая на наличие здесь социальной иерархии [15]

Число карабулаков к 1831г. составляло примерно 7.000 душ [16], однако задолго до этого времени начинается переселение чеченцев на равнину, куда переселились и карабулаки, в том числе население описанного нами укрепленного села.

Место расположения вышеуказанного сильно укрепленного комплекса сельского типа, возникшего на одной из важных магистралей горной Чечни, в литературной и устной традиции именуется Эги-чIох. Если подтвердится предполагаемая связь э г и с э г и и э г в значении "камень", "брусок"[17], тогда вышеуказанный топоним принял-бы значение "ущелья каменных укреплений", что полностью соответствует действительному положению вещей. Однако подобная форма топонима, естественная для обозначения ущелий, не совсем обычна для населенного пункта.

Старое наименование данного населенного пункта нам пока не известно.

Эгичожское поселение карабулаков, справедливо именуемое "башенным поселением", по некоторым параметрам принадлежало отличной от чеченцев и ингушей этнографической группе вайнахов, хотя и не выходило за пределы типологического единства. Перекрывая одну из важнейших магистралей в районе расселения вайнахов, оно, как по величине и плотности населения, так и по габаритам отдельных комплексов, а также оборонительной мощи каждого из них, значительно отличается от рядовых поселений Чечни и Ингушетии.

Поселение в Эгичожском урочище в архитектурном отношении является выдающимся образцом строительного искусства народов горного Кавказа и как таковое должно занять особое место в классификации форм поселения[18].

Вышеизложенное говорит о том, что Эгичох в период своего расцвета отражал довольно высокий уровень развития раннефеодального общества с военноаристократическим уклоном, опережая в этом отношении некоторые другие районы расселения вайнахов.

Как справедливо отмечено в литературе, этот памятник действительно требует "специального углубленного исследования"[19] и его архитектурные обмеры, сделанные в 1966 г., несомненно должны оказаться полезными.

I.А.И.Робакидзе.Поселение как источник изучения общественного быта,М.,1964,4

2.С.А.Токарев.К методике этнографического изучения материальной культуры,СЭ,1970,№ 3,14

3.Там же.15-16

4.Siedlung.Der grosse Brockhaus,1957,X,698

5.А.Мейтцен.Формы поселения.Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков,Спб.,1899,279;ср. A.Meitzen.Siedlung und Agrarwesen der Westgermanen,Kelten,Römer,Finnen und Slaven,Brl.,1895,648

6.Thurnwald.Siedlung,RLV,Brl.,1928,89

7.Siedlungskunde.Meyers grosses Konversation-Lexikon,XV1,W.,1909,439

8.А.И.Робакидзе,Г.Г.Гегечкори.Формы жилища и структура поселения горной Осетии,КЭС,У,I,Тб.,1975,193

9.В.Б.Виноградов,К.З.Чокаев.Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен,АЭС,Грозный,1966,42

10.Б.В.Гамкрелидзе.Дневник Чечено-Ингушской этнографической экспедиции 1966 г.,тетр.№I,91-94

11.Н.Г.Волкова.О расселении чеченцев и ингушей в первой половине XIX века,АЭС,Грозный,1966,95

12.Там же.90

13.История,география и этнография Дагестана,М.,1958,227

14.Г.А.Гантемирова.К истории карабулаков,Известия Чечено-Ингушского Республиканского краеведческого музея,в.XI,Грозный,1975,68

15.Там же.Ср.Р.А.Даутова.Башенные комплексы урочища"Эги-чох", "Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии",Грозный,1984,36 и след.

16.Н.Г.Волкова.Ук.работа,100

17.А.С.Сулейманов.Топонимия Чечено-Ингушетии,II,Грозный, 40, слово Эги-кхал.

18.М.Б.Мужухоев.Средневековая материальная культура горной Ингушетии,Грозный,1977,19 и след.

19.Р.А.Даутова.Башенные комплексы урочища Эги-чох,51

А.М.Калдани

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ БАШЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЧНИ

При изучении истории культуры особое значение имеет учет данных о жилых сооружений. Жилище сопутствует человеческому обществу на всем протяжении его существования и наглядно свидетельствует как об отдельных ступенях развития этого общества и уровне развития народного строительного искусства, так и об этноспецифических особенностях. Памятники материальной культуры - один из надежных источников для изучения социальной культуры.[1] Они представляют собой результат взаимодействия определенных факторов (экономических, социальных, политических), которые в истории того или иного народа обусловливают пути и характер развития главных элементов его материальной культуры. Среди различных этнографических источников изучения истории народного строительного искусства и социальной организации горцев Кавказа значение одного из первоисточников придается именно жилым строениям.

Основным вопросом исследования жилища является его классификация. В основу классификации жилых построек могут быть положены разные признаки, а именно: планировка, материал, этажность, конструкция и др. Кроме того, классификация должна носить не формальный, а содержательный характер.

Было предпринято несколько опытов классификации жилых сооружений народов Кавказа. Среди исследователей следует отметить И.Шеблыкина[2], А.Семенова[3], С.Умарова[4], М.Мужухоева[5], А.Робакидзе[6], Г.Гегечкори и А.Шавхелишвили[7], которые в основном рассматривают жилища Чечено-Ингушетии; Б.Плечке[8], работа которого посвящена жилым строениям горных регионов Центрального Кавказа; Г.Кокиева[9], А.Магометова[10], Б.Калоева[11], Л.Чибирова[12], А.Робакидзе и Г.Гегечкори[13], классификации которых основываются на осетинском материале. К разряду таких работ относится также исследование М.Османова[14], в основу которого положен этнографический материал народов Дагестана.

Среди классификаций, построенных на грузинском материале, заслуживают внимания классификации Г.Читая[15], С.Макалатия[16] и А.Робакидзе[17].

Попытка разработки классификации на базе общекавказского материала представлена в труде В.Кобычева и А.Робакидзе[18]. Классифицировал жилища народов Северного Кавказа В.Кобычев[19].

Неотъемлемую часть жилых построек горцев Кавказа составляет определенная группа комплексов, известная в научной литературе под названием "башенных сооружений". Этот плод строительного искусства горских народов Кавказа типологически единый, хотя в отдельных регионах этническая специфика имеет и свои отличительные черты. Известно, что башенная культура до позднего времени господствовала в основном в высокогорной зоне Большого Кавказа и главную ее функцию составляла оборона[20], в силу чего за основу классификации была взята степень обороноспособности.

В работах вышеназванных исследователей с большей или меньшей полнотой отражены отдельные виды "башенной культуры". На основании анализа материала, добытого в горных регионах Кавказа, особенно в Сванети, Северной Осетии и Ингушетии, в классификации проф. А.Робакидзе наиболее полно представлены все виды этой культуры.

Башенная культура - понятие общее, оно включает в себя несколько видов жилых построек и комплексов: дом-крепость, жилой комплекс с боевой башней и укрепленный жилой комплекс, со своими вариациями (коллективные оборонительные сооружения представляют собой предмет особого исследования, и в статье мы их касаться не будем).

В последние годы в научной литературе высказано соображение о том, что в горах Кавказа встречается т.н. "синкретический тип"[21] оборонительного сооружения, или "полубоевая башня"[22]. Это - переходная форма от дома-крепости к боевой башне[23].

На основании материала, добытого в Чечено-Ингушетии, В.Марковин утверждает: "Зафиксированы довольно стандартные размеры оснований башен: жилых - 9х8 м, боевых - 6х5 м с небольшими отклонениями"[24]. В работе этого исследователя, опубликованной двумя годами раньше, приводятся габаритные размеры почти всех башен, сохранившихся до наших дней на территории Чечни. Вот некоторые из них: Шатоевская башня - 3,98 х 3,99 м[25], башня Гучан-кале - 4,40 х 4,80 м[26], башня на горе Бекхайла - 4,20 х 3,65 м[27], другая башня на той же горе 4 х 4 м[28], башня Дёре - 4,80 х 4,50 м[29], вторая башня там же - 4 х 5м[30] и т.д.

Габариты башен, обмер которых произведен нами в Ингушетии, таковы: в Эгикале - 4,65 х 4,45 м, Лиажге - 5,20 х 5,25 м, Лиалаге - 4,20 х 4,60 м, Хене - 4,60 х 4,66 м и т.д. Как мы видим,

стандартные размеры основания башен в Чечено-Ингушетии не 6 х 5м, как утверждает В.Марковин в одной из своих работ, а 4,40 х 4,90м с небольшими отклонениями, как это видно из описаний, приведенных в другой его работе.

Подобная манипуляция с габаритными размерами понадобилась автору затем, чтобы подтвердить предположение о существовании "полубоевой башни", в качестве типичного примера которой он приводит одно из сооружений в с.Эгикале с размерами 6,8 х 6 м. Оно четырехярусное, имеет машикул, но без опорного столба в середине, тогда как по данным автора этот последний – обычное явление в доме-крепости.[31] Суждения В.Марковина требуют большей аргументированности. Четырех и в виде исключения пятиярусные дома-крепости зафиксированы в Сванети, Хевсурети, Хеви, Тушети и Северной Осетии. Следовательно, судя по количеству ярусов, называть дом-крепость "полубоевой башней" не представляется правомерным. Машикулы в Сванети, Хевсурети, Хеви и Тушети имеются в большей части домов-крепостей, в том числе и трехъярусных. Что же касается центральных опорных столбов, то они отсутствуют в большинстве домов-крепостей, обмеренных самим В.Марковиным в Чечне.

Термин "полубоевая башня" сам по себе подразумевает, что такое сооружение должно быть в то же время "полужилым", и объединение двух этих терминов дает башенное жилище или дом-крепость, как правильно он и был назван еще в прошлом столетии. Исходя из вышесказанного, ввод в уже существующие классификации нового вида жилища нуждается в более убедительной аргументации.

I. Дом-крепость

Одной из основных и ранних форм "башенной культуры" Чечни является дом-крепость (г|ӑлӕ). В вейнахском языке термином г|ӑлӕ (г|ӑлин, г|ӑлиша, г|ӑлаша, г|ӑлаша) обозначаются I) город, станица; 2) крепость; 3) дворец; 4) башня.[32] Следует думать, что в термине отражено древнейшее положение, когда функции поселения, жилища и обороны были представлены еще в совокупности. Дом-крепость был широко распространен в высокогорье Кавказа. Постройки этого типа наблюдаются и в других местах.[33]

В центральной части с.Пхьа кочa Советского района нами произведен обмер дома-крепости, кровля и междуэтажные перекрытия которого давно уже обрушились (планы, рвзрез и фасад см.табл.I рис. I,2).

В плане строение представляет собой слегка вытянутый в длину четырехугольник (9,I5 х 7,I5 м). Стены (пен) возведены из скального грунта. Основание их выложено каменными монолитами (Ларли-

Чеб.Лара – Итумк). В кладке стен использован битый камень, скрепленный известковым раствором (кир). На уровне первого яруса толщина стен достигает 95 см, а верхнего – 55 см.

Междуэтажные перекрытия и кровля, судя по уцелевшим на стенах углублениям, покоились на деревянных балках. На балках сравнительно небольшого поперечного сечения, уложенных поверх подконькового бруса (арц), лежали расщепленные пополам брусья или ветви (аьххаш), крытые хворостом (сара-пицхаг). На последнем был насыпан слой земли (латта). Плоская крыша была с земляной кровлей. Высота дома-крепости – I0 м.

Дверь первого яруса (ше|) прорублена в восточной стене. Ее ширина – 65 см, а высота – 85 см. В притолоках – щели, в которые входил засов (г|ув||г|ув). В верхней и нижней частях с одной стороны одностворчатой двери имелось по выступу (зок) в виде зубцов, которые входили в углубления (ург) – у порога двери и в верхнем перемычном брусе. В стенах этого же яруса зафиксировано несколько ниш (лахьта) и бойниц (топ|урк). В западной стене имеется большое отверстие, предназначенное, возможно, для выбрасывания навоза.

Одна дверь на уровне второго яруса находится и в восточной стене. На этом же ярусе в стенах прорезаны несколько больших и малых ниш. В восточной стене – бойница, в южной – дублированная бойница. В южной стене – два окна (кор). Одно из них – с выступом в четверть толщины стены. Его ширина – 28 см, высота – 32 см. Окна обрамлены полукруглыми арками. С фасадной стороны как по бокам от двери, так и окон – клада из хорошо обработанных крупных камней.

От третьего яруса до наших дней уцелели только северная и восточная стены. В северной стене обнаружены одна дверная притолока и ниша. В восточной – две бойницы и ниша.

На первом ярусе (лахара ц|а), площадь которого составляет 4I м^2, был устроен хлев (божал). Скот в определенной последовательности расставляли в яслях (х|оьвда), привязывая животных к укрепленным в стене кольям (кожелг). Возле яслей пол был дощатый, а в других местах был выложен сланцевым плитняком.

Площадь второго яруса (юккъера ц|а) – 43 м^2. Здесь жила семья. У центра помещения располагался очаг (кхерч). Здесь же были расставлены посуда для хранения зерна и муки (до, сайр. хара), сундук (торказ) и пр.

Третий ярус (лаккхера ц|а), площадь которого достигает 44 м^2, выполнял оборонительную функцию. После того как оборонительная

функция утратила свое значение, он использовался для жилья и хозяйственных целей. Здесь укладывали на ночь гостя. Здесь же проводила "медовый месяц" молодая супружеская пара.

Связь между ярусами осуществлялась с помощью деревянных лестниц (дечка лами), приставляемых к лазам (чухулуволу |уьрг).

В с. Шулгак Советского района нами произведен обмер второго дома-крепости (планы, разрез и фасад см. таб. I рис. 3,4).

Сооружение в плане представляет собой слегка вытянутый четырехугольник (8,I0 х 9,30 м). Оно - трехярусное, высотой 9,50 м.

Междуэтажные перекрытия и крыша покоились на деревянных балках. В центральной части восточной и западной стен с внутренней стороны имеются пилястры, доходящие до конца стен. Подконьковые брусья укладывались как раз между ними.

В южной стене первого яруса находился вход. Его размеры 0,80х I,08 м. В стенах этого же яруса устроено несколько ниш. В южной стене имеются три бойницы. Вход в помещения второго яруса также расположен на южной стене.В западной и южной стенах этого же яруса - по одному окну. В южной стене - бойница с тройным отверстием. В южной стене третьего яруса есть дверь и бойница, в западной стене - несколько ниш, одно окно и две бойницы, а в восточной - также ниша и две бойницы.

Первый ярус (49 м^2) использовался в качестве стойла для скота, второй (50 м^2) - для жилья, а третий (5I м^2) выполнял оборонительную функцию. Описанный дом-крепость стоит поодаль от селения и поэтому хорошо охраняется обращенными во все стороны бойницами.

В с. Тичча-ара Советского района нами произведен обмер еще одного дома-крепости (планы и разрезы см.табл. II,рис. I,2).

План строения представляет собой слегка вытянутый четырехугольник (8,70 х 7,85 м). Оно - трехъярусное. В отличие от уже описанных домов-крепостей, в нем добавляется еще один элемент. В центральных частях северной и южной стен, со стороны интерьера, имеется по одному пилястру. Между пилястрами, в центре сооружения, стоит каменный столб (б|ōгум) , высотой 6 м . На уровне первого яруса сечение столба 8I х 85 см, последнего - 45 х 35 см. Часть кровельных балок междуэтажных перекрытий расположена между пилястрами и столбом.

Ареал распространения домов-крепостей, судя по дошедшим до наших дней остаткам, в ранний период охватывал всю горную Чечню. Их первоначальные формы особенно обильно представлены в верхней части бассейна р.Аргун. Здесь встречается множество вариаций домов-крепостей, которые отличаются друг от друга этажностью,

некоторые из них - с машикулями,другие - без них. Так, например, в с. Бенисти нами зафиксирован четырехярусный дом-крепость, на верхнем ярусе которого, по оси двери, ведущей в первый ярус, имеется машикуля (см. таб. II рис. 3). Среди домов-крепостей в с. Никарои выделяется уникальный шестиярусный дом-крепость, на двух последних ярусах которого расположены машикулы (таб. III, рис. I). Сохранилось довольно много домов-крепостей и в окрестностях озера Галанчож. Здесь следует отметить дома-крепости без машикул в Хайбахои и Муцарои, дом-крепость с машикулями в с.Мочи и др.

Из описаний явствует, что распространенный в Чечне дом-крепость представляет собой многоярусное монументальное сооружение; построенное из камня, объединяющее в себе хозяйственную, жилую и оборонительную функцию. Вместе с тем помещения - носители этих функций располагаются в вертикальном разрезе.

Главной из функций дома-крепости, определяющей его характер, является оборонительная. Это хорошо видно по используемому для его возведения строительному материалу, композиционному решению хозяйственных, жилых и оборонительных помещений, очертаниям и расположению дверей и окон, форме и количеству боевых проемов.

В экстерьере строитель избегает использования лесоматериалов; кровля - земляная. Это объясняется тем, что дерево легко воспламеняется, и в случае его применения нападающие имели бы возможность поджечь сооружение.

Благодаря размещению жилища на втором и третьем ярусах обороноспособность членов семьи повышается. Оправданным является и использование верхнего яруса для ведения оборонительных операций. Большая высота позволяла защитникам держать под своим контролем обширную площадь - прилегающую к сооружению территорию. Стрела, посланная с такой высоты и брошенный камень были более эффективны.

Строитель уделял особое внимание конструктивному совершенствованию двери, ведущей в дом-крепость. Толстый створ двери, вытесанный из дуба, помещался между массивными каменными выступами в четверть толщины стены и массивным деревянным засовом, так что силой открыть ее было почти невозможно. Если позволял рельеф, дверь была обращена в труднодоступную сторону, чтобы тем самым исключить применение стенобитных орудий.

Конструктивное решение и размеры окна в доме-крепости оберегали укрывшихся внутри людей от оружия, пущенного в ход осаждающими.

2. Жилой комплекс с боевой башней.

В старинных населенных пунктах горных регионов Кавказа стоящая особняком башня встречается редко. Как правило, она органически связана с жилым домом (Сванети, Мтиулети, Хеви, Тушети) или домом-крепостью (Сванети, Тушети, Хеви, Хевсурети). Комплекс, состоявший из фактически связанных между собой башни и дома-крепости, был распространен и в горной Чечне.

Башня обозначается вейнахским термином б|ов . Междометие б|ов означает "угрозу при вызове на борьбу, драку". Генетическая связь между приведенными терминами очевидна.

Жилой комплекс с боевой башней обмерен нами в давно покинутом с.Пхьа дук Веденского района. Он возвышается на одном из склонов глубокого каньона (хьарин эрк - "ущелье мельниц").

Комплекс построен на крутом скальном рельефе. От башни уцелела только западная стена. Возле северной и западной стен раньше стояло два дома-крепости, которые разрушились до основания (генплан и зарисовку см. таб. III, рис.2; таб. IУ, рис.I).

Башня в плане четырехугольная (5,30 х 5,I5). Она была пятиярусной. Толщина стен на уровне первого яруса - 95 см, а верхнего - 55 см.

Сохранившийся фрагмент двери на четвертом ярусе указывает на то, что она связывала башню с третьим ярусом дома-крепости.

Интересно решение той части, которая увенчивала башню. Здесь система машикули охватывала весь периметр стены (зарисовку фрагмента см. таб. III, рис.3). Подобное же расположение машикули наблюдается у башни в с. Хой.

В южной части с.Дёрри Советского района возвышается башня. По преданию, в селении прежде стояло около пятнадцати домов-крепостей, от которых дошли до наших дней только фундаменты. Один из домов-крепостей примыкал к башне.

Башня была возведена из битого камня. Сооружение пятиярусное. Высота его 2I,60 м (план, разрез и фасады см. таб. IУ, рис. 2).

В плане башня представляет собой квадрат (4,75 х 4,75 м). Междуэтажные перекрытия покоились на деревянных балках. Перекрытие - пирамидально-ступенчатое; потолок перекрытия со стороны интерьера - купольный.

На первом ярусе вход расположен в северной стене. Дверь обрамлена выступом толщиной в четверть стены, с внемками для засова. Она на 2,2 м приподнята над уровнем земли. В северной стене этого же яруса имеется одна бойница, а в остальных стенах - по две.

На верхних ярусах башни - несколько окон и бойниц. Со всех четырех сторон верхнего яруса имеются большие проемы со стрельчатыми арками, впереди которых были устроены машикули из трех отделений. От машикул уцелели только каменные кронштейны.

Фасады башни оформлены ромбовидными, крестообразными и линейными орнаментами.

Ареал распространения жилого комплекса с боевой башней с большей или меньшей частотой охватывал всю горную Чечню. Его классические формы в почти первозданном виде сохранились в с.Меши, Терете, Нохоро, Камалхой и др.

в) Укрепленный жилой комплекс.

В горной Чечне встречается жилой комплекс, состоящий из обнесенной стенами башни, одного или нескольких домов-крепостей, хозяйственных построек и внутреннего двора.

Обмер одного из таких комплексов произведен нами к востоку от с. Хайбахой, в 500 метрах от него. Он возведен в удобном в стратегическом отношении месте и занимает господствующее положение как по отношению к селу, так и прилегающим к нему земельным угодьям и дороге. Площадь территории, обнесенной оградой, превышает 300 м^2 (генплан и разрез см. таб. IУ, рис.3; таб. У, рис.I).

В комплексе выделяются органически связанные между собой башня и дом-крепость. План башни представляет собой четырехугольник (5,I5 х 5,45 м). От башни сохранилось только три яруса. Потолок первого яруса - куполообразный. Верхние междуэтажные перекрытия покоятся на деревянных балках.

Вход в башню находится в Юго-Восточной стене на высоте I м от земли. Подобная дверь расположена с этой же стороны на втором ярусе, а на третьем есть большое окно. Также по одной двери имеется на первом и втором ярусах в северо-западной стене. В стенах башни - ниши, бойницы и оконные проемы.

Стены дома-крепости преимущественно хорошо выравнены, возведены с помощью крупных блоков четырехугольной формы. Внутренние размеры первого яруса 7,30 х 7 м, верхнего - 8,85 х 7,55 м. Сооружение трехъярусное, высотой 9,2 м.

Междуэтажные перекрытия и кровля были уложены на деревянные балки. В центре первого яруса высится каменный столб. Входы на первый и второй ярусы находятся в юго-западной стене. На облицовочных каменных блоках, увенчивающих дверь второго яруса, наряду с геометрическим орнаментом высечено два стилизованных изображения человека.

В стенах дома-крепости имеются многочисленные ниши, бойницы,

окно и отверстие для выхода дыма.

Капитальными перегородками первый ярус разделен на три неравные части. В перегородках есть проходы.

В юго-западной части комплекса, на уровне второй террасы, обнаружены остатки стен хозяйственных построек. В южной части комплекса помещается внутренний двор, огороженный стеной. Высота ограды I,50 м. Раньше она была намного выше. В юго-западной части ограды наблюдаются остатки ворот.

Второй укрепленный жилой комплекс был обмерен нами на территории Тазбич с. Бабашки Советского района (планы башни, разрез и вид комплекса см. таб. У, рис. 2,3).

Территория, ограниченная стенами строений и ограды, превышает 350 м^2. В ней доминируют органически связанные между собой башня и дом-крепость. От башни осталось два яруса, а от дома-крепости - только восточная стена до уровня второго яруса.

Башня в плане квадратная (5,I4 х 5,I3 м). На первом ярусе вход на высоте 2,30 м от пола стоящего напротив нее дома-крепости. С этой же стороны на втором ярусе башни также имеется вход. По-видимому первый и второй ярусы башни были связаны со вторым и третьим ярусами дома-крепости.

В стенах башни есть несколько ниш и бойниц.

В сохранившейся стене дома-крепости помимо большой двери, позднее заложенной каменной кладкой, имеется несколько ниш и две бойницы.

В восточной части комплекса помещается внутренний двор, в котором прежде стояли хозяйственные постройки. Высота каменной ограды 3 м. В восточной стене ограды прорезан вход, ведущий в комплекс.

Укрепленный жилой комплекс был создан на базе жилого комплекса с боевой башней. Известно, что в высокогорной зоне Большого Кавказа одним из основных источников экономической силы семьи являлось скотоводство. Разведение скота вызывало объективную необходимость создания дополнительных стойл и помещений для хранения запаса кормов. Семья была вынуждена строить несколько таких помещений, для охраны которых требовались дополнительные мероприятия. В результате ограждения жилого комплекса высокими стенами сложился новый тип такого комплекса, представлявший собой наилучшее средство индивидуальной обороны семьи.

Из представленного материала видно, что в горной Чечне, как и в других регионах высокогорья Кавказа, были распространены [illegible] основные виды "башенной культуры". Функционирование этой

культуры вплоть до недавнего времени в пограничной полосе Кавказа, обусловливалось своими объективными причинами.

Описывая Малхисти, К.Ган отмечает, что в силу суровых климатических и природных условий население здесь бедствовало, и нужда часто заставляла местных жителей грабить соседей-хевсуров.[32] В хевсурской героической поэзии упоминается о набегах горцев-чеченцев на Хевсурети и Тушети с целью захвата добычи.[38] Чеченский фольклор в качестве основной причины разбоя называет похищение лошадей, крупного рогатого скота и овец.[39]

Получило распространение мнение, согласно которому набеги чеченских горцев на казачьи станцы объяснялось не только религиозным фанатизмом,- основным фактором являлся захват добычи.[40]

Украсть что-нибудь у однофамальца, по мнению Н.Дубровина, считалось преступлением, такая кража влекла за собой наказание, урвать же что-то у представителей другого рода считалось за доблесть и осуждения не вызывало.[41] Автор описывает категорию людей, основным занятием которых был захват добычи.[42]

Со своей стороны, и сами чеченцы подвергались нескончаемым набегам со стороны соседей. Кумыки, ногайцы, кабардинцы, осетины притесняли и грабили их, взимали с них дань.[43] Частными "гостями" чеченцев бывали хевсуры,[44] тушины.[45] Основными мотивами габегов являлись угон скота, захват пленных и кровная месть.+

Частные взаимные нападения имели место между дагестанцами и чеченцами. Следует отметить постоянные стычки между хоевцами и андийцами из-за Черной горы. Споры из-за земельных угодий возникали между ансалтоевцами и орсоевцами, ихориевцами и андийцами.[46] Часто совершались убийства, угоны скота, захват пленников.

Помимо вышеупомянутого, отдельные уголки и даже села Чечни часто нападали друг на друга. Нескончаемые тяжбы из-за земель и кровопролитные столкновения происходили между селениями Чеберлоя.[47] К явлениям такого же рода относятся споры и стычки между дишнойцами и падхоройцами, в которых участвовало несколько селений. Надо также упомянуть о взаимоотношениях кирдойцев и никаройцев и пр. Частыми являлись захваты пленных с целью их последующей продажи. По данным М.Мамакаева, старики помнят то время, когда детей не выпускали из дому на улицу, - столь частыми были похищения малышей.[49]

Отмеченные обстоятельства являлись причиной того, что чеченцы воспитывали своих сыновей в спартанском духе. Как свидетельствует капитан Норденстам, чеченские мужчины в юношеском возрасте зани-

+ Это явление характерно для всех народов мира, находящихся на данной ступени общественного развития.

малось исключительно военными упражнениями: состязались в стрельбе из ружья, из лука, охотились, объезжали коней и т.д.[50] А. Зиссерман, побывавший в Майстском обществе, присутствовал на соревновании по стрельбе из ружья, в котором победителем оказался 11-летний мальчик.[51] Чеченцы сызмальства учили сыновей владеть оружием, воспитывали их мужественными и выносливыми, ибо от них зависело благополучие рода или семьи. Этот момент ярко отображен в фольклоре.

"Если храбрых рождает мать,
будет род расти и стоять".[52]

В такой обстановке и в условиях отсутствия сильной централизованной власти население было вынуждено заботиться о собственной безопасности, о спасении своей жизни и имущества. У каждой семьи должна была быть твердая гарантия собственной неприкосновенности, и таковой могло быть прежде всего его жилище. Как мы видели, в таком жилище, по сравнению с прочими функциями, оборонительная функция очевидно выдвигается на передний план. Заметно также, что древние горские поселения расположены преимущественно в труднодоступных местах,[53] что также объяснялось стратегическими соображениями. В качестве примера подобного поселения можно назвать с.Пхьа коч. Стоящие вплотную друг к другу башенные жилища построены на возвышенности. В случае опасности население загораживало узкие проходы, и селение становилось неприступной крепостью. А по мере надобности дом-крепость служил индивидуальной обороне семьи. Органическое сочетание коллективных и индивидуальных оборонных функций является одним из основных характерных признаков горского поселения, что отвечал интересам территориальной общины.[54] Сходная структура присуща населенным пунктам и в других уголках зоны, пограничной Большому Кавказу: в Хевсурети (Шатили, Муцо), Тушети (Дзвели Омало, Дзвели Дикло), Сванети (Чажаши) и т.д.

Наряду с накоплением богатств в семье начинается социальная дифференциация населения. Старейшины тайпа могли оставлять за собой большие площади лучших земель и использовать древние традиции взаимопомощи в своих интересах.[55] Богатства сосредоточивались и в руках прославленных предводителей, которым в случае успеха полагалось две доли из военной добычи.[56] Фольклор сохранил имя одного из таких предводителей, у которого даже конь имел свою долю в добыче.[57] Разбогатевшая семья строила себе башню, что служило дополнительным источником экономического могущества. Владельцы башенных жилых комплексов, стоявших в стратегически

господствующих над дорожными коммуникациями пунктах, брали плату за проезд, о чем свидетельствует митрополит грузинский Епифаний, который в 1665 году проезжал по ущелью реки Аргун. Возмущенный Епифаний сетовал на то, что к истины"без подарков никого не пропускают,а подарки де емлют большие".[58] Как гласит один из фольклорных образцов, некий Дугал, житель с.Ца Ведено, построил башню у дороги. Он из башни наблюдал за дорогой и, заметив странника, грабил его или убивал.[59]

Последующее накопление богатств в семье требовало дополнительных хозяйственных помещений. А жилые или хозяйственные постройки, разбросанные на сравнительно обширной территории, одна башня неспособна была защитить эффективно. Возникла необходимость в качественном улучшении обороны, и строители возвели вокруг жилища высокие стены ограды. Жилой комплекс с боевой башней и укрепленный жилой комплекс уже подчеркивали социальное положение своих владельцев. Эти комплексы совмещали в себе утилитарные и престижно-знаковые функции. Создание их моделей происходило в узком кругу, а последняя модель в соответствии с политико-экономической ситуацией в определенной последовательности распространялась на те социальные группы, в которых она создавалась.

Как мы полагаем, представленный материал дает нам основание сделать следующие выводы:

I. Изучением памятников "башенной культуры" Чечни выявляется, что ее основной функцией была оборона от внешних и внутренних врагов и в основу их классификации должен быть положен именно этот показатель.

2. Ведущая роль оборонительной функции и ее оптимальное сочетание с жилой и хозяйственной функциями свидетельствуют о том, что исходная форма названной культуры генетически была связана с военно-демократическим укладом.

3. В процессе дальнейшего развития первоначальных форм "башенной культуры" сложились варианты горских жилых комплексов, в которых нашла отражение далеко зашедшая социальная дифференциация.

Примечания

I. А. И. Робакидзе. Поселение как источник изучения общественного быта, М., I964.

2. И. Л. Щеблыкин. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры, ИИНИИК, I, Владикавказ, I928.

3. А. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в I925-I932 гг., Грозный, I969.

4. С. Н. Умаров. Средневековая материальная культура горной Чечни, XШ-XУП вв., Автореферат, М., I970.

5. М. Б. Мужухоев. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XШ-XУП вв.), Грозный, I977.

6. А. И. Робакидзе. Жилища и поселения горных ингушей, КЭС, П, Тб., I968.

7. Г. Г. Гегечкори. Горные жилые комплексы Чечено-Ингушетии, Автореферат, Тб., I970. А. И. Шавхелишвили. Архитектурные памятники средневековья и исторические места связанные с гражданской войной в Чечено-Ингушетии, Грозный, I966; его же. Из истории материальной культуры Тушетии и Чечни, КЭС, IУ, I, Тбилиси, I972.

8. Die Tschetschenen. Forschunge zur völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus auf grund von reisen in der jahren 1918-20 und 1927-28 von Dr. Bruno Pletschke. Veröffentlichung des geographischen instituts der Universität Königsberg, H. XI, Hamb., 1928.

9. Г. А. Кокиев. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии, ИЮОНИИК, П, Сталинир, I935.

I0. А. Х. Магометов. Культура и быт осетинского крестьянства, Орджоникидзе, I963.

II. Б. А. Калоев. Осетины, в кн.: "Народы Кавказа", т.I, М., I960,

I2. Л. Чибиров. Основные типы жилищ дореволюционной Осетии, ИЮОНИИ, XI, Цхинвали, I962.

I3. А. И. Робакидзе, Г. Г. Гегечкори. Формы жилища и структура поселения горной Осетии, КЭС, У, I, Тб., I975.

I4. М. З. Османов. Поселения даргинцев в XIX-XX вв., "Уч.записки Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР", т.X, Махачкала, I962.

I5. Г. С. Читая. Этнографические исследования в Грузинской ССР, СЭ, № 4, I948; Его же. Тип поселения в Мтиулети, МЭГ, УI, Тб., I953,(на груз.яз.).

I6. С. И. Макалатиа. Боевые и оборонительные сооружения горной Грузии, Тб., I954, (на груз.яз.).

I7. А. И. Робакидзе. К вопросу о форме поселения в Сванети, КС ИЭ АН СССР, XXXIX, М., I958; Его же. Жилища и поселения горцев Грузии в прошлом и настоящем, КС ИЭ АН СССР, XXXУI, М., I96I; Р. Л. Харадзе и А. Робакидзе. Сванское село в прошлом, Тб., I964, (на груз.яз.); Р. Харадзе и А. Робакидзе. Мтиульское село в прошлом, Тб., I965 (на груз.яз.).

I8. В. П. Кобычев, А. Робакидзе. Основные типологии и картографирования жилища народов Кавказа, СЭ, 2, М., I967.

I9. В. П. Кобычев. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX-XX вв., М., I982.

20. А. И. Робакидзе, А. Калдани. Некоторые вопросы башенной культуры горной Грузии (к историку-этнографическому Атласу), "Мацне", № I, Тб., I978 (на груз.яз.).

2I. А. Ф. Гольдштейн. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, М., I975.

22. М. Б. Мужухоев. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XШ-XУП вв.), 20-2I; В. И. Марковин. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований I957-I965 гг.), Сб., Северный Кавказ в древности и в средние века, М., I980, 262; Его же. Заметки об Ингушской архитектуре, Археология и архитектура, КСИА АН СССР, I72, М., I982, 3I-35.

23. М. Б. Мужухоев, Назв. труд, 20-2I.

24. В. И. Марковин. Заметки об ингушской архитектуре, 3I.

25. В. И. Марковин. Памятники зодчества в горной Чечне, I87,

26. Там же. I93-I94.

27. Там же. 203.

28. Там же. 205.

29. Там же. 2I3.

30. Там же. 2I5.

3I. В. И. Марковин. Заметки об ингушской архитектуре, 3I.

32. Чечено-русский словарь. М., I96I, II0.

33. Д. Башкевич. Архитектура Сербии и Македонии, ВИА, Ш, М.-Л., I966, 428; Г. Ионеску. Архитектура Молдавии и Валахии, ВИА, Ш., 493; Ю. С. Асеев. Архитектура южной и западной Руси в XII-XIII вв., ВИА, Ш. 59I-592; Г. Х. Саркисян.

хитектура времени каролингов, ВИА, IУ, I966, 50; С. Р а м а д а-и. Народное жилище на северной Албании, СЭ, № 4, I955, 84-86.
34. Чеченско-русский словарь, 82.
35. А. С. С у л е й м а н о в. Топонимия Чечено-Ингушетии, I, орная Чечня, Грозный, I976, 220.
36. Там же. 2I9.
37. К. О. Г а н. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей (летом I897 г.), КВ, № 6, Тиф., I900, 65.
38. А. Ш а н и д з е. Грузинская народная поэзия, I, Хевсурская, Тиф., I93I, 38,40,49,55,86 (на груз.яз.).
39. И л л и, героико-эпические песни чеченцев и ингушей, Грозный, I979, 32, I62.
40. Материалы по истории Дагестана и Чечни, т.Ш., ч.I, Махачкала, I940, 3I5.
4I. Е в.г. М а к с и м о в. Чеченцы, ТС, вып.Ш, кн.2, отд.I, Владикавказ, I893, 36.
42. Н. Ф. Д у б р о в и н. История войны и владычества русских на Кавказе, т.I, кн.I, С-пб., I87I, 454.
43. Там же. 370; Чечня, К., № 96, I85I, 392.
44. А. Ш а н и д з е. Назв. труд., I0-II, I2,37,44,48,59,67.
45. Там же. 55,86.
46. Путешествие по центральной части Горной Чечни А. Р о с с и к о в о й, ЗКОИРГО, кн. ХУШ, Тиф., I896, I67-I69.
47. Там же. I69.
48. М. А. М а м а к а е в. Чеченский тайп в период его разложения, Грозный, I973, 45-47.
49. Там же. 49.
50. Материалы по истории Дагестана и Чечни, 3I6.
5I. А. Л. З и с с е р м а н. Двадцать пять лет на Кавказе, ч.I, СПб., I879, 200.
52. И л л и..., I57, I66.
53. В. П. П о ж и д а е в. Горцы Северного Кавказа, М.-Л., I926, 34.
54. Р. Л. Х а р а д з е и А. И. Р о б а к и д з е. Сванское село в прошлом, 34.
55. Н. П. Г р и ц е н к о. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX-XX вв., Грозный, I97I, 7.
56. Б. Д а л г а т. Героический эпос чеченцев и ингушей, М., I972, 369.
57. Там же. 37I.

58. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен по март I9I7 года, т.I, Грозный, I967, 54.
59. И. М. П о п о в. Ичкерия (историко-топографический очерк), ССКГ, вып. IУ, Тиф., I870, 7-8.

Л.Ю.Маргошвили

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА ВЕЙНАХОВ
(в конце XIX - начале XX века)

Мужским одеянием вейнахов в грузинской и вейнахской историографии никто специально не интересовался. Наша работа также не претендует на полное освещение вопроса, поскольку она представляет собой сокращенный вариант монографии.

В основу работы положены литературные, археологические и архивные материалы, а также собранные на месте полевые этнографические данные и фотоснимки конца XIX - начала XX века, сохранившиеся у населения по сей день, и материалы, хранящиеся в фондах Грузинского государственного и Чечено-Ингушского краеведческого музеев.+

В изучении вейнахского одеяния большая заслуга принадлежит Вахушти Багратиони[1], интересный материал мы находим в работах Гюльденштедта[2], Н.Грабовского[3], Е.Крупнова[4], Е.Студенецкой[5], Г.Сергеевой[6] и других.

Вахушти ,например, различая между собой одеяния вейнахских и осетинских женщин, отождествляет мужскую одежду этих двух народов.

По данным Н.Грабовского, основная одежда горцев - это домотканная шерстяная чоха (черкеска), архалук из хлопчатобумажной ткани (ситца), папаха и кожная обувь. Зимой одевали тулупы, на ноги-теплую обувь с высоким голенищем[7]. Касаясь одежды и в другом своем труде, автор отмечает, что ингушский мужчина одевает ситцевую рубаху, архалук, брюки, чоху (изготовленную из грубой шерсти), шерстяные или кожаные ноговицы и чувяки. На голову одевает папаху из овечьей шкуры. Зимой использует тулуп. В плохую погоду накрывается буркой и куском серой шерстяной ткани (под последним Н.Грабовский, видимо, имеет в виду башлык Л.М.).

Согласно Г.Мартиросяну, ингуш одевается так, как и все горцы Северного Кавказа; его наряд-архалук, домотканная шерстяная

+ Представленный в статье иллюстративный материал хранится в Чечено-Ингушском краеведческом музее ф. № 5.

чоха (черкеска), шапка из овчины, летом войлочная шапка - л а б, на ногах - пачичи (ноговицы), чувяки и шерстяные брюки домашнего изготовления. Нередко бывает одет в верхнюю рубаху и брюки из фабричной ткани.[8]

Интересные сведения содержатся в сборнике "Народы Кавказа". Верхней одеждой чеченца была черкеска, изготовленная из серой и темной шерсти, под которую одевали архалук почти того же цвета. Из шерсти были и брюки с обуженными штанинами. В плохую погоду накидывали на себя бурку и повязывали башлык домашнего пошива, исполненный с большим вкусом. На ноги одевали кожаную обувь - к а р а х а ш и мягкие кавказские сапоги. Голову покрывали конусообразной шапкой из овчины. Мужчины из зажиточных семей зимой одевали шапки из бухарской шкуры, а весной - из войлока.[9] Те же источники свидетельствуют, что в конце XIX - начале XX века мужская одежда вейнахов не отличалась от осетинской.[10]

М.Албуташвили, хорошо знакомый с бытом кистин, отмечает: "Мужчина одет богато тогда, когда на нем чоха (черкеска), перепоясанная посеребренным поясом и кинжалом. Остальное одеяние не имеет значения; зимой и летом одевают чоху и архалук. На голове - шапка из длинношерстной овчины или из войлока. Молодой кистин редко использует шубу. Если и использует, то под чохой, а пожилые в качестве накидки большие овчинные шубы. У них принято носить синие брюки, шерстяные пачичи, каламаны и носки. Вместе с тем, кисты любят пользоваться накинутой буркой,которая является его неразлучным другом дома и на улице"[11].

Об обнаруженной в результате археологических раскопок в Ингушетии одежде Е.Крупнов пишет: мужчины одевают рубаху длиною по колено..., широкие шаровары из грубой шерсти,на ногах - мягкие сапоги, на голове одета мягкая шапка, а у некоторых - шапка из длинношерстной овчины. В более позднее время - чоха с газырями, украшенными, у некоторых, двумя серебряными или медными пряжками. На руке - перстень[12].

По сравнению с другими авторами, более обширный материал представлен К.Студенецкой. Она касается как ранних, так и более поздних элементов одежды[13].

Согласно материалам Г.Сергеевой, чеченская мужская одежда не характеризуется локальным своеобразием,она общекавказского типа[14].

К.Козлов пишет, что до революции мужской адигейский костюм - "черкеска" получил распространение в Грузии и Азербайджане[15]. Вместе с тем, она отмечает сходство мужской одежды адыгейцев,

осетин, карачаевцев, балкарцев и абхазцев и утверждает,что костюм этих народов распространился по всему Кавказу[16].

Чоха (черкеска) и архалук, которые были распространены у всех населяющих Кавказ народов, отличались своеобразными локальными признаками (качество ткани, цвет, длина, наличие газырей, шитье и оформление), выкройка ее настолько сложна, что вряд ли могла быть создана в Адыгее (на этом вопросе конкретно остановимся в другое время). Столь же широкое распространение указанной одежды среди кавказских народов может быть объяснено тем,что между ними с древнейших времен существовали дружественные взаимоотношения. Мужчины - горцы Кавказа зимой и летом, покидая семьи, ходили на заработки, занимались торговлей или шли на военную службу[17], что, естественно, определяло и развитие вкуса в одежде. Отсюда мужская одежда в основном почти одинаковая, исключая некоторые локальные своеобразия. Женщины же, понятно, не находились в подобном положении, чем, видимо, и вызвано разнообразие женской одежды на Кавказе.

Следует отметить и то, что согласно материалу, хранящемуся в Московском военно-историческом архиве, формой кавказского военного эскадрона были чоха и архалук, отороченные шнурами, на плечах с поперечно прошитыми "погонами", брюки были из темнозеленой хлопчатобумажной ткани, по бокам которых были нашиты две полосы шнуров, а на ногах - сапоги азиатской формы[18].

Эти сведения в полной мере относятся и к одежде грузинского воина. Форма эскадрона остальных кавказских народов - те же чоха и архалук, однако, отличались по цвету ткани и отделке[19].

Указанные выше авторы дают почти одни и те же сведения о мужской одежде вейнахов, что соответствует обнаруженному нами на месте материалу. Некоторые авторы довольствуются перечислением элементов одежды, а главное - покрой, термины - оставлены без внимания.

Известно, что вейнахи, как и соседние с ними горцы, сами готовили материал для одежды и обуви. Почти в каждой семье женщины ткали на простых станках шерсть - м а ш а, если не принимать во внимание большую часть панкисских кистов, закупавших для шитья одежды фабричный и домотканый материал.[x]

---

[x] Материал для одежды, технология его изготовления и правила кроя и шитья освещены нами в работе "Одежда горянок Центрального Кавказа", Тб., 1980, и на этом вопросе сейчас подробно останавливаться не будем.

А.Исламов пишет: Кустарной промышленностью славились чеченские высокогорные села: Ножай-Юрт, Ведено, Харачой, а в Ингушетии-Базоркино, Яндиево и др. Вейнахские женщины изготовляли бурку как для домашнего пользования, так и для продажи на рынке[20].

Вейнахи часто использовали и грузинские ткани. Это подтверждается многочисленными документами[21].

Известно, что шерсть ткали в той или иной степени все населяющие Кавказ народы. Даже после поступления изготовленной фабричным способом ткани домотканую шерсть продолжали делать до 30-х годов нашего века, а кое-где и до 50-х годов. Из фабричной ткани шили нижнее мужское белье - к у о ч-х е ч и.

Белье для большинства вейнахских мужчин было недоступно до революции. Его использовали лишь представители зажиточных слоев населения. Подобная картина наблюдается на Северном Кавказе в Осетии, Дагестане и в горных и равнинных районах Восточной Грузии (Тушети, Пшави, Хевсурети, Кахети). А.Скачков отмечал,что белье считалось роскошным одеянием, и его редко использовали[22]. Часто мужчина-вейнах одевал архалук и брюки на голое тело, без нижней рубахи. Эти два элемента были повседневной одеждой горца. Он в ней спал и работал, а в праздничные дни, направляясь в гости, к этой одежде добавлял (разумеется, если имел) чоху, пояс с кинжалом, в плохую погоду - бурку, папаху с башлыком поверх нее, на ноги надевал ноговицы - п е з а г а ш и обувь - м а ьхь - с и. С течением времени появилась верхняя рубаха, занявшая место архалука. Архалук превратился в домашнюю и выходную верхнюю одежду молодых и пожилых мужчин.

В начале XX века вейнахская интеллигенция одевала также блузу, брюки навыпуск и пояс с кинжалом, голову покрывали (элтар и хоалхазакуй) шапкой, а на ноги штиблеты - ш и б л е т а ш, иногда - ноговицы и сапоги с голенищами с заправленными в них штанинами.

Следует отметить и то, что покрой одежды у вейнахов с возрастом не изменялся, разница проявлялась в количестве идущей на нее ткани и качестве пошива.

Детскую одежду шили без всяких украшений. Вместе с тем, вейнахи для мужчин не шили специальную домашнюю и рабочую одежду. Вышедший из употребления тот или иной элемент использовался как рабочая одежда. Что касается свадебной и праздничной одежды, то она содержала все элементы национального своеобразия, костюм зажиточного лица своим качеством и новизной отличался от костюма мужчины из низшего и среднего слоев.

Интересно и то, что в краеведческом музее г.Грозного хранятся материалы, свидетельствующие о том, что одежда богатого человека чоха-из домотканой серой шерсти, а архалук- из хлопчатобумажной и шелковой ткани фабричного производства. Из этого следует,что горец предпочитал для чохи ткань кустарного производства ткани фабричной,которую экономически состоятельный горец всегда имел возможность приобрести. Следует также отметить, что среди одежды кистинских мужчин часто встречается верхняя мужская одежда грузинов - к у л а д ж а. Кистины называли ее также - к у л а д ж. Этот элемент был также изготовлен из ткани домашнего производства.

Согласно полевым этнографическим материалам, среди вейнахов подтверждаются следующие элементы мужской одежды: рубаха - к у о ч, брюки - х е ч а (ш а р б а л), архалук - г I о в т а л, чоха (черкеска) - ч о а (чеч.), ч о к х и (инг.), ч у а к х (кис.), кожаный тулуп - к е т а р, бурка - в е р т а, башлык - б а ш л а к х, шапке - к у й (инг. к и), ноговицы - п е з а г а ш, носки - б I о р ж а м а ш, обувь - к у г а ю у х а р (м а ь х ь с и м а ч и ш, к а л у а ш) и украшения. Со временем добавляются ж и л е т I и верхняя рубаха - т I и е р к у о ч, которую кистины по аналогии с грузинами называли х а л а т.

Итак, одежду вейнахов составляют рубаха, брюки, архалук, чоха с газырями, пояс с кинжалом, шапка, носки, ноговицы, обувь с высоким или низким голенищем, в холод - овчинную шубу или бурку с башлыком. Эти элементы встречаются в одежде представителей экономически различающихся слоев с разницей в качестве ткани и пошиве, а часто в отсутствии того или иного элемента, что явно указывает на классовое различие населения. Как известно, экономика горных и равнинных районов была развита не одинаково, и это в первую очередь сказывалось на одежде.

Перечисленные выше элементы сочетались со своими украшениями, и допустимо, что это действительно была одежда для всадника. Горец или житель равнины всегда передвигался на лошади. А для этого были удобны широкие, сужающиеся в штанинах брюки, на которые одевались обувь с высокими голенищами, чоха с газырями, в которые в свое время вкладывались боевые заряды, а наброшенная бурка предохраняла от холода и ветра и всадника и лошадь.

Рассмотрим эти элементы, соблюдая последовательность.

Мужская одежда делится на три группы. К первой относятся нижняя и верхняя рубахи, ко второй- архалук, чоха (черкеска), кожаный тулуп и бурка, а к третьей- нижнее белье и брюки поверх него.

Кроме того, одежду дополняют головной убор, обувь и украшения.

Мужскую рубаху - к у о ч (1) шили по выкройке женской. Она достигала до середины бедра. Ворот - к а ч (груз. сакело) кругло вырезан; к нему пришит воротник шириной в три-четыре пальца; к разрезу на груди пришивались пуговицы, делались петли для них. Концы рукавов и к низу рубаха была подогнута. Вошедшая в обиход в более позднее время верхняя рубаха повторяет тот же покрой, но добавляются на груди по обе стороны два кармана - к и с а, к и с а ш, к и с а н а ш (вейнах.), джибе (груз.), а на рукавах-манжеты шириной в три пальца (чеч.) п х ъ у ъ й ш а н ю ь х ь и г, (инг.) п х ъ о ш а ю х ъ, (кист.), п х ъ у ш и л г и ш, (груз.) самажуреби. Эта рубаха не вытеснила полностью нижнюю рубаху, напротив - увеличилось количество одежды. А воротник нижней рубахи сменил более глубоко вырезанный вокруг шеи, шириной в один палец пришитый к вороту кусок ткани, который прикреплялся спереди одной или двумя пуговицами - (чеч.) н у ь й д а, (инг.) ч о п и л ь г, (кист.) л е д, (груз.) г I и л и.

Для прочности на грудь и спину рубахи накладывали куски той же или другой ткани.

В начале XX века, указанная выше рубаха с карманами и высоким воротником заменяла архалук; ее одевали под чоху. Эти признаки характерны для мужских костюмов Кахети, Тушети, Дагестана[23]. Этот элемент кисты называли х а л а т, а чеченцы и ингуши - к у о ч. Термин х а л а т кисты переняли у соседних кахетинцев после переселения в Панкисское ущелье. В толковом словаре грузинского языка х а л а т и объясняется как мужская одежда, которую опоясывают поясом, - блуза[24].

Ив. Джавахишвили пишет: "Название халат, которое распространено и сейчас, совершенно не известно в древнегрузинской письменности до XVII века. Халат - название персидское и вошло оттуда. Входит впервые как персидская и турецкая одежда"[25]. Термин халат в русском языке используется в другом значении. Например, домашний халат, врачебный халат[26]. В Грузии халатом называли также длинную накидку. Согласно этнографическим материалам, в 20-х годах нашего века высокий воротник указанного халата сменил остроконечный воротник. Нагрудные карманы приняли форму подвешенных. Эту одежду шили из шерстяной и хлопчатобумажной ткани фабричного производства. По свидетельству рассказчика, халат такого покроя быстро распространился среди вейнахской молодежи. Пожилые же предпочитали халат с высоким воротом, однако форма карманов изменилась и в этом случае. Указанную одежду Е.Студенец

кая называет "кавказской рубашкой"[27], которая хорошо сочетается с брюками галифе. Термин галифе недавно вошел в грузинскую и вейнахскую лексику и поэтому должен считаться привнесенным элементом.

Следующим элементом одежды являются брюки (3), вейнахское название х е ч а или ш а р б а л, грузинское - ш а р в а л и, в Дагестане - кумыки, агулы, лезгины называют их ш а л в а р, осетины Северного Кавказа - ш а л б а р, азербайджанцы - ш а л в а р, горские евреи - ш о в а л, русские - ш а р о в а р ы и др. Термин шарвали - не грузинское слово, оно вошло в XVII веке[28]. По мнению Саба Орбелиани, ш а р в а л и вошло с греческого, но Ив.Джавахишвили считает термин ш а л в а р персидским и означающим штаны[29]. Он дает и другое толкование: "Шарвали - персидское слово и означает одежду из шерсти"[30].

Покрой нижнего белья и брюк вейнахского мужчины одинаковый. Они были широкими и доходили до лодыжек. Между поясницей и седалищем имели вшитый треугольной формой широкий кусок ткани, называемый э и л (груз. убе). Штанины постепенно сужались к низу и для накидывания через стопу делался язык - по чеченски - кх о къ а л и, по ингушски - л о а л, по-кистински - кх о къ и л г а ш, по-грузински эни. Подобные брюки встречаются у соседних племен Северного Кавказа (в Дагестане, Осетии) и в Восточной Грузии (Тушети, Пшави, Кахети и др.).

Как указывалось выше, в 20-30-х годах нашего века среди вейнахских мужчин распространились брюки русского типа - г а л и ф е, которые молодежь охотно носила. Кое-кто и сегодня отдает предпочтение брюкам этого типа. Ими широко пользовались и в 40-50-х годах в горных и равнинных районах. Это может быть объяснено и тем, что на них легко надевались носки, обувь и удобно было ездить верхом.

Летом мужчины одевали рубаху и брюки или рубаху и галифе и перепоясывались поясом с кинжалом. Выходя на улицу, одевали сверху архалук или чоху, перенося поверх них пояс с кинжалом. Некоторые пожилые мужчины носили пояс с кинжалом под архалуком, в том случае, если были в конфликте с каким-либо семейством и ожидали опасности. На рубаху одевался архалук - гI о в т а л (груз. ахалухи) (II). Это широко распространенная на Кавказе одежда. Ее использовали лица мужского пола с 10-летнего возраста до смерти. Архалук у вейнахов периодически менял свое прямое назначение. Его то одевали вместо нижней одежды, то использовали как верхнюю одежду, что зависило от экономических возможностей семьи. Архалук

считался как повседневной, так и выходной и праздничной одеждой. Покрой этого элемента представляется одинаковым в Грузии, в Чечено-Ингушетии, в Дагестане и Осетии (разница в длине, пошиве, ткани), однако названия разнятся: по-грузински - а х а л у х и, по-вейнахски - гI о в т а л, по-осетински - к у и р а е т, дагестанские кумыки называли его - къ а п т а л, лезгины - в а л ч а гъ, аварцы - г у ж г а т, азербайджанцы - а р х а л и г. Ахалух слово турецкое[31] - пишет Ив.Джавахишвили. Видимо, грузинский термин а х а л у х и и азербайджанский а р х а л и г, получены от турецкого а х а л у х.

Вейнахский архалук длиной достигал колен, был притален, на груди, до ее середины, застегивался пуговицами, с пришитым воротником шириной в три пальца, с рукавами до запястий, к концу слегка зауженными. На груди пришиты один или два кармана. Две передние и задние части у архалука цельные, а ниже талии состоят из четырех пол - х а т т а ш; находящиеся по бокам передней и задней сторон полы в области талии слегка закруглены, передние, как и вокруг воротника, обшиты нитяным шнуром. Пошивали архалук из черной, синей, коричневой, белой хлопчатобумажной и шелковой тканей. В качестве подкладки использовали дешевую ткань - ситец, бязь и др.

Поверх архалука одевали чоху (III). Грузины называли ее - ч о х а, чеченцы - ч о а, ингуши - ч о к х и, кисти - ч у а к х. Этот элемент также считался выходной, праздничной одеждой, так это принято и у других кавказских народов (грузин, осетин, дагестанцев и др.) Ив.Джавахишвили пишет: "Чоха означает по-турецки шерсть. Персы называли чоха. Поскольку чоха в грузинском появляется в IX-X вв., следует полагать, что этот термин усвоен из персидского, а не турецкого, влияние которого на это ощущается позже"[32].

Чоха, согласно словарю Сулхана Саба Орбелиани, означает одежду из шерсти. Раньше (в XVI - XVII - XVIII вв.) слово чоха в грузинском означало монашескую одежду - мужскую и женскую[33]. Чоха употреблялась также для обозначения одного вида ткани (у Вахушти)[34] и шерсти (у Саба)[35]. Д.Чубинашвили толкует это слово по-русски как сукно, кафтан, т.е., с одной стороны, ткань, с другой - вид верхней одежды[36].

Таким образом, термин чоха использовался в трех значениях: как один из видов верхней одежды, как монашеское одеяние и как одна из разновидностей шерстяной ткани.

В XIX веке эта верхняя мужская одежда обозначалась названием "черкеска".

Чоху носили почти все кавказцы. Например, грузины, называли его ч о х а, осетины - ц у х ь а, кумыки - ч е п к е н, агулы - ч о х а й, лезгины - ч у х в а, азербайджанцы - ч у х а, вейнахи - ч о а (чеч), ч о к х и (инг.), ч у а к х (кист.). Ив.Джавахишвили писал: "В Грузии разница между мужской и женской одеждой была невелика. Общие и названия - кьаба (платье), катиби (шубейка), чоха и др. Разница была в длине и некоторых своеобразиях"[37].

Чоха, архалук, рубаха, нижнее белье - это женская и мужская одежда и у вейнахов. Чоха по сравнению с архалуком, более длинная одежда. Ее шили из серой, коричневой, черной, белой ткани домашнего изготовления. Чоха повторяет покрой архалука - лишь с некоторыми отличиями конструкции. Кроме того, на обеих сторонах груди предусмотрено по 8-10 газырей, украшенных хлопчатобумажными шнурами. В мирное время гнезда для газырей стали использовать не для боевых патронов, а как украшение[38]. Газыри изготовляли из дерева с костяными или серебряными верхушками, они были закреплены между собой тонкой серебряной цепочкой[39].

Распространенные в Грузии типы чохи Ак.Сохадзе разделяет на хевсурский, карталино-кахетинский и общекавказский[40]. К последнему типу относится и вейнахская чоха, однако среди кистов Панкисского ущелья широко распространена и чоха кахетинского типа.

Зимней одеждой вейнахских мужчин была овчинная шуба - к х а к хан к е т а р. О том, что к е т а р был широко распространен среди вейнахской одежды, свидетельствует и материал Н.Грабовского[41]. По данным же М.Албуташвили, молодые кисты редко одевали шкуры, разве что пожилые в виде накидок - плащей[42].

Эта одежда была двух видов: набрасываемая и одеваемая. Набрасываемая доходила до колен, была широкой, с длинными рукавами и меховым воротником. Шло на нее 9-10 длинношерстных овечьих шкур. Этот элемент в горных условиях считался лучшим одеянием. Он не только защищал человека от холода, но и использовался даже как одеяло и подушка. Он был вывернут мехом во внутрь, как и одежда второго вида, у которой, как и у чохи передние полы были цельными, сзади отрезные и слегка присборенные сверху. Рукава до запястий - ровные. Спереди, воротник и концы рукавов обшивались мехом. Эта одежда походила на одеяние соседних дагестанцев. В последнее время вейнахи использовали вместо шкуры, одежду жигетка из кожи или ткани; носили под чохой и архалуком.

В одежде мужчин большой популярностью пользовалась набрасываемая бурка - в е р т а (I). Она была незаменима в дождь, мороз,

ветреную погоду во время движения на лошади. Хорошая бурка была предметом гордости мужчины. От нее зависело мнение о нем в глазах общества. Мужчина на лошади и в хорошую погоду имел с собой бурку. Вейнахские женщины изготовляли их в большом количестве, однако она была не у каждого мужчины, и в случае нужды ее одалживали у соседа.

В быту панкисских кистов была распространена пастушеская одежда из пояркового войлока, называемая кистами - т и е к. Эта одежда из бурки была перенята у тушин.

К мужским украшениям относятся серебряный пояс с пряжками, кинжал газыри и перстень (IУ).

Одежда покойного. Материал, найденный Е. Крупновым в результате археологических раскопок , относится к тому периоду, когда вейнахи хоронили покойников по обычаям языческой религии. Он пишет: мужчина - покойник одет в длинную до колен рубаху (в большинстве случаев из цветной шерстяной ткани) и грубошерстные брюки. На ногах - обувь с высокими голенищами, на голове - мягкая, простеганная шапка. Нередко на покойника одевали папаху из овчины, в более поздние времена обряжали в чоху с газырями, на пальцы часто надевали бронзовые и серебряные перстни. Каждый покойник подпоясан в талии одним или двумя кожаными поясами с железными или бронзовыми пряжками, кожаный кошелек и железный нож. В некоторых захоронениях встречаются грубо выделанные кинжалы кавказского типа[43].

Смена религии оказала влияние и на погребальное одеяние покойника. Если раньше покойника хоронили в одежде через три-четыре дня, то впоследствии на это мусульманская религия наложила запрет и покойного хоронили обнаженного - в саване, что продолжается и по сей день.

В горах Чечни и Ингушетии (Шатой, Ведена, Джайрахи) зафиксирован материал, согласно которому на саван мужчине нужно было 10-12 метров белого материала. Был и такой период, когда из-за отсутствия белой ткани на саван вейнахи обмазывали обнаженного покойника белой глиной или известкой. Часто заворачивали в бурку и так хоронили.

Впоследствии вейнахи одевали покойника только в "рубаху благодатная", затем оборачивали в белую ткань и так хоронили без гроба. Сейчас кисты обряжают покойника в белую ситцевую или хлопчатобумажную рубаху и длинное нижнее белье, поверх - "рубаху благодатная" - м е - а к у о ч, на ноги носки из той же ткани, уши, нос закладывают ватой, заворачивают в тройную белую ткань и так хоронят. Ткань, в которую заворачивают покойника, называют п а р п, а целую одежду - е р ч. Часто кисты на два-три дня задерживают похороны, в чем сказывается влияние соседних грузин. А вейнахи Северного Кавказа хоронят

в тот же день, до захода солнца.

"Рубаха благодатная" - м е л а к у о ч - это накинутый спереди до колен, а сзади до пояса целый кусок миткаля с разрезом для голов Рукава к ней не пришиваются, поскольку пошитая в миру одежда несет на себе много грехов и рай не примет в ней покойного. С верой в это кисты в наше время обряжают мужчин и женщин в такую рубаху.

Аналогично вейнахам, гроб не был известен раньше и в Тушети, Пш ви и Хевсурети. Покойного заворачивали в бурку[44] и ковер[45] и так хо ронили.

Н.Грабовский пишет: вейнахи хоронят покойного без всякого церемониала. В могилу кладут на правую сторону, головой на юг, чтобы смотрел в направлении Мекки[46].

Г о л о в н о й у б о р - Вейнахские мужчины традиционно брили голову. Согласно мусульманской религии, волосы на теле человека, кр ме лица, считались большим грехом, ибо в них прячутся злые духи, ко торые беспокоят человека на каждом шагу. В послереволюционный перио молодежь отказалась от обычая брить волосы, однако с возрастом возв щались к нему. Молодой вейнах начинал бриться в возрасте 16-17 лет и оставлял усы - м и к х а ш. Этот день считался датой вступления его в совершеннолетие.

Вейнахи носили шапку повсюду, не снимая ее и в помещении, быть без нее считалось невозможным. К этому привыкали сызмала. Согласно полевым этнографическим материалам, у вейнахов установлены головные уборы следующего типа: к х а к х а н к у й - меховая шапка, х о а х а з к у й - каракулевая шапка, (У) д ж а I у н к у й - пастушеч шапка. Чеченцы и кисты называли шапку - к у й, ингуши - к и, а грузины - к у д и. По мнению Ив.Джавахишвили, грузинское к у д и (шап ка) и персидское х у д одно и то же слово, что означает шлем, т.е железную шапку. Этот термин означал шапки и в древней Персии[47] - от мечает он. Вейнахи летом надевали шапку из войлока, называемую м а г а л к у й - означает шапку для косьбы. Среди вейнахов широко ис пользовалась короткошерстная шапка, а также шапка, сшитая из цветно ткани, называемая у чеченцев - п и е с, а у ингушей - ф е с к. Схо жее с термином п и е с слово - п е с и засвидетельствовано Л.Ба раташвили в Месхет-Джавахетии[48]. Слово песви приведено у Ив.Джава хишвили как обозначающее нижнюю часть одежды,[49] по интерпретации Са ба п е с в и - нижняя часть - кайма на одежде[50].

Шапка у вейнахов считалась символом мужества. К головным уборам относится и башлык - б а ш л а к ъ. Аджарцы называли его - б а ш - л у гI[51]. БашлугI - турецкое слово, отмечает Ив.Джавахишвили[52]. Вид мо, вейнахский термин произошел от этого слова. Башлык - неотделима

часть от бурки и является элементом, широко распространенным в Грузии, Осетии, Дагестане, имеющий некоторые локальные различительные признаки (покрой, пошив).

О б у в ь - обувью вейнахских мужчин были носки из шерстяной ткани - п а з а т а ш и вязанные на спицах - б о р д ж у м а ш. Поверх носок одевались ноговицы - п е з а г а ш, тянущиеся от лодыжек до колен. Ноговицы имеются двух видов - из домотканой шерсти и из кижи. Оба вида одевали на голени и укреплялись под стопой ремешком. Ноговицы были широко распространены в горах Восточной Грузии - (Тушети, Пшави)[53], Осетии, среди племен Дагестана.

Основной обувью вейнахского мужчины была обувь из войлока и кожи (У) с высокими или низкими голенищами. Подошва у войлочной обуви была из кожи, а кожаная-целиком из кожи. У обоих типов обуви низ был иягким и в дождливую погоду поверх нее надевали кожанную обувь- я е к ъ к а л у а ш. Обувь с низкими голенищами - м а ь х ь с и больше одевали дома. Для передвижения в горах были хороши каламаны с голенищами. В Чечне и Ингушети их называли - х ь у л ч и. Подобная обувь встречается в Хевсуретии и Сванетии. Она была вниз сплетена кожаной широкой тесьмой, облегчая пастухам и охотникам передвижение. Кистинские каламаны - к а л б а н а ш не имеют голеищ, они аналогичны тушинским и пшавским.

Рассмотренный материал дает возможность провести общие паралели между вейнахской мужской одеждой и одеждой соседних горцев (грузин, осетин, дагестанцев и др.) и выделить некоторые локальные своеобразия, которые проявляются в основном в выкройке различных деталей, пошиве, украшениях, длине, в расположении и пришиве газырей, в цветах материалов, из которых шьется изделие, а также в формах и манерах использования, носки. Различные признаки фиксируются в Чеченском и Ингушском мужском костюмах, если их сравнить меж собой; ингушская черкеска - ч о к х и длиннее чем чеченская (схожа с грузинской чоха). Основным элементом вейнахской мужской одежды второй половины XIX и начала XX века, как в частности и в одежде других соседних горцев считалось два элемента: ч о а (черкеска) и г I о в т а я (архалиг).

Вообще следует отметить, что развитие традиционной мужской одежды вейнахов в горах и на равнине шло во взаимосвязи и под воздействием местных условий, где вырисовывались при этом обособленные, своеобразные черты, которые отражали уровень развития экономики, культуры и этнического вкуса народа. Этот процесс сопровождался заменой старых элементов одежды новыми.

В кистинской одежде наличествуют такие элементы одежды, которых

нет у чеченцев и ингушей, в частности, грузинская куладжа (кист. куладж), каламани (кист. калбанаш). Кроме того, названия других элементов вейнахской одежды находят аналогии в грузинской, например, чоха - чокхи, халати - халат, куди - куй, калоши - калуаш, текатиек и др. У вейнахов, как и у соседних племен, праздничной одеждой молодого человека считалась чокхи (черкеска), а мужчин преклонного возраста - гIовтал (архалиг) и гарибальдинская шапка.

В настоящее время архалиг, (чоха редка), рубашка с завышенным воротом и гарибальдинская шапка сохранились в одежде мужчин преклонного возраста в Чечено-Ингушетии и Панкисских кистов. По их мнению фабричная чоха (черкеска) потеряла свой прежний лоск и не соответствует их вкусу. Бурка и обувь (маьхьси, хьучи) и ныне имеют такое же применение как и в прежние старые времена.

Примечания

1. Вахушти. "Картлис цховреба", т. IУ, Тб., I973, с.653.
2. Путешествие Гюльденштедта по Грузии, т.I, Тб., I962
3. Н. Ф. Грабовский. Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушевского округа. ССКГ, III, Тиф., I87
4. Е. И. Крупнов. Средневековая Ингушетия. М., I97I.
5. Е. Н. Студенецкая. Культура и быт народов Северного Кавказа, М., I968.
6. Г. А. Сергеева. Одежда народов дагестана и чечни. КЭС, УI, М., I976.
7. Н. Ф. Грабовский. Указ. труд, с.I4.
8. Г. К. Мартиросян. Нагорная Ингушетия. Вл., I929, с.6I.
9. Б. А. Калоев. Чеченцы, Народы Кавказа, I, М., I960, с.362.
10. Там же.
11. М. О. Албуташвили. Описание Панкисского ущелье /лич.архив/, I899, т.3, с.38.
12. Е. И. Крупнов. Указ.труд, с. 94-95.
13. Е. Н. Студенецкая. Указ.труд, с.I5I.
14. Г. А. Сергеева. Указ.труд, с.I87.
15. К. И. Козлова. Народы Кавказа. "Основы этнографии" под ред. С.Токарева, М., I968, с.I05.
16. Там же.
17. С.С.Агаширинова. Материальная культура лезгин XIX-начала XX-в М., I978, с.I02.
18. ВИА СССР, ф. ВУА, № I8065, ч.3. I86I.
19. Там же.

20. А. А. Исламов. Пережитки первобытно-общинного строя у чеченцев и ингушей /рукопись канд.диссер./, I97I, с.55.
21. Институт рукописей им.акад. К. Кекелидзе, ф. НЛ. I027с.
22. А. Скачков. Опыт статистического исследования горного уголка /этнографический очерк/, ВЛД., I905, с.62.
23. С. Ш. Гаджиева. Кумыки, М., I96I, с.230.
24. Толковый словарь грузинского языка, УII, Тбилиси, I962, с. I3I9.
25. И. А. Джавахишвили. Материалы к истории материальной культуры грузинского народа, III-IУ, Тбилиси, I962, с.II5.
26. Русско-грузинский словарь, т.III, Тбилиси, I953, с.586.
27. Е. Н. Студенецкая. Указ. труд, с.I77.
28. И. А. Джавахишвили. Указ. труд, с.95.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же. с.I06.
32. Там же. с.99.
33. И. Цицишвили. Материалы из истории грузинской одежды. Тбилиси, I954, с.58.
34. Вахушти. Указ.труд, с.45.
35. С. С. Орбелиани. Словарь, Тбилиси, I928, с.4II.
36. Д. Чубинашвили. Словарь, с.464.
37. И. А. Джавахишвили. Указ.труд, с.99.
38. А. К. Сохадзе. Типы грузинской верхней одежды чоха, **ареал**, их распространения и термины. Вестник Государственного музея Грузии им.акад. С.Н.Джанашия, **XXX-B**
39. Там же.
40. Там же. с.67-77.
41. Н. Ф. Грабовский. Указ.труд, с.I5.
42. М. О. Албуташвили. Указ.материал, с.39.
43. Е. И. Крупнов. Указ.труд, с.95.
44. С. И. Макалатия. Тушети, Тбилиси, I933, с.I67; его же Пшави, Тбилиси, I934, с.I50.
45. С. И. Макалатия. Хевсурети, с.205.
46. Н. Ф. Грабовский. Ингуши, ССКГ, Тифлис, вып.9, с.I5.
47. И. А. Джавахишвили. Указ.труд, с.I29.
48. Л. Бараташвили. Материалы из истории грузинской народной одежды XIX века из Месхет-Джавахети. Материалы по истории материальной культуры Грузии, I, Тбилиси, с.I46.
49. И. А. Джавахишвили. Указ.труд, с.90.

50. С. С. О р б е л и а н и. Словарь, с.354.
51. И. А. Д ж а в а х и ш в и л и. Указ.труд, с.145.
52. Там же.
53. С. И. М а к а л а т и я. Тушети, с.149; его же Пшави, с.115.

М.В.Кантария

АГРИКУЛЬТУРНЫЕ СПОСОБЫ ПОЛЕВОДСТВА В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Хозяйство высокогорных ущелий Чечено-Ингушетии относится к горному типу, который характеризуется симбиозом скотоводства и земледелия. Соотношение этих взаимообусловливающих отраслей выражается в ведущей роли скотоводства в экономике страны и интенсивной формой полеводства.

Кроме названных регионов к горному типу на Кавказе причисляются хозяйства Карачая, Балкарии, Осетии – на северном склоне, на южном же – восточной части горной Грузии (Хевсурети, Пшави, Тушети). Эта одна хозяйственно-культурная единица, в которую включены этносы говорящие на разных языках, имеющие этническое самосознание и психический склад, исповедующие разные религии. Но схожие естественногеографические условия, сравнительно одинаковый уровень социального развития, многовековые культурно-исторические взаимоотношения способствовали выработке общих черт хозяйственного быта, охватывающий весь Центральный Кавказ. Однако, несмотря на отмеченную общность, каждый регион отличается локальными своеобразными чертами полеводческого хозяйства, что в совокупности создает цельность культуры Центрального Кавказа. Таким образом, Чечено-Ингушетия входит в орбиту хозяйственно-культурного единства Центрального Кавказа.

Конкретное своеобразие хозяйства Чечено-Ингушетии воплощается в террасной системе земледелия. Устройство террас было свойственно вообще для высокогорных районов, где малоземелье и естественно-топографические условия принуждали путем агротехнических приемов максимально осваивать всю полезную площадь. Посредством террасирования склонов достигалось рациональное использование земель и, тем самым, осуществлялась защита почв от эрозии, которая вследствие вырубки больших лесных массивов на Кавказе достигла угрожающих результатов.

Террасная система земледелия является древнейшим достижением культуры человечества. С данной формой земледелия был знаком

весь восточный цивилизованный мир с древнейших времени. Она была распространена на Цейлоне, в Южной Америке, Италии, во Франции. Террасная техника, известная в Восточном Средиземноморье уже III тысячелетия до н.э.[1] начинает сравнительно широко применяться в горах Ливана после 550 г. до н.э., когда туда были введены первые шелковичные коконы[2]. Существует мнение, что террасы использовались главным образом для технических культур, садоводства-виноградарства, а также для субтропических культур и цитрусов. Так было и на Балканах, где берега Адриатического моря сплошь покрыты каменными многоярусными террасами,на которых и сейчас разводят виноградники и оливковые сады.

Это положение подтверждается и грузинской действительностью, где на террасах в основном разводили фруктовые сады и известные во всем мире виноградники. В Дагестане террасы также использовались главным образом для садоводства. Однако, сказанное ни в коем случае не исключает применение террас в полеводстве. Следует отметить,что именно для полеводческих нужд, в основном,устраивали и использовали искусственные поля в горных ущельях Центрального Кавказа, где садоводством, а тем более виноградарством или разведением других технических культур, из-за климатических условий почти не занимались.

Существует мнение, что террасы распространены в Советском Союзе в субтропической полосе и предназначены, главным образом, для разведения винограда, чая, и цитрусов. Отмечено,что террасы существуют в республиках Средней Азии, в Закавказье и Дагестане[3]. Со своей стороны хотим уточнить,что не только в Дагестане, как выше уже отмечалось, искусственные поля почти везде существуют в горной части Центрального Кавказа - в Балкарии, Осетии, в Чечне Ингушетии. Террасным хозяйством занимались и на северо-западном Кавказе, а именно в Адыгее. Используя для нужд земледелия нередко довольно крутые склоны гор, адыги, как и другие горцы Кавказа, прибегали к их искусственному террасированию, укрепляя склоны при помощи каменных стен. Участки террасного земледелия встречались в горах Черкесии повсюду. В частности, их отмечает в своем отчете комиссия Хатисова и Ротинянца[4]. Террасное земледелие Кавказа сохранило богатую терминологию[5], что безусловно является свидетельством традиционности этой формы хозяйства.

В ущельях как Северной, так и Южной Осетии, в основном, существовало подсечное хозяйство с трехпольной системой. Вместе с тем, наряду с подсечной системой,достаточно широко было распространено террасирование склонов,что являлось эффективным и испытанным средством против эрозии почв. Посредством террас здесь в усло-

виях малоземелья создавалась возможность искусственного увеличения пахотных угодий[6]. В Дагестане,как известно,существовали террасные площадки.В XVIII в. еще более усилился процесс их освоения и обработки. Горцы затрачивали нечеловеческий труд,чтобы сделать пригодным для пахоты крутые горные склоны[7].

Стало быть,схожие естественно-экономические условия формируют идентичные формы хозяйствования и в этом случае наш регион исследования не составляет исключения из общего правила, где объективно существующие условия сами подсказывали и создавали предпосылки для создания террасной системы земледелия. Следует подчеркнуть,что в районах Центрального Кавказа (Балкария,Осетия,Чечня,Ингушетия) террасы в основном подчинялись полеводческим интересам. Искусственно созданные площадки использовались как пахотные и сенокосные участки. Хотя не исключено их применение и в других целях. Например, в Балкарии на террасах разводили также фруктовые сады[8]. Аналогичное явление имело место и в Чечне. Но это, как нам кажется, более позднее явление - следствие вторичного освоения участков,первым же должно было бы быть их использование в полеводческих нуждах.

Путем возводимых террас эффективнее осваивались склоны гор и тем самым велась борьба против эрозии почв. Эти приемы являются древнейшими испытанными средствами, которые также защищали, предохраняли площади от избыточной влажности. Изучив террасную систему земледелия в Грузии, Гегешидзе М.К. пришел к заключению,что оно было направлено против комплекса местных естественных условий. Эти факторы: крутой склон, эрозийность почв, гидрографический режим, климат[9]. Конкретный этнографический материал из Чечни и особенно Ингушетии убедил нас в том, что наряду с освоением и защитой почв, террасы использовались для искусственного или естественного орошения. Таким образом, террасная система является показателем интенсивного освоения земель.

В научной литературе существует мнение, что в земледелии различные системы обработки почвы - суть различные технологии, в рамках которых последовательно используются элементы техники: плуги, бороны, культиваторы и т.д. Считается,что каждый из видов технологии возделывания земли соответствует конкретной системе земледелия и что она включает в себя несколько частных систем (технологий): обработку почвы, уход за растениями, уборку и пр.[10]. Следовательно,система более узкое и конкретное понятие по сравнению с технологией. Если взять конкретные способы обработки земли,то, безусловно,более приемлемым следует считать применение

технологии. Но для целого комплекса хозяйственных приемов, нам кажется не совсем оправданным употребление термина-технология. Технология является конкретным понятием,которое подразумевает путем применения определенных средств и методом превращение сырья в готовую продукцию[11]. Система же суть органическое единство элементов,которая состоит из закономерно взаимосвязывающих частей[12]. К сказанному следует добавить,что в современном понимании система,наряду с типологией,является основным средством абстракции. Последовательно построенная система упорядочивает не только известные предметы,но и такие,существование которых возможно,но еще не обнаружено наукой. Поэтому в систематике большую роль играет группировка объектов с помощью обобщенных или идеализированных моделей[13].

Следовательно,исходя из вышеизложенного,мы приходим к выводу, что отдельные приемы введения земледелия можно назвать технологиями,например, технология подсеки, технология обработки почвы и т.д. Но весь комплекс хозяйствования (который начинается ранней весной,а порой и даже зимой с унавоживания полей и кончается поздней осенью переработкой зерновых культур), нецелесообразно считать технологией, ибо эта целая система полеводства,последовательно объединяющая отдельные конкретные технологии. Считаем, что система земледелия отвечает на вопрос, с какой формой земледелия мы имеем дело в отдельном конкретном случае,технология же - какими способами и средствами осуществляется производство данной формы или системы земледелия. Следует также подчеркнуть,что определенная система земледелия детерминирует форму хозяйственно-культурного типа.

Родионов М.А., изучая террасное земледелие,отмечает,что в зависимости от рельефа варьируются и виды террас. На пологих склонах устраивают обычно гребневые террасы, при среднем уклоне - ступенчатые,на крутых склонах - траншейные[14]. В данном случае, по нашему мнению, дело касается классификации террас по признаку конфигурации последних. Конфигурация,точнее профиль и разрез терасированного склона,безусловно,полностью зависит от степени вертикальности склона, поэтому названные варианты не везде могут существовать. В вышеперичисленных Родионовым видах не учитывается сама техника террасирования. Конкретно,относительно кавказской среды считаем, что существуют,в основном,два вида террас: с подпорными,укрепленными стенками и террасы без укрепленных стенок. Эти последние иногда причисляют к естественным в противовес террасам с укрепленными стенками[15],которые считают

искусственными.Мы же как с подпорными стенками, так и ступенчатые без укреплений причисляем к искусственным.

Калоев Б.А., описывая системы земледелия на Северном Кавказе, отмечает,что одним из древних видов занятия населения горного Кавказа является террасное земледелие[16]. Он разделяет на два вида террасы - естественные и искусственные и описывает искусственные с подпорными стенками. Так что из текста не совсем четко представляется, какие виды он подразумевает под естественными. Описывая же искусственные террасы, Калоев Б.А. пишет:"Искусственные поля были разбросаны отдельными клочками часто на отдаленных от населенных пунктов местах. Землю на такие поля доставляли вьюками на санях или на специальных арбах. Участки обносили кладкой из камня. Строительство искусственных террас требовало огромного труда и времени"[17]. Автор считает,что естественные террасы имели наибольшее распространение во всех горных зонах, и что почти все горное земледелие возделывалось на естественных террасах, в предгорьях же разводили огороды и сады. Если автор под естественными террасами подразумевает площадки, устраиваемые без подпорных стенок, тогда не совсем точно ее определение, что она естественная. Какое-то начало естественное, конечно, имеется, но в целом она больше чем наполовину искусственная, которая приобретает резко очерченную конфигурацию посредством сознательного вмешательства человека. Ступенчато растеррасированные пологие склоны гор - культурные слои, созданные руками человека. Поэтому называть эти участки естественными, на наш взгляд, не совсем целесообразно.

Довольно широко распространенное мнение обработки естественных террас, по нашему мнению, вызвано тем, что эти террасы, на первый взгляд, оставляют впечатление действительно созданных естественно, без вмешательства человека. Несмотря на то, что они расположены порой довольно высоко и имеют четко очерченную ступенчатую форму, поскольку не имеют подпорных оснований, считаются естественными. Такие террасные поля, распространенные во всем Кавказе, встречаются часто в Чечне и Ингушетии. Возможно, склоны гор в какой-то степени с самого начала были ступенчатыми, тем более, что естественные террасы существуют с геологической точки зрения. Они разного происхождения, в основном, являются результатом речного действия и, как правило, представляют дно высохших рек. Считают, что они созданы в результате интенсивности речного течения, что обычно вызвано увеличением покатости течения, и было результатом технического подъема местности или же уменьшением

речного русла. Вследствие этих изменений увеличивается поток воды, что вызвано климатическими и другими изменениями. Известно, что человек с незапамятных времен пользовался стихийно созданными террасными участками, таким путем приспосабливаясь к местной среде он активно осваивал территорию в хозяйственных целях. В этом смысле удобнее было обрабатывать естественные террасные поля, расположенные в ущельях или по берегам рек. Эти сегментированные площадки были одно-и многоступенчатые.

Стало быть, если допустить, что в Чечне и Ингушетии склоны гор в какой-то степени были террасированные с самого начала их освоения, то становится понятным, почему они обрабатывались так высоко в горах. Местные информаторы разъясняют, что хозяин отдельного участка во время пахоты старался по возможности глубже врезаться в склон с целью расширения площадки. Для этого пользовались более длинными, чем обычно, ярмами. Обваленная со склона земля собиралась у края участка и возвышала его, таким образом ступени делались более очерченными. Итак, человек своим сознательным действием изменял очертание склона и тем самым достигал большей эффективности. Эти террасы не нуждались в подпорных стенках,так как склоны были пологими. Исходя из вышесказанного, считаем,что описанние террасы нельзя отнести к естественным. Они тоже искусственные, созданные целенаправленным действием человека. Описываемые террасы условно называем насыпными лентообразными террасами. Стало быть, как террасы, укрепленные, так и насыпные, считаем искусственными. По типологии Агларова М.А., который специально изучил террасную систему у аварцев, естественные террасы выделены в отдельный вид, к формированию которого земледелец не имел отношения[18].

Таким образом, использованные в земледелии террасы можно отнести к двум типам: I. с укрепленными фронтонными стенками, 2. без укрепленных стенок. Каждый из этих типов делится на подвиды. Первый тип объединяет: террасы с каменными, деревянными, плетенными и т.д. подпорными стенками. В данном случае за основу вариантного деления берется стройматериал подпорных стенок форма же самих террас и функция одна и та же. Второй тип включает многоступенчатые насыпные террасы разной ширины и формы без подпорных стенок. При выделении типов учитывается нами техника изготовления террас: в первом случае с подпорной фронтонной стеной, во втором - без него.

Чиджавадзе Н.Ш. за основу классификации террас берет последовательность их создания, в следствие чего выделены: I. речные

террасы, которые он считает естественными и самыми ранними использованными в земледелии. 2. Террасы с подпорными стенками и 3. без подпорных стенок[19]. Как видим, вторая и третья группы совпадают с нашей классификацией. Относительно первой же мы уже высказали свое соображение и остаемся при своем мнении.

На Северное Кавказе, как свидетельствует этнографический материал, существовали террасы обоих видов - с подпорными стенками и насыпные. Они встречаются и в Чечне, и Ингушетии, более того, склоны гор в Чечне покрыты сплошными террасами. И чем выше поднимается в горах, тем их число увеличивается. Следовательно, частота террас находится в прямой зависимости от высоты, что вполне логично.

Робакидзе А.И. считает искусственное террасирование с удобрением и применением орошения и севооборота основным признаком интенсифицированного земледелия ингушей. Автор утверждает,что наиболее типичной чертой горного земледелия ингушей являлось искусственное террасирование[20].

В вайнахском для обозначения пашни распространен термин х а н а/о а х а м. Для террасы же употребляется т е р х е. Это почти повсеместное распространенное название.Но в отдельных случаях встречается название м о г р и ш (инг.) в отличие от террас с каменными подпорными стенками,которые называются т I о у. (инг.), г I о й ш (мн.ч.).

В ущельях параллельно встречаются локальные варианты терминов. В Шаро-Аргунском ущелье нами зафиксировано название ш у/ш у н а ш для обозначения террасы, а терраса с каменной подпорной стеной именуется т I у л г а ш б у т и н ш у, встречается и термин т I у л г а н т е р х е. тIулг - по Чеченский камень, а терраса фигурирует в этом термине формой т е р х е, отсюда террасированный склон горы называется - л а м а н а н т е р к е н а н б а с е. Существует и название б е р и.Нами зафиксированы также термины т I у о б и л и н т е р х е, также для обозначения террасы с каменной подпорной стенкой; ю ц и н т е р х е - плетеной стеной и а р и т е р х и - с стеной, укрепленной деревянными кругляками. В Ингушетии тоже существовали укрепленные деревом террасы, но ни в Чечне, ни в Ингушетии они более не встречаются. В научной литературе для террас с деревянными стенками приводится название и й ч е . В русско-чеченском словаре есть название у ч е, но не для террасированного склона с деревянной подпоркой, а вообще например, для застекленной террасы дома[21]. Как видно, приводимый в литературе термин и й ч е не что иное, как искаженная форма у ч е.

Встречаемые в грузинской действительности насыпные лентообразные террасы именуются - лареби (мн.ч.), что в переводе означает струну. В названии раскрыта суть и характер этих участков - они подобно струн прямые, узкие, ровные и как-бы натянутые. В Грузии их использовали в основном для возделывания хлебных злаков. Лареби встречаются, главным образом, в Аджарии, а также в Месхети, Картли, Тушети, Мтиулети и Эрцо по свидетельству Бериашвили Л. В Чечне и Ингушетиии они известны под названием л а ь т т а т е р х е. Первая часть этого термина: л а ь т т а - земля, вторая же т е р х е, как уже отмечалось, обозначает одну ступень террасы. По материалам Робакидзе А.И. террасы такого вида называются м о г I р и ш[22] (в значении ряд, строка - могра), в отличие от террас с каменными подпорными стенками, которые называются гIоу[21].

Узкие лентообразные ступенчатые участки особенно рельефно вырисовываются в Чечне напротив сел. Макажой, расположенного севернее озера Кезеной-Ам. Раскинутые ступенчато эти земляные полосы объединяются в одну ломаную линию и создают издалека впечатление лестницы, по которой легко можно передвигаться. Но в действительности, они довольно крутые ступенчатые выступы, разграниченные между собой невспаханными вертикальными стенками, которые являлись межами. Межи эти оставлялись под сенокос или предназначались для выпаса рабочего скота во время пахотной страды.

Подчеркиваем и то, что лентообразные насыпные террасы в Чечне увязываются с подсечной системой хозяйства, которая широко практиковалась в нагорных районах Чечни. Красочные лужайки, виднеющиеся среди густых лесных массивов в Чечне, результат подсеки. И не только в Чечне подсечная система была одной из распространенных и в тоже время древних систем земледелия на Северном Кавказе.

Опираясь на работу Семенова С.А., Калоев Б.А., считает, что подсечная система восходит к эпохе мезолита и раннего неолита[22]. Однако Семенов С.А. этим периодом датирует подсечную систему Северной Европы[23], а не Кавказа. Возникновение практики подсечного хозяйства в Западной Грузии, например, связывают с периодом зарождения земледелия (Гобеджишвили Г.Ф. Бердзенишвили-Киладзе Н.З.). Грузия, как известно, считается одним из первичных центров зарождения и возникновения земледелия. На Северном же Кавказе она развивается сравнительно позже. Начало использования подсек в качестве покосов и пастбищ в горных регионах увязывают с зарождением горного скотоводства и орошения покосов в эпоху

средней бронзы[24].

Осуществлялась подсека в несколько этапов: вырубка леса, корчевка пней и кустарников, очистка подсеки (выжигание, сбор камней); обработка почвы (боронование, мотыжение); сев. Все это выполнялось с применением простейших орудий[25]. Путем подсеки расширялась хозяйственная база общества. Создавались новые угодья, которые порой превращались в поселки и служили местом жительства для вновь образовавшихся семей.

Розен Р.Ф., описывая экономическое положение и хозяйственное своеобразие Чечни, писал: "Долина сия прежде, как и теперь многие помнят, была покрыта сплошными лесами; ныне же во многих местах встречаются большие поляны, которые год от году делаются просторнее, главная причина тому, конечно, та, что по мере умножения числа жителей нужно увеличивать и поля; также заметно, что год от года увеличивается число отселок из больших деревень, и там, где 10 лет тому назад были густые леса, теперь поля и много деревень"[26]. Такие же сведения существуют относительно Ичкерии, а именно Норденстам И.И. сообщает: "Из больших деревень делают выселки, и в лесах везде видно недавно очищенные для хлебопашества места"[27].

Подсека была трудоемкой работой. Обработка одной десятины подсеки для посева ржи или ячменя обходилась в 50-70 трудодней, если брать средние цифры по порубке леса, сжиганию его, боронованного севу и другим операциям, входящим в этот трудоемкий и обременительный процесс. Многое зависело от того, какой лес или подселок вырубался, под какую культуру, какими способами, как производился выжиг палового материала и т.д. Следует учесть и постепенное усовершенствование технологии подсечного земледелия[28]. Несмотря на это, леса в Чечне активно вырубались. Расчищались места для земледельческих нужд и даже для поселения. В ходе Кавказской войны этот процесс принял угрожающие размеры, вследствие чего значительная часть лесов Восточного и Западного Кавказа была истреблена[29] и склоны гор полностью оголились. Тогда понадобилось техническое вмешательство человека, чтобы предотвратить пагубный результат своего действия.

Любопытный материал содержится в работе Иваненкова И.С. о своеобразной форме хозяйства горных чеченцев. Он пишет: "В лесных местностях северной части района члены образовавшихся там общин практиковали тот же способ заимки, какой существовал во всех других местностях, покрытых лесами. Способ заключался в том, что всякий домохозяин занимал по своим потребностям и силам места

для расчитски леса и обозначал его зарубками на деревьях. Установление какого-либо срока для расчистки не существовало, потому что право первого захвата переходило к наследникам и если отец не расчистил всего места, то дело его продолжали наследники его. Все признавали раньше и признают теперь это право..."[30]

Во избежание эрозии почв, вынуждены были террасировать склоны. Терасирование требовало изнурительной физической работы. Этот тяжелый труд продолжался в течение нескольких лет и был вызван нехваткой пахотных земель. Описанные поля сравнительно позднего происхождения, образованные в результате освоения горных склонов. Первый этап подразумевает подсеку, второй же, обусловленный техническими причинами, вызывал необходимость террасирования склонов.

Поскольку лентообразные террасы тянулись узкими полосками, они были, как правило, многоступенчатыми. По сообщению Грабовского И.Ф., эти поля были 10-12 аршин длины и 5 ширины[31]. Узкими, насыпными полосами растеррасирована в Ингушетии в Джерахском ущелье гора напротив сел. Пхемет. В Чечено-Ингушетии эти участки служили полеводческим интересам. Однако их давно уже не обрабатывают, так как после освоения плоскостных районов они потеряли экономическую ценность и из-за сложности эксплуатации забросили их. В лучшем случае они покрыты кустарниками. Однако, ступенчатый, многоярусный профиль когда-то искусственно создаваемых полей свидетельствуют о наличии в этих районах интенсивной формы полеводства. Калоев Б.А. считает, что упадок земледелия в горных районах Кавказа происходил не одновременно и не в одинаковой степени. Следы террасных полей, например, в высокогорных районах Чечни и особенно в верхогорьях Аргуна, свидетельствуют о том, что здесь эта форма земледелия прекратила свое существование не ранее конца XIX в.[32].

Исходя из грузинского этнографического материала, Бериашвили Л. совершенно справедливо отмечает, что лентообразные террасы образовывались постепенно. Особый способ пахоты, который применялся при обработке подобных участков, способствовал формированию террас. Аналогичное положение наблюдается в Чечне и Ингушетии. Как известно, в исследуемых регионах вспахивалась земля посредством местного рала, известного под названием л о м а н н о х или д а х ч и н о х. Благодаря своей конструктивной особенности и малых размеров, этим орудием легче было маневрировать на маленьких щебенистых почвах. Поэтому террасные участки обрабатывались исключительно такими орудиями. Однако, дойдя до конца борозды, из-за нехватки площади рало нельзя было развернуть и приходилось

каждый раз доставать из борозды нох и новый ряд начинать пахать с противоположной стороны. Это был вынужденный маневр, который придавал склону ступенчатую форму.

Такой же способ обработки лареби засвидетельствовал Чиджавадзе Н. в Грузии[33].

Если полоса пашни была не очень длинной, ее обрабатывали обычно мотыгами. Таким образом, лентообразная насыпная терраса связана с мотыжной системой земледелия. Применение мотыги для обработки земли в горах толкуется иногда в литературе, как признак крайней отсталости земледелия в этих районах, которые якобы вплоть до первой половины XIX века не вышли из "мотыжной стадии". Как справедливо отмечает Гарданов В.К., такое мнение безусловно является совершенно ошибочным, так как в этих районах давно было известно пашенное земледелие и применение мотыги в горах сочеталось с удобрением, искусственным орошением и т.д., что свидетельствует отнюдь не о первобытном характере земледелия в горных районах[34]. Хан-Гирей применение мотыги в некоторых районах горной Черкессии объясняет не отсталостью земледелия у живших там адыгов, а невозможностью использования в тех географических условиях упряжных пахотных орудий[35]. Клинген И.Н. также объясняет применение черкесами мотыги в горах особенностями рельефа некоторых земельных участков, а не отсталостью земледельческой техники горцев. По его личным наблюдениям для обработки крутых склонов в сильно пересеченных местностях жители обходились совсем без упряжных орудий, довольствуясь одной мотыгой и действуя ею с такой ловкостью и проворством, что никакой европейский рабочий, привыкший применять тяпку в плугопольных культурах при отлично обработанной почвы не выдерживает с ними никакого сравнения[36].

Мотыга, приводимая в действие руками человека, является универсальными в применении. Этим орудием работают целенаправленно, осмысленно, благодаря осмысленности применения, человек мог существенно варьировать операциями этим орудием[37], тем более, что работу начинал с нижней кромки террасы, землю отбрасывал к себе под ноги, а при обработке земли в условиях террас без опорных стенок, это приобретало наиважнейшее значение.

При подборе подходящего склона, как правило, учитывалась ориентация места к солнцу. Предпочтение давали южным склонам, интенсивно обогреваемым лучами солнца, о чем свидетельствуют вышеназванные террасированные склоны в Джериахском и в Шаро-Аргунском ущельях. Известно, что язык непосредственно связан со всякой деятельностью человека и, следовательно, всего народа, поэтому приз-

нано, что история языка отражает в себе историю народа[38]. И в данном случае в вайнахском языке сохранились дифференцированные названия солнечной и теневой стороны. Теневая сторона ущелья называется х ь о в х ь е, солнечная же ц I е р а х ь е[39]. Нами зафиксированы и другие названия. Участки, расположенные на южных склонах и вообще южные склоны называются - к ъ и л б а с е, что переводится земли южной звезды, т.е. расположенные по той стороне, где находится южная звезда. Северные же участки называются къилбаседе т.е. земли полярной звезды. Для северных склонов встречается также название хъаухьие. В данном случае учитывалась и степень наклонности склона. На отвесных склонах и р х е б а с е лучи солнца действуют более активно и выжигают почву. Из-за этого во время засух на северных склонах собирали лучшие урожаи. На таких крупных склонах трудно производить и посевы, шанс смывания на них гораздо больше, поэтому без террасирования эти отвесные склоны, как правило, не обрабатывались. По сведениям информаторов, северный склон менее пригоден для хозяйства. Злаки поспевают на них сравнительно позднее и порой до уборки урожая начинаются осенние заморозки; снежные обвалы бывают чаще именно на этой стороне и смываемая ливнями почва пагубно действует на культурный слой.

На южных же склонах, степень активизации солнечной энергии высокая, что положительно действует на структуру почвы, способствует усвоению перегноя, злаки поспевают в срок и создается возможность без значительных затрат собрать полностью урожай. В это и заключается рациональное применение солнечной энергии в хозяйстве, что безусловно, является признаком высокоразвитой культуры полеводства.

Подобными знаниями владели и грузинские крестьяне, рационально применяя их с целью достижения высокой урожайности. Свидетельством этого является богатый этнографический материал, собранный в разных регионах Грузии[40].

Вайнахи уделяли определенное внимание солнечным южным склонам и при распределении полевых культур по вертикальной зональности. Христианович В.П., известный знаток экономического быта ингушей, отмечает: "Кукуруза на зерно достигает 1500 метров по солнечному, южному склону скалистого хребта (сел. Бейни), в это время как на северном склоне Передового хребта выше 1130 метров, мы не знали посевов кукурузы на зерно; в селениях Салги и Тумги имеются посевы только кормовой кукурузы на зимний корм. Также и овес, на южном склоне он распространяется выше, а на северных склонах по-

севы его распространены главным образом на высотах от 1000 до 1600 метров"[41]. Однако для Чечни, чем дальше на восток, эти цифры увеличиваются. Эти цифры сами говорят за себя. Этим же автором приводятся даты по районам южных и северных склонов. Таблица показывает, что разница в сроках посева для зерновых культур между южными и северными склонами достигает 15-20 дней[42].

В высокогорных районах Южного Дагестана, например, у Цахур солнечная обогреваемость летом склонов важнее зимней влаги, поэтому в высокогорьях капризная осень и короткое лето не благоприятствовали культивированию яровых[43].

Кроме описанных лентообразных насыпных террас, которые сравнительно легко возникали в результате своеобразного способа обработки горных склонов, в Чечне и Ингушетии были распространены, как уже отмечалось, террасы или даже платформы с укрепленными стенками. В специальной литературе существует мнение, что терраса с подпорной стеной была одной из первой, освоенная и примененная человеком на заре возникновения земледелия (Бериашвили Л., Чиджавадзе Н.). Исходя из этнографического материала, нам думается, что более ранними должны были быть террасы без подпорных стенок, так как их устраивать и обрабатывать намного было проще, чем платформ с подпорными стенками. Это, конечно, не исключает существование в глубокой древности и укрепленных стенок. Наше предположение о сравнительно позднем распространении подпорных стенок, основывается на следующем: платформы, как правило, устраивались в трудно доступных местах, где недостаточно было защищать почвенный слой от оползаний растительным покровом, а нужно было укреплять площадки довольно большими каменными глыбами. Платформы обычно устраивали у оврагов, дорог и в других трудно проходимых местах, их было тяжело и порой опасно сооружать. Наверное, по этим причинам эти платформы сравнительно в меньшем количестве встречаются в Чечне и Ингушетии и, как правило, одноступенчатые. Все это наводит нас на мысль, что террасы с подпорными стенками стали устраивать после того, как вся полезная, удобная земля была использована и оставшиеся без земли вновь образовавшиеся семьи вынуждены были устраивать террасы с подпорными стенками. Таким образом, осваивались непригодные для хозяйства площади.

Следует учесть и то обстоятельство, что по этнографическим материалам в Чечне террасы с укрепленными стенками представляли собственность семьи. Их можно было при желании продать, подарить и т.д., тогда как по тем же полевым материалам, насыпные

террасы без подпорных стенок нельзя было отчуждать, так как они представляли фамильную собственность и отдельные конкретные семьи только владели. Через определенное время эти земли переходили во владение общины. Отмеченное для Чечни своеобразие является свидетельством могущества традиционной сельской общины, которая старалась таким путем воспрепятствовать процессу имущественной дифференциации общества и в определенный период в какой-то мере достигала цели. В этом случае община являлась консервативной силой, стремящейся воспрепятствовать процессу социального развития общества.

Так же обстояло дело с теми участками, которые приобретались путем расчистки лесных заимок. Попов И., описывая быт чеченцев во второй половине XIX в., отмечает: "Каждой семье предоставлено было отметить участок леса по своим силам и постепенно валить его, чтобы очистить место для пахоты и сенокосов. Эти участки по праву первого владения поступали в наследственную собственность"[44]. Калоев Б.А., подтверждая этот материал, со своей стороны добавляет: "Как показывает полевой этнографический материал, порядок постепенно меняется, что было вызвано ростом населения и усилением общественного землевладения. Лесные участки, получаемые для расчистки и пользования ими под посев, переходили через определенное время из частного наследственного владения в общественное, причем срок владения этими участками определялся решением сельского общества"[45].

В научной литературе есть указания о широком распространении в прошлом в горных районах Кавказа террасной системы земледелия. Да и в этнографической действительности сохранились многочисленные следы искусственно создаваемых полей с каменными подпорными стенками, некоторые из которых даже орошались, например, в Карачае и Балкарии, где имелись давние традиции орошения, уходящие, как полагает Калоев Б.А., своими корнями возможно в аланскую эпоху[46]. Искусственное орошение применялось и в некоторых местах горной части восточной Чечни[47]. Стало быть, в систему террасного земледелия включено и орошение. Следует отметить, что эта система объединяет следующие компоненты - удобрение, орошение, севооборот и также связана с подсечной технологией. Без этих агротехнических приемов немыслима была эксплуатация искусственно созданных пашен.

Искусственно создаваемые участки требовали неимоверного труда и затраты большой энергии, о которых писали многие путешественники и исследователи быта чеченцев и ингушей. Берже А.П. отмечает, что в верховьях р.Аргуна "вся местность покрыта искусственными террасами для посева хлебов, на которых и засевают ячмень и отчасти пшеницу"[48]. Грабовский Н.Ф. же писал: "чтобы устроить площадку 10-12 аршин длины и в 5 аршинов ширины, необходимо было горцу расчистить и уровнять выбранную для этого площадку, но так как и после этого площадка кроме камня ничего другого не представляла, то понадобилось перетаскать туда земли и вообще удобрять ее настолько, чтобы она могла приносить желаемую пользу[49]". Подобные сведения находим и в работе Пантохова И.И.,[50] Вертепова І.А.[51]; Христиановича В.П. более детально описывает технику устройства террас и старается объяснить причину распространения этой системы полеводства в Ингушетии. Он отмечает, что условия горной страны, рельеф и отсутствие естественных пахотных угодий вынудили местное население в течение нескольких сот лет, а может быть и тысяча лет, отвоевать у природы каждый клочек более или менее пригодной под посевы полевых культур. Предварительно приходилось убирать оттуда камни путем упорного труда, наносить землю, навоз и огородить от разрушений. До сего времени, как отмечает автор, стоят эти памятники прошлого, частью постепенно разрушившиеся до полного исчезновения, частью поддерживаемые местными населением путем ежегодной расчистки камней и огораживанием. Далее замечено, что история горного полеводства, имея в виду и Ингушетию, на искусственно созданных почвах насчитывает ни одну сотню лет. Памятники прошлой земледельческой культуры разбросаны по всей горной Ингушетии и заключаются, кроме упомянутых террас из нанесенной земли, в ряде поливных систем, полевых широких теперь разрушенных дорог, стен, оград от размыва из камней на полевых, и даже на покосных участках и т.д.[52].

Несмотря на обилие материалов, в литературе нет описания техники строительства или укрепления подпорных стенок, требовавших определенных технических навыков. Вайнахи возводили для террас, как уже отмечалось, каменные, деревянные и даже плетенные стенки. В современной этнографической действительности сохранились исключительно каменные, однако о существовании в прошлом деревянных и плетенных стенок свидетельствует сохранившийся этнографический материал: информаторы описывают способ их сооружения и, что особенно важно, в лексическом фонде вайнахских языков сохранились наименования этих террас: ю ц и н т е р х и - терраса с плетенной стеной, и й ч е - деревянная. Существование этих названий является безусловным доказательством наличия в прошлом подобных террас. В настоящее время из-за отсутствия таковых, к сожалению, нельзя определить ареал их распространения.

Подбор строительного материала для стенок, безусловно происходил с учетом естественных условий. Для строительства подбирался легко добываемый материал. В Чечне, где особенно изобиловали леса, легче и экономичнее было использовать древесину, точнее кругляки. В Ингушетии же основным материалом был камень, хотя сохранившийся в ингушской этнографической действительности термин и й ч е указывает и на распространение деревянных стенок, также как в Чечне были террасы и с каменными стенками. Следует учесть и то обстоятельство,что дерево и тем более плетень быстро выходит из употребления, чем и объясняется, очевидно, отсутствие таковых в этнографической действительности. Они, как видно, раньше камня вышли из употребления. Камень же прочный материал,и, несмотря на то, что с осовением плоскостных земель население перестало пользоваться каменными террасами, их следы сохранились до сегодняшнего дня.

После подбора подходящего места для устройства террасы, ее уравнивали кирками и заступом до такой степени, какую возможность давала конкретная местность, чтоб сделать участки более или менее горизонтальными. Далее начинали заготавливать материал для укрепления стенок вновь образовавшегося горизонтального среза. Если терраса устраивалась на подсечном участке и вырубленные деревья годились для подпорок, то пользовались этим материалом или же вывозили нужный лес из близлежавших мест. Подбирались твердые и устойчивые породы, деревья очищались на месте от ветвей и перевозимые кругляки в нужном количестве вбивались горизонтально в землю под террасами на протяжении всей длины площадки. Второй ряд обкладывался опять кругляками впоперек. В зависимости от высоты фронтонной стены несколько раз повторяли такую кладку кругляков. Пространство между рядами заполняли землей, которую хорошо трамбовали. Следующий этап подразумевал создание верхнего почвенного пахотного слоя, на что затрачивался неимоверный труд, ибо как часто отмечают бытописатели разных времен, чернозем или перегной приходилось перевозить даже на собственном горбу.

Подобные террасы с деревянными подпорными стенками встречаются в различных районах Грузии. Площадки эти известны под названием б е к е б и. В Аджарии террасы, главным образом, устраивались на подсечных склонах и укреплялись они различными способами. В Хеви и сечас можно увидеть вдоль берегов р.Терека остатки искусственно укрепленных деревом площадок.

В Картли, как и в других горных районах, террасы удобрялись

и часто даже поливались. Террасы эти предназначались, главным образом, для фруктовых садов и огородов, на них разводили прекрасные виноградники. В Мегрелии же с незапамятных времен хлебные злаки сеяли на террасах. Эти поля были сплошь покрыты посевами проса, чумизы и позднее кукурузой. Для виноградников употребляли террасы в Имеретии. Одним словом в Грузии везде, как и во всем Кавказе, применяли террасирование склонов для увеличения полезной площади,которые служили земледельческим интересам.

Для возведения каменных стенок, заранее начинали заготовлять подходящий материал, который в достаточной мере собирался во время очистки участка. Эта была обязательная предварительная процедура, ибо в Чечне и Ингушетии, как правило, почва щебенисто-каменистая. С участков собранными камнями строили не только подпорные стенки, но ими обносили площадки. Таким образом, каменная ограда была знаком индивидуальной собственности, между тем как деревянные ограды в виде перекладин являлись показателем общественной собственности.

Стена для террас возводилась сухой кладкой, без применения какого-либо раствора. В неглубокий фундамент закладывали сравнительно большие плоские камни. В следующем ряду камни поменьше и так с учетом рельефа возводили стену высотой приблизительно I-I,5 м. Пространство между камнями заполняли мелкими камешками и, если такая возможность была, на стену направляли поток родниковой воды или струю ручья. Приносимый водой ил, песок и мелкие камешки укрепляли стенку и таким образом она получалась прочной, как построенная на растворе. Для устройства пахотного слоя террасы, как уже отмечалось, приходилось таскать землю издалека, часто даже на собственном горбу. Землю эту уравнивали, трамбовали тщательно и, таким образом,создавали прочную структуру для пахоты. Если стенки возводились не с целью расширения участка, а лишь во избежание оползней, тогда землей не покрывали поверхность каменной ограды, она и так покрывалась землей постепенно вследствии обработки участка. Но поля эти обязательно удобрялись органическими удобрениями. Обрабатывать вновь устроенную террасу для посева, как правило, начинали сразу. Обычно обрабатывали такие поля лишь через год и то мотыгами и заступами, а не пахотными орудиями. В лучшем случае только через три года начиналась максимальная эксплуатация искусственно созданного участка.

Процесс введения новых участков в полевой оборот как в Чечне, так и в Ингушетии и вообще во всем Кавказе, требовали больших одновременных затрат труда. Вырубка и расчистка лесного участка,

террасирование склона, возведение подпорных стенок, создание культурной почвы путем нанесения земли и перегноя достигалось ценой огромных усилий, так как все эти работы производились вр ную. Понятно, одна индивидуальная семья не в силах была справи ся с этими работами самостоятельно и их реализация, обычно,про ходила при соседкой трудовой помощи, которая осуществлялась во время других сельскохозяйственных работах и являлась традицион ной формой взаимных отношений на селе.

Кроме описанных, применяемых в земледелии террас, в Чечне и Ингушетии встречаются большими каменными глыбами возводимые ши рокие выступы. В вайнахском языке для обозначения этой площадки существует термин г о в. Обычно г о в такого размера, что на нем размещается целая усадьба. Языковед Чинчараули А. сравнивает чечено-ингушское г о у с грузинским г о б е - ограда и сч тает, что основа этих слов одна и та же.

Как уже отмечалось, в Чечне и Ингушетии встречаются террасы обоих видов - подпорными стенками и без стенок. Террасы с под-порными стенками в большинстве случаев одноступенчатые. Их площадь сравнительно большая, так что на них бывают расположены целые усадьбы с примыкающими садами или огородами. Часто на террасах были расположены целые селения. Их следы до сегодняшнего дня сохранились в ущельях Чечни и Ингушетии.Эти селения представляют собой красочное зрелище и являются традиционной формой поселения. Такое расположение сел было вызвано стратиграфией местности, где каждый более или менее пригодный клочек земли использовался для хозяйственных нужд, а села, как правило, располагались по каменистым, непригодным местам на склонах гор и хребтов. В связи с этим, они, в большинстве случаев, имели террасообразный вид. По этому поводу Кобычев В.П. отмечал:"существенное воздействие на формирование поселений особенно в условиях горного рельефа оказывает географическая среда, а для ранних эталов развития также политическая обстановка, вынуждавшая зачастую население поселиться в совершенно непригодных с точки зрения хозяйства и жизнедеятельности местах - на крутых склонах гор, вершинах холмов-останцев, в недоступных ущельях и т.п."[54].

В нахских языках ограда и вообще весь комплекс жилого сооружения, обнесенная оградой, именуется г I а л, в ингушском,особенно среди населения Армхинского ущелья,он известен под названием г а л а н, который сближается с осетинским г а л у а н и грузинским г а л а в а н и в том же значении. В том же Армхинском ущелье для обозначения террас, обнесенных каменной кладкой, на которых были построены жилые комплексы, наряду с уже упомянутой гоу, употребляли и название г а л а н. Нам думается,что термин галан первоначально должно было обозначать жилое строение, а после распространилось на всю площадь, на которой располагалась усадьба. Поэтому надо предполагать, что для обозначения террасы термин галан распространился с сравнительно позже, а более старым, обозначавшим конкретно террасу, думается, был термин г о у.

Исследуя народную агрокультуру, определенное внимание уделяем изучению свойств и структуры местных почв. Фиксация традиционных агроприемов выявляет рациональную сущность эмпирического знания, ибо производственная база земледелия, его материальная основа, конечно, земля, которая, наряду с экологическими своеобразиями, создает конкретный режим землепереработки, с учетом вертикальной зональности и климата, определяющий всю совокупность системы земледелия. Полевой этнографический материал выявляет положительные знания в области почвоведения, что достигается в результате досконального знания специфических особенностей каждого конкретного микрорайона и веками приобретенного жизненного опыта, эффективно применяющегося в практике.

Народная классификация почв производилась по цвету, структуре и составу. Учитывалось расположение по горизонтали и вертикали, а также степень урожайности. По чеченски и по ингушски земля называется л а т т а, в цовском же тот же латта обозначает мусор. Языковед акад. Чикобава А.С. данный термин связывает с чанским л е т т а в значении земли и с мегрельского л е т а, означающий - грязь. Языковед Гониашвили Т. связывает чечено-ингушское л а т т а с грузинским словом д г о м а (стоять) и а д г и л и (место). Эти слова в грузинском также произведены, считает Гониашвили, как чечено-ингушский м е т т и г, что обозначает также место. В бацбийском латтар значит стоять. Утургаидзе Т. от этого слова считает производным тушинское м а к а л а ти,что можно перевести и,как надсмотрщик,значит можно предположить,что корень этих слов один и тот же и,что они общего происхождения.

По цвету различали а р ж л а т т а - чернозем, м о к х а л а т т а - бурые или коричневые земли и красные земли.Особенно выделяли щебенистую почву - б е р д л а т т а.Количество камней в почве увеличивается с увеличением высоты.Красная земля считается неплодотворной, она сильно засаряется и требует сравнительно большего количества и частых удобрений.

Христианович В.П. в своей монографии приводит характеристику

почвенного покрова Ингушетии, откуда явствует,что там преобладали скелетные и хрящевидные почвы. Это вынуждало горца базировать свой урожай на удобрении. На красных землях особенно низкий урожай давала кукуруза. Поэтому на таких почвах старались не сеять эту культуру. Если же по каким-либо причинам горцы вынуждены были все-таки засеивать, то предварительно землю обязательно удобряли, старались засевать не густо. Если посев получался густым, во время первой прополки разряжали всходы.

Чернозем - І а ь р ж о л а т т а,в то же время д и к л а т т а - хорошая земля,исключительно плодородная,так как по местному объяснению, жирная - х ъ а е н а І а ъ р ж а л а т т а. Обращает на себя внимание название чернозема, в котором первая часть дословно обозначает жир. Языковед Гониашвили сравнивает это название, бытующее в вайнахских языках, с грузинским словом (ქონი) в том же значении. Гониашвили считает, что корень этих слов один и тот же и что он, вероятно, в чеченский перешел из грузинского. Чернозем - аржлатта - сравнительно реже и в меньшем количестве нуждается в удобрении. Земля эта, как утверждают информаторы, жирная, плодородная, содержит много питательных веществ, на черноземе сеяли главным образом кукурузу.

Б о р а л а т т а - бурые,коричневые почвы менее плодородные. Это земля, как определяют информаторы, средних качеств, т.е. она - с а з л а т т а. Удобрять ее приходилось чаще и навоз требовался при этом в большем количестве. На таких землях в основном возделывали ячмень и рожь.Л о а б а т//с а у е ъ а р л а т т а - глина.

Примечательно, что качество пород земли определялось местными жителями, интенсивностью удобрения и количеством удобрительных веществ для достижения высокого урожая. Эти знания, приобретенные эмпирическим путем, применялись практически с учетом конкретных условий.

Дифференциация почв производилась с учетом вертикального и горизонтального расположения участка. Чем выше расположена зона, тем круче и тем менее доступны ее склоны. Пахотные склоны имеют обычно уклон от 6° до 35°, покосы от 20° до 50°, а пастбища, расположенные под полосой лесов 60° и вплоть до совершенно отвесных скал и обрывов. Кроме увеличения крутизны, с высотой увеличивается и количество камней. Это обстоятельство является одной из многих причин того, что выше 2000 м уже не встречаются покосы[60].

Плоскостные участки называются ш а ь р а к о а р а или просто к о а р а.Они обычно использовались для пахоты и посевов.Пахотные земли - а р д а ш,к х а ш,как правило,располагались вокруг

селения и термин а р а подразумевает именно близкое расположение участка от села (антоним чув - внутренний,ара - внешний).В грузинском языке для таких земель существует особое название - к а р и с п и р е б и,т.е. земли у порога.Значение терминов в грузинском и в вайнахском одно и то же, в них закладывается одно и то же понятие, что наводит на мысль об идентичности семантического содержания этих терминов. Эти земли ценились особенно дорого, ибо были доступными и обрабатываемыми даже в случае низких качеств почв. Плоскостные участки не требовали дополнительных затрат труда, в которых нуждались участки, расположенные на склонах или вдали от селений. Дальние участки называются г е а н а р м е т и г или же г е а н а р л а т т а. В первом случае переводится термин как дальнее место, а во втором случае - дальняя земля. Суть этих терминов одна и та же и они встречаются параллельно. Дальние земли обычно не удобрялись. Из-за неимения дорог порой невозможно было перевозить навоз. Поэтому на них сеяли менее требовательные культуры. Цена таких участков намного ниже цены близлежащих земель.

Сделать участок пригодным для земледелия в горных районах не так уж просто, приходилось затрачивать много труда. По описанию Христиановича В.П. пашня в горной Ингушетии представляет собой везде продукт человеческого труда нескольких поколений. Чтобы приготовить пашню нужно убрать с нее камни и унавозить. Операции эти повторяются ежегодно пока пашня обрабатывается, так как от обвалов камни постоянно накапливаются и ежегодная уборка их необходима. Унавоживание повторяется не реже, как через два года на третий. В некоторых селениях двух названных операций бывает недостаточно и приходится навозить землю или компост. В Хули например, землю доставляют на пашню вьюками с размывом за 2 версты от пашни. Наконец, в наиболее трудных случаях пашня устраивается на специальных террасах, со стенками, сложенными из камня. Содержанием таких террас сейчас в Ингушетии уже никто не занимается, но в самом древнем очаге ингушского земледелия в центре племени Галгай - в Эгикальской котловине все пашни и покосы террасированы и орошены[61]. Все вышесказанное в полной мере можно отнести к горным ущельям Чечни. Итак, становится очевидным, что одним из определяющих признаков качественности пахотного участка, который и определял его цену, была ступень и объективно существующая возможность унавоживания. Чем меньше нуждалась земля в дополнительной подкормке, тем выше она ценилась. Обращалось внимание и на топографию участка, если удобрить было легко благодаря хорошим дорогам и близкому

расстоянию, то он дорого стоил. Вообще, всякую землю в какой-то степени нужно было удобрить при наличии навоза. "Без навоза нет зерна" или же "из камня и на камне нет урожая"[62]. Так говорили ингуши, подчеркивая необходимость удобрения местных почв. В литературе отмечается то же самое, например, Иваненков пишет, что куда можно было подвезти, везде удобряли земли. "Ближайшие же к домам загоны обязательно удобрялись выносимым из теплых сараев ("х и складываемым на краю навозом". Тот же автор отмечает, что удобряли в каждые три года раз, для чего потребляли 140 пудов навоза, однако не уточняется, на какую площадь хватало этого количества.

По подсчету Хасиева такое количество должно было хватать на загон, что равняется 1 урд., т.е. 0,5 десятины площади. Как сам Иваненков отмечает, удобрялись лишь близлежащие земли, дальние же оставались без навоза. Следует учесть, что не всякая почва нуждается в удобрениях в одинаковом количестве. Исходя из сказанного можно предположить, что отмеченные 140 пудов распределялись очень неравномерно. Нужно сказать, что такое количество навоза скопить нелегко было. В связи с этим удобрять землю регулярно могли не все, хотя купля и продажа навоза весьма широко применялась. Торговля навозом практиковалась во всем Северном Кавказе. Так, в трудах "Абрамовской комиссии" указывается, что у осетин бедные покупали навоз за "куф" (корзина для навоза, вмещавшая 8-10 пудов) по 20 и 25 коп". С целью заготовки навоза практиковалось одалживание скота на содержание в зимнее время, что обходилось довольно дорого из-за неимения в достаточном количестве корма в зимний период. Нуждающие в навозе семьи тем не менее прибегали к этим средствам таким образом заготавливали навоз, который хранился в специальных ямах. Семья, не имевшая таковых, считалась неимущей. Жениху из такой семьи неохотно отдавали девушку в жены. Аналогичный факт установлен нами и в Осетии. Считалось, что если женщина войдет в такую семью, то она всю жизнь проведет в нищете, ища горсть муки по углам ларьца.В некоторых селениях вместо ямы для скопления навоза пользовались огороженными плетью местом у хлева,которые именовались т е р х.Существовали такие зажиточные семьи,которые имели по нескольку трех.Они были,главным образом,скотоводами и занимались продажей навоза.Но были и такие,которые совместно с родственными или соседскими семьями собирали навоз и пользовались им поочередно.Приблизительно такой же порядок существовал и в Балкарии.Тульчинский Н.П.писал:"Для скопления навоза устраивают особые помещения-конюшни.Богатые скотоводы имеют свои собственные,а бедные устраивают их в компании и по мере надобности разновременно вывозят навоз на свои поля.Когда же является необходимость в одновременном

удобрении, то компании делят навоз поровну"[63].

По-чеченски навоз - к х о л (ед.ч.,кхош-мн.ч.),хилли,хилланаш, по ингушски - к в о,однако в русско-ингушском словаре имеются к х е л а ж, п х ь а ж[64], в русско-чеченском же - к х е л л и[65], навозная жижа - ц I у н[66]. Не является ли этот термин производным из грузинского цIумпе в значении грязная лужица, жижа? В цовском форма ху - хуи кое-где встречается в значении кизяка, а для навоза употребляется обыкновенно л а х,что,наверное,связывается с грузинским т а л а х и, обозначающий грязь. Чеченское хуо языковеды увязывают с грузинской основой х в, которая встречается в слове н е х в и - навоз[67]. Унавоженная земля по-чеченски и ингушски называется к ъ о н л а т т а, къ о н д е л а т т а. Истощенная почва - с а з л а т т а.В Ингушетии встречаются такие топонимы как Гучун-кхаьлла,ГIача-кхаьлла,Ак-кхаьлла и т.д.Саламов А.А. вторую часть этих топонимов связывает с наименованием навоза - к х е л л и й (чеч.), к х е л л (инг.), принявший значение "унавоженная пашня". Все аулы, в наименовании которых имеется вторым компонентом к имени владельца пашни термин кхелла или кхелл, по словам Саламова А.А., без исключения находятся в горной местности"[68]. Однако Хасиев считает, что возможно кхалла произведено от кхерч, что значит дом, очаг - поселение, место жительства.

Вайнахи, в основном, употребляли навоз овечий и крупного рогатого скота. В качестве удобрения использовали и помет диких голубей. По сведениям Калоева Б.А., указанным пометом удобряли преимущественно террасные поля[69]. По нашим материалам ими удобрялись огороды и близдежащие участки. Террасные поля же удобрялись золой, так как после подсеки остатки вырубленных растений на месте сжигались, зола же равномерно рассыпалась по всему участку.

Сроки вывоза удобрения на пашнях менялись в зависимости от вертикальной зональности. На склонах, где почва легко смывалась ливневыми дождями или сносилась обвалами, удобрять приходилось чаще и, если имелась возможность, даже каждый год. По данному вопросу интересный материал предлагает Христанович В.П. Совершенно справедливо отмечает, что сроки вывоза навоза, по-видимому, имеют связь с вертикальной зональностью. В селениях, где высота пашни от 1600 до 1900 м, навоз вывозят только весной и тотчас заделывается горским деревянным плугом. В более низкой зоне, от 1300 до 1600 метров, зарегистрирована и осенняя вывозка навоза. Ниже 1300 метров преобладает зимняя вывозка навоза. Разбрасывание и заделка навоза во всех случаях только весенние, в марте или апреле[70].

На участке навоз сваливали кучами и так оставляли определе
ный период времени. Навоз этот разжижался посредством дождевой
воды или таявшим снегом, перед началом пахоты эти кучи равномер
распределяли мотыгами и граблями по всему участку. Благодаря а
тивному действию солнечных лучей, разжиженный навоз просыхал и
становился рыхлым, и уже разрыхленный навоз заделывали в землю
время вспашки. Удобренная таким способом земля сравнительно ле
пахалась и давала хороший урожай.

Транспортировка навоза, как правило, производилась санями.
При условиях горного рельефа этот вид народного транспорта был
мым пригодным и, следовательно, самым распространенным, в употр
лении были также арбы с цельными без ступиц колесами и с длин
осью. На санях или арбах ставились плетенные корзины - т у с-
к а р, которые представляли собой и единицу меры. Каждый знал,
сколько корзины навоза нужно было для удобрения своего участ-
ка, тогда как о фунтах или килограммах не имели понятия. По ма
риалам этнографа Хасиева пользовались для перевозки навоза спе
альным приспособлением т.н. б е к х а, вмещающий 3-4 пуда и д
на полозной или колесной основе с опрокидывающимся кузовом. В
проходимых для арбы и саней местах пользовались вьюками, даже
ревозили навоз на собственном горбу, для чего применяли разноо
зные плетенные корзины и кожаные сумки.

На истощенных землях с целью оплодотворения порой устраива
стойбища для мелкого и крупного скота в осенне-зимний период.
ким способом навоз скапливался на месте, и сложный, трудоемкий
вопрос транспортировки снимался. С этой же целью, если недоста
ло навоза на сезон, одалживали у соседей или родственников ско
определенную плату. В большинстве случаев на таких участках де
ли овец, поскольку навоз мелкого рогатого скота считался особен
ценным и высококачественным. Такой порядок унавоживания истощен
земель существовал во всем Северном Кавказе, о чем свидетельст
ет адыго-кабардинский, осетинский и балкарский материалы.

Землю удобряли также навозом, разжиженным водой. На пологих
местах вблизи от речек, выше участков, скапливали навоз, котор
разжижали водой. Пахотным орудием или мотыгами прокладывали жел
ки от скопленного навоза до участков, и пускали эту жижу по же-
лобам. Таким методом унавоживали в основном цоринцы, а вообще о
был известен по всему Кавказу, хотя применялся не так широко,
требовал специальных условий и дополнительных затрат труда.

Вайнахи удобряли землю и илом. Этот способ также был широко
известен. Например, Иваненков пишет:"Некоторые казаки применяли

самый примитивный способ удобрения. Они выбирали пологую местность,
расположенную вблизи Терека, заливали ее терской водой с илом, к
осени высушивали, а затем пахали". Этот способ один из древнейших,
который применялся человечеством на заре цивилизации в долинах
больших рек.

Итак, в Чечне и Ингушетии для получения нормального урожая, обя
зательным условием было удобрение земли. Установить точные сроки и
степень интенсивности унавоживания, конечно, не представляет воз-
можным, оно зависело от многих конкретных причин. Учитывалось ка-
чество земли, ее расположение, экономические возможности семьи, вид
культуры. Например, по материалам Мартиросяна, если на участке сея-
ли исключительно пшеницу, нужно было удобрить землю раз в каждый
два года, а если чередовали ячмень, пшеницу и рожь, тогда земля
нуждалась в удобрении в три года раз. Однако эти сроки ломались
поневоле, если семья не имела удобрений. В таком случае приходилось
выходить из положения иными путями. Прибегали к чередованию куль-
тур и к определенным способам пахоты, который осуществлялся сле-
дующими приемами: если первый год землю пахали по горизонтали по
отношению расположения участка с ориентацией севера на юг, то на
второй год тот же участок пахали по вертикали, таким путем дерн
земли переворачивался с разных сторон и тем самым обеспечивали мак-
симальную эксплуатацию питательных веществ данного участка. К тако-
му приему прибегали земледельцы как на Северном Кавказе, так и в
Грузии, что считается показателем высокой культуры полеводства.

В Ингушетии горизонтальную вспашку называют п х о р а г I а
а х а р, вертикальную же - н и й с с а л е к х е р а а х а р.
Применяли также зеленый пар-эвер, а также истощенную почву остав-
ляли на залежь. Если земли подряд в течение пяти лет сеялись, то
пять лет оставляли под залежь. Истощенная земля в вайнахском име-
нуются к ъ а д е н н а л а т т а. Такой участок оставляли под по-
кос. Только в первый год его не косили для корма, скошенное сжига-
лось, он для корма был непригодным из-за своей грубости. На второй
год на этом же участке вырастала более качественная трава, а на
третий год этот участок превращался в отличное сенокосное место
и тощая земля - къаденналатта превращалась в ц о н а ш м о т-
т и г. Пахали и целинные земли - б а ь л ь а т т а ш, однако, они
были только в низменных районах.

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что в Чечено-Ингу-
шетии полеводство базировалось на террасно-подсечной системе зем-
леделия, которая имеет четко сформулированную структуру. Отдельные
компоненты этой структуры варьируют внутри данной системы, компо-

нентный анализ которой дает возможность установить корреляционную зависимость между явлениями и законами, управляющим этими явлениями. Создается возможность для выявления причинной зависимости и дедуктивным путем из общего вывести частные законы.

Подсечно-террасную систему можно расчленить на следующие компоненты: I) подсечное хозяйство, 2) террасирование, 3) способы удобрения, 4) севооборот или чередование культур, 5) пахота. Каждая из этих единиц объединяет множество подвидов, которые подразумевают сумму конкретных действий, реализуемых посредством определенного набора трудовых приемов и орудий.

Рассмотрение материалов традиционных форм полеводства в Чечено-Ингушетии, в свете параллельных этнографических данных из других регионов горного Кавказа, доказывает безусловность общности полеводческой культуры этих регионов, детерминированным натуральным единством экосистемы и социального развития.

Примечания

I. Андреев Ю. Раннегреческий полис. Л., I976, С.I9-22; Массон В. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., I976, с.55.
2. Родионов М. Террасное земледелие в Ливане (к проблеме хозяйственно-культурной типологии). Проблемы типологии в этнографии. М., I979, с.II4.
3. Бериашвили Л. Земледелие в Месхети. Тбилиси, I973, с.I75, (на грузинском языке).
4. Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., I975, с.72.
5. Гегешидзе М. К. Террасное орошаемое земледелие на Кавказе. М., I964, с.8.
6. Кантария М. Б. Некоторые вопросы земледельческого быта в горной Осетии. КЭС. т.5, вып.3, Тбилиси, I980, с.I07.
7. История Дагестана. т.I, М., I967, с.3I0.
8. Робакидзе А. И. Формы поселения в Балкарии. КЭС, т.I, Тбилиси, I964, с.37.
9. Гегешидзе М. К. Поливное земледелие в Грузии. Тбилиси, I96I, с.96 (на грузинском языке).
I0. Громов Г. Г., Новиков Ю. Некоторые вопросы агроэтнографических исследований. СЭ. I967, № I, с.82.
II. Толковый словарь грузинского языка. Тбилиси, I960, т.УI, (на грузинском языке).

I2. Там же.
I3. Чеснов Я. Г. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры. Проблемы типологии в этнографии. М., I979, с.I9I.
I4. Родионов М. А. Террасное земледелие в Ливане. с.I75.
I5. Гегешидзе М. К. Террасное орошаемое земледелие на Кавказе. с.7I.
I6. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., I98I, с.64.
I7. там же, с.62-63.
I8. Агларов М. А. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев. (до XX в.). уз ИИЯЛ, ХШ, Махачкала, I964, с.I79.
I9. Чиджавадзе Н. Ш. Террасное земледелие в Грузии. Батуми, I976, с.5I.
20. Робакидзе А. К. Жилища и поселения горных ингушей. КЭСт. IIX. Тбилиси, I968, с.96,97.
2I. там же.
22. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. с.56.
23. Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., I974, с.I50.
24. Киквидзе Я. А. Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси, I976, (на грузинском языке).
25. Рухадзе Д. А. Народная агрикультура Грузии (Автореферат на соискание уч.ст.д.и.н.). Тбилиси, I983, с.9.
26. Материалы по истории Чечни и Дагестана. Махачкала, I940, т.Ш. вып.I, с.3I0.
27. Там же. с.303.
28. Семенов С. А. Происхождение земледелия. с.I50.
29. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. с.56.
30. Иваненков Н. С. Горные чеченцы. ТС. вып.7, I9I0, с.57.
3I. Грабовский Н. Ф. Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушского округа. ССКГ, вып.Ш, I970, с.I3.
32. Калоев Б. А. Земледелие народов, с.34.
33. Чиджавадзе Н. Ш. Террасное земледелие в Грузии. I976, с.38.
34. Гарданов В. К. Общественный быт адыгского народа. с.73.
35. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. ч.2, с.39.
36. Клинген И. Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб. I897. с.50.
37. Громов Г. Г. Новиков Ю.Ф. Некоторые вопросы агроэтнографических исследований. СЭ. I967, №I, с.89-90.

38. Ахвледиани Г. А. Сборник избранных трудов по осетинскому языку. Тбилиси, I960, т.I, I68.
39. Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей. с.87.
40. Чиджавадзе Н. Ш. Террасное земледелие в Грузии. с.4I.
4I. Христианович В. П. Горная Ингушия.Р. на/Д.I929, с.I9I,I92).
42. Там же. с.I90.
43. Агларов М. Очерки этнографии Южного Дагестана.ДЭС. Махачкала,I974.т.I,с.2I7.
44. Попов И. Земледелие у чеченцев,ССТО,вып.I,I878,с.268.
45. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа, с.56,57.
46. Калоев Б. А. Указ.работа. с.64.
47. Там же.
48. Берже А. П. Чечня и чеченцы. с.62.
49. Грабовский Н. Ф. Экономический и домашний быт жителей горского участка Ингушского округа. ССКГ.Ш.I870,с.I0.
50. Пантюхов И. И. Ингуши. ИКОРГО.ХШ.I900.с.I29.
5I. Вертепов Г. А. Ингуши.Историко-статистический очерк. ТС.вып.2. Владикавказ.I892.с.II5-II6.
52. Христианович В. П. Указ работа.с.I9I-I92.
53. Робакидзе А. И. Жилища и поселения. с.9I.
54. Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. М., I982, с.23.
55. Абаев В. И. ИЭСОЯ. т.I, М.-Л., I958, с.507; Робакидзе А. Жилища и поселения.с.77.
56. Чикобава А. С. Сравнительный словарь грузинского языка. с.I86-I87. (на груз.яз.).
57. Гониашвили Т. Словарные схождения чеченского и картвельского языков. Известия ИЯИМК.У-УI.Тбилиси, I940, с.606. (на грузинском языке).
58. Утургаидзе Т. Некоторые особенности горских говоров грузинского языка. Тбилиси, I966, с.66.(на грузинском языке)
59. Гониашвили Т. Указ работа. с.607.
60. Христианович В. П. Указ работа.с.52.
6I. Христианович В. П. Указ работа. с.32.
62. Там же. с.I93.
63. Тульчинский Н. П. Пять обществ Кабарды.ТС.I903, вып.5, с.I82.
64. Русско-ингушский словарь.М., I980, с.333.
65. Там же.
66. Там же.
67. Гониашвили Т. Указ работа. с.592.
68. Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей. с.83.
69. Калоев Б. А. Указ работа. с.72.
70. Христианович В. П. Указ.работа.с.I94.

Л. Ш. Меликишвили

СТРУКТУРА ЧЕЧЕНСКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА И ЕЕ МЕСТО В КОМПЛЕКСЕ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

Структура чеченского свадебного обряда в основном следующая семья мужа посылала посредников в дом невесты. В случае согласи накрывали на стол и угощали их, здесь же договаривались о калым

В назначенный день свадебный поезд отправлялся в дом невест где развлекались танцами и никаких угощений не подносили.Друг ж ниха выводил невесту, за что платил выкуп. Он произносил форму- лу - "и там и здесь ты после этого наша невестка". Невесту вели в дом жениха где их встречала свекровь,которая благословляла ее и угощала сладостями. За тем ее ставили за занавесью, где она стояла в течении трех дней.

В течении двух дней семья готовилась к свадебному пиру. На третий день устраивался пир, на который приглашали стариков. Молодежь танцевала и пела на дворе,но в пире не участвовала.

На третий день молодую выводили за водой. Такова в основном структура чеченского свадебного обряда.

В целях суммирования собранного нами материала по брачному обряду мы сочли целесообразным провести сравнительно-историческ анализ с соответствующими добытыми нами данными из Центрального Кавказа, учитывая при этом специальные исследования по этому воп росу.

С этой целью мы исследовали структуру брачного обряда, не ра членяя слишком подробно, выделили ее основные элементы,перенеся их на таблицу (см.табл.).

Брачный обряд в исследованных нами регионах строится почти п одинаковой схеме. Его компоненты почти везде одинаковы. Композиция ритуала также в основном совподает,если не считать некоторых отклонений, которые выражаются в варьировании последовательности некоторых элементов.

В каждом микрорегионе последовательность и взаимосвязь компо нентов брачного ритуала строго регламентирована и в основном сле дует ритуальному сценарию, свойственному данному региону.Ритуал

содержит три основных цикла: I) предсвадебный период, 2) собственно свадьба, 3) послесвадебный период.

Для лучшего осмысления материала мы постарались не слишком расчленить каждый цикл, содержащий множество обрядов. В данной работе мы ограничились выделением основных и обязательных элементов,которые лучше освещают структуру брачного обряда,его генезис и функцию.

I цикл. Предсвадебный период. Предсвадебный период состоит из нескольких этапов: выбор и "присвоение" невесты, сватовство, помолвка, послеобручальные отношения.

Виды выбора и "присвоения" невесты: договор родителей еще до рождения ребенка,помолвка в колыбели, обручение оружием,крестом, словом, прикосновением руки, сговор, похищение невесты. После этого следует полный свадебный обряд: помолвка, послеобручальные отношения и только потом собственно свадьба.

I. Прикосновение рукой. Этот выбор и "присвоение" невесты,по всей вероятности,является древнейшим, (2) корни его уходят в далекое прошлое,и, хотя в регионе Центрального Кавказа проявление его выражено слабо, а в некоторых местах даже считается аномалией (Чечня), тем не менее мы неможем им игнорировать. Существование этого обряда засвидетельствовано и у других,регионально разобщенных народов (3), поэтому локальность его происхождения сомнительна. Возможно даже,что в далеком прошлом он был универсальным. Этот обряд символизирует акт "присвоения"; выразить суть обряда можно формулой: "Это мое" или "Это наше", "Это принадлежит мне (нам)". В этом случае определенную роль играет и психологический момент. В непосредственной близости с природой человек имел простые отношения к предметам и явлениям и поэтому выбор и присвоение "самки" выражал примитивным способом - прикосновением руки. Этот обряд отличается своей примитивностью. Впоследствии он трансформировался в разные варианты. Интересно отметить один момент: в настоящее время у переселенных в долину хевсур бытует термин"хелдакрули" (т.е. рукоприложенная), что идентично по смыслу с"помолвленной". Сам же обычай "прикосновения руки" уже не бытует. Это живой пример того, как рудиментально остался описательный термин, выражающий обычай выбора и "присвоение" невесты "приложением руки", Возможно, этот термин сохранится и у будущих поколений,но смысл его будет полностью утерян. Впрочем,это явление обычно для этнографической действительности.

Как мы отмечали, в Чечне этот обычай,считался аномальным и к нему прибегали лишь в исключительных случаях, в основном при отказе на брак со стороны женщины. Но при таких случаях обязатель-

ными считались возмездие и платеж штрафа. Урегулирование этого дела поручалось старым людям.

Здесь же хочется отметить,что этот обряд из кавказских этнических групп в пережиточной форме бытовал только у хевсур и у соседствующих с ними чеченцев(хотя у последних он считался аномальным);

Однако при этом нельзя исключить его бытование на Кавказе, хотя нет особых доказательств; не стоит забывать и тот факт,что по данным, которые имеются в нашем распоряжении, обычай помолвки или бракосочетания прикосновением руки засвидетельствован кроме кавказских регионов, еще и на севере Англии и Шотландии, у коряков на Камчатке и у индейцев Британской Колумбии. Можно высказать предположение,что существование пережиточных элементов этого обряда у народов, стоящих на разных ступенях социально-экономического развития, а также у обитателей разных регионов, ставит под сомнение локальность его происхождения. Возможно, что в далеком прошлом этот обычай в своей первоначальной форме был самым популярным и коренным,т.е. универсальным,а все остальные обычаи выбора и "присвоения" невесты наслаивались впоследствии в разные эпохи. С течением времени этот основной обычай был вытеснен другими обычаями и обрядами и сохранил лишь второстепенное значение.

Древний обычай в трансформированном виде сохранился лишь в некоторых регионах в качестве пережитка, и выражает локальные, в частности хевсурские, особенности предсвадебного обряда. (Аномальность этого обряда в Чечне дает возможность на данном этапе считать его локальной особенностью хевсурского свадебного обряда).

2. Обычай обручения оружием (пуля, кинжал, нож) связан с военной демократией. Как явствует из этнографического материала,он был универсален для Центрального Кавказа.

Материальная сущность обручальных предметов определяется той эпохой, в которой возникает данный обычай,и характеризует ее. "Присвоение" невесты отличается символическим обменом предметами и в каждой эпохе это та материальная форма,которая в данную эпоху выступает ее символом (оружие, скот, деньги, изделия из драгоценных металлов).

3. Обычай "помолвка в колыбели" и сговор до рождения ребенка в свое время оказали влияние на выбор и "присвоение" невесты, но за тем,из-за негативных сторон,стали неприемлемы для дальнейших эпох и были отвергнуты. Что касается "помолвки пулей",то она относится к другому типу обычаев,который почти не имеет негативных сторон,так как сущность его демократична (жених лично передает

залог невесте). Этот обычай никогда не был негативным явлением; как видно из этнографического материала,на Центральном Кавказе, несмотря даже на огромное влияние мусульманства, в ряде этнических групп, женщине в основном предоставлялось право свадебного выбора. Особенно это можно проследить на чеченском материале (обмен залогом между парнем и девушкой: парень отдает кинжал, а девушка, в знак согласия, головной платок или украшения из серебра; а также умыкание девушки с взаимного согласия молодых; пожатие руки при договоре парня и девушки о женитьбе,перед которым состоятся тайные встречи посредством посредников).

4. Помолвка со сговором. Характерным своеобразием этого обычая является выбор семьей жениха посредника, на которого возлагалось урегулирование существующих до свадьбы взаимоотношений. Функции посредника могли исполнять как родственник невесты,так и родственник жениха, а также и постороннее лицо. В доме невесты их принимали как гостей, однако угощать их чем-либо не полагалось. Вообще было принято не выражать своего согласия при первом же посещении посредников, поэтому, "для завершения дела" требовалось длительное время (4).

Предсвадебный период имеет свои особенности в различных этнографических групп. Например в Хеви он достигает максимума по времени и количеству обрядов. Направление действий этих обрядов повсеместно одинаково - из дома жениха в дом невесты.Обряды эти особенно сложны и разнообразны в тех регионах, где бытует калым (Осетия, Чечня, Ингушетия, Хеви). Предсвадебный период в таких регионах осложнен многими моментами,искусственно расширяющими его рамки.

II цикл - собственно свадьба. Этот цикл состоит из двух этапов, свадьба в доме отца невесты и свадьба в доме жениха,выражающих отзвуки разных эпох. Первая по своей природе матрилокальна, вторая-патрилокальна.

Особого внимания заслуживает хевсурская свадьба, которая отличается своей последовательностью и структурой от свадебных обрядов других регионов. Завершающим этапом ее является свадьба в доме невесты, устраиваемой после свадьбы в доме жениха, после чего невеста остается в отчем доме от одного года до трех лет. В этот период запрещается половая связь между мужем и женой.По обычаю женщина имеет право родить спустя три года после свадьбы. Свадьба с подобной перемещенной структурой является исключением на Центральном Кавказе. Факт совершения заключительной части свадьбы на "женской" территории указывает на ярко выраженный матрилокальный характер этого обряда при наличии некоторых патрило-

кальных элементов. Следовательно, эту форму бракосочетания можн
считать древнейшей. Это подтверждается и тем, что в хевсурской
свадьбе нет таких участников, как шафер, посаженная мать, - уча
тие этих лиц в ритуале стало обычным лишь позднее.

Здесь же нужно отметить и тот факт,что чеченская свадьба то
отличается от других свадеб Центрального Кавказа. Она оригинальн
в своем роде. Тут замечается сокращение времени всего цикла,эко
номическая сторона свадебного застолья доведена до минимума, а
развлекательная до максимума. Основным на свадьбе считаются тан
цы и песни, что до сих пор присуще национальной чеченской свадь
бе в горных районах. Надо признать, что такая свадьба приемлима
в наши дни.

К указанному циклу относится один из сегментов структуры бра
ного обряда - санкционированное религиозное бракосочетание явно
позднего происхождения. Интересно проследить,какое место занял
этот ритуал в структуре брачного обряда.

У горцев-христиан почти во всех регионах венчание происходи
ло после свадебного пира в доме невесты, но до свадьбы по дорог
к дому жениха. То же самое происходит и у горцев-мусульман: до-
говор совершался либо в доме невесты во время свадебного пира,
либо в доме жениха до начала свадьбы (во всяком случае в первый
день, а не на второй или третий день пира).

Как видим, официальный религиозный ритуал занял свое место
брачном обряде после свадьбы в доме невесты и до свадьбы в доме
жениха.

Видимо,этот обряд не мог совершаться до проведения свадебно-
го ритуала в доме невесты, так как эта часть свадьбы считалась
основной и решающей (исторически первичной).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в указан
ной выше ситуации победило укоренившееся в сознании представле-
ние,согласно которому женщина окончательно считается замужней
лишь после свадьбы в отчем доме.

III цикл - послесвадебный обряд. Этот период состоит из нес-
кольких обрядов, из которых в первую очередь заслуживает вниман
обряд приобщения молодой к домашнему хозяйству и общине. К тому
же циклу относится визит зятя к родителям жены, а также молодой
к своим родителям. Иногда молодая возвращается домой для разре-
шения об бремени (что само по себе свидетельствует о древности
обычая).

Как видим из таблицы свадебный обряд у народов Центрального
Кавказа, в основном, относится к одному типу, но входящие в него
элементы, общие для этого региона,имеют свои локальные особен-

ности. Иными словами, строго определенного,имеющего стереотипную
структуру свадебного ритуала не существует вообще. Каждый регион
имеет собственный локальный вариант, более или менее отличающийся
от других. Вместе с тем, сравнение различных вариантов структуры
брачного обряда не дает существенных различий не только в различ-
ных регионах, принадлежащих к одному этносу, но и в разных этно-
сах.

В настоящее время мы не имеем возможности говорить о типологи
гии решительно и окончательно,так как необходимые работы для ис-
следования этого еще не проводились. И все же, на основе уже име-
ющихся данных, можно высказать предположение, что сходство и раз-
личие свадебных обрядов в разных регионах позволяет выделить под-
типы свадебного обряда, учитывая всю структуру в комплексе, каждо-
го региона в отдельности. Иными словами, рассматривая свадебную
обрядность от начала до конца с входящими в него всеми элементами,часто имеющими схожесть со свадебными обрядами других этнографических групп,они представляются своеобразно,и отличаются друг от друга.

И поэтому можно выделить подтипы Свадебного обряда, которые условно можно назвать: хевсурский, чеченский,тушинский,ингушский, ...вский, мтиулетский, осетинский, мохевский, из коих хевсурская ...дьба выглядит древнейшим вариантом, а чеченская последующим за ним. Тут интересен и тот вопрос, что хевсурская и чеченская свадебные обрядности являются как бы связывающими звеньями свадебных обрядов народов Центрального Кавказа. Кроме того,при изучении нами этого вопроса, стало ясно, что этнографический материал дает возможность говорить о сходствах и контрастах свадебных элементов именно этих регионов.

В результате контактов разных регионов отмечается и изменение даже коренных обычаев,нарушение которых не происходит легко. В данном случае для нас интересен вопрос о контактной территории восточной части Хевсурети - "Мигмахеви",пограничной с Чечней.В этом микрорегионе отмечается интересный факт.Исследование показало,что регион имел свои особые обычаи:здесь допускались браки внутри села между разными фамилиями,что считается редким исключением среди горцев Восточной Грузии,где браки между однообщинниками,которые находились под покровительством одного святилища,строго запрещались.

Сами хевсуры свысока относились к мигмахевцам и притесняли их. Исследования показали, что этот регион имел свои особые обычаи. Как говорят сами хевсуры, "мигмахевцы в вопросе брачных отношений не придерживаются хевсурского чина". Мигмахевцы имеют

кистинские обычаи: братья женятся на сестрах (здесь подразумевается бракосочетание в пределах села-Л.М.). Из хевсурок в тот край замуж может выйти только нарушительница обычаев. Верная обычаям туда не пойдет" (5).

И, действительно, в ущелье Мигмахеви явно прослеживается кистинский элемент. Существует предание о том, что в Муцо, в башне на одном этаже жил кистинец, а на другом этаже - хевсур, на следующем этаже - опять кистинец и т.д. В село Муцо имеются кистинские надгробья; жители знают кистинский язык; на праздниках вместе с хевсурами можно было увидеть и кистинцев, которые переходят сюда из Чечни и вместе празднуют в святилище /6/.

По-видимому ущелье Мигмахеви являлось местом тесных контактов двух регионов, т.е. двух этнических групп. Эта такая территория, которая вследствие своего пограничного расположения превратилась, так сказать, в зону контактов двух регионов, являясь "посредником", хранителем мира. Хотя интересующие нас вопросы мало изучены в этой области, однако некоторый опыт все же имеется.

По словам Чиковани В.М.: "...Кистинские и хевсурские поселения были расположены в пограничной зоне и представляли собой транзитные форпосты распространения и выявления интерэтнических процесов. Такие контакты, кроме положительных явлений, характеризовались и рядом отрицательных. Все это наложило определенный отпечаток на местный быт. Вражда, возникшая из-за спорных вопросов между соседствующими племенами, приняла особо острый характер после широкого распространения среди вейнахов магометанства. Это отрицательно отразилось на взаимоотношениях соседей. Все это должно было создать предпосылки для утверждения отношений на твердой основе добрососедства. Упорядочение этого вопроса отвечало жизненным интересам обеих сторон, так как вражда между противоборствующими регионами значительно ухудшила их бытовые условия.

Соседям надо было найти общий язык, чтобы в меньшей степени зависеть от изменчивого характера взаимоотношений между регионами. Поэтому в пограничных районах должно было сложиться нечто подобное буферной зоне, что должно было создать нормальные условия для существования в одном регионе разных этнических групп. Эти потребности, возникшие в локальном окружении, проистекали из интересов людей, находящихся в непосредственном контакте. Но тут же встает вопрос: насколько допустимым считала основная масса этих этнических групп установление таких отношений, ибо пограничные деревни, населенные их соотечественниками, оказывались в роли отступников от из общих позиций. Особого анализа не требует ут-

верждение, что в условиях Центрального Кавказа это было допустимым и в то же время обязательным. Более того, можно сказать, что основная масса этнических групп была заинтересована в создании подобных зон. Эти буферные зоны давали возможность кистинцам и хевсурам, лишенных активных контактов с равниной, производить регулярный товарный обмен между собой, что несколько восполняло экономический и культурный дефицит, вызванный географической изоляцией. Существование подобных зон играло значительную роль в регуляции многих вопросов взаимоотношений соседних общин". (7)

На Кавказе засвидетельствовано существование таких контактных зон. Г.С.Читая именует их "лимитрофными полосами" (8).

По-видимому, в таких зонах легче происходит миграция. Появившиеся в таких "буферных" или "лимитрофных" зонах чужеродные соседние элементы чувствовали себя более вольно. С течением времени в таких зонах создается особый местный культурный колорит, который часто предстает в виде смешанной культуры. В свое время, т.е. в тот период, когда существование таких зон было вызвано необходимостью, и было вполне оправдано, они оказывались в центре внимания, так как от них зависели многие вопросы взаимоотношений двух этнических групп. А после того как исторически такое положение дел (политическое) меняется, эти зоны лишаются своей ведущей роли и замыкаются в себе, оказываясь в изоляции. Смешанное население, культура, быт и т.д. становятся инородными элементами для граничащих друг с другом регионов. В результате этой изоляции происходит нарушение многих обычаев, даже таких как обычай связанные с бракосочетанием. Здесь поневоле пришлось нарушить те рамки экзогамии, которые были присущи горной части Восточной Грузии.

Итак, если в горной части Восточной Грузии внутри одной общины, в рамках полигенного села, бракосочетания были запрещены, то в Мигмахеви заметно нарушение этого запрета в результате контактов соседствующих этнических групп; точнее, граничащим положением этой территории.

В итоге, эти материалы дают нам возможность выявить общие закономерности. В частности можно отметить, что, как видно из вышеизложенного, одну из причин нарушения экзогамии в пределах полигенного села следует искать в изоляции поселения. И так же можно отметить, что по этнографическому материалу Кавказа и по историческим источникам причинами экзогамии являются: I. Демографические (род растет, размножается, из чего вытекает его распад); 2. Идеологические: а) влияние ислама; б) раскол фамилии по причине совершения греха, и еступления; (хотя следует отметить и то,

что в некоторых случаях такие фамилии на почве распри,раздора не вступали между собой в брак);

3. Социально-экономические: бракосочетание кузенов в высших слоях общества - на примере равнин - царский двор; (Левират, сорорат).

Вышеизложенное дает основание заключить,что к перечисленным законам нарушения экзогамии следует добавить и "изоляцию", возникавшую в определенных социально-экономических и культурных условиях.

Вернемся опять к структуре свадебного обряда.

Из таблицы явствует, что между регионами Центрального Кавказа часто происходит взаимное просачивание некоторых элементов (например,обручение "прикосновением руки" встречается в Хевсуретии и в Чечне; преподношение половины овечьей туши - в Тушети, Чечне; калым - в Хеви, Осетии, Чечне, Ингушети и др.). Наличие таких точек соприкосновения,само по себе, ставит вопрос о культурных взаимоотношениях между этими регионами. По данным собранного нами материала можно заключить,что свадебный обряд народов Центрального Кавказа относится к общекавказскому типу, а не кавказско-среднеазиатскому,как это представлено у К.В.Чистова (9).

"Для "Среднеазиатско-кавказского" типа в наиболее последовательном выражении характерно: а) постельный обряд совершается до переезда невесты в дом жениха,на "территории" невесты (брачный домик, юрта и т.д.); б) переезд невесты совершается после "постельного обряда". В том случае, если молодая сразу отправляется вслед за женихом, она обычно вскоре же возвращается к своим родителям и только позже (от нескольких дней до времени рождения первого ребенка) переезжает окончательно в дом (юрту) мужа, где она длительное время "избегает" своих новых родственников,особенно мужчин; в) важнейшие обряды санкционирующего характера совершаются на "территории" родителей невесты,жених и невеста в них не участвуют, они скрываются".

Для (условно говоря), "европейского типа в его наиболее последовательном выражении в противоположность этому характерно: а) "постельный обряд" ("клеть") после переезда в дом жениха и на территории жениха; б) переезд совершается до "постельного обряда"; в) жених и невеста участвуют во всех обрядах,включая свадебное застолье,имеющее санкционирующий характер" (10).

По нашим материалам: а) "постельный обряд совершается после переезда в дом жениха и на "территории" жениха; б) переезд совершается до "постельного обряда"; в) важнейшие обряды санкционирующего характера совершаются на территории жениха; невеста и же-

Таблица 1

ЭЛЕМЕНТЫ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КАВКАЗУ

Элементы свадебного обряда	Тушети	Пшави	Хевсуретии	Мтиулети	Хеви	Сев.Осетия	Чечня	Ингушети
I	2	3	4	5	6	7	8	9
Формы заключения брака:								
I. До рождения ребенка	△	–	△	△	△	△	△	△
2. В колыбели	+	–	0	+	+	+	+	+
3. Сговором	+	0	+	+	+	+	+	+
4. Оружием	+	+	+	+	+	+	+	+
5. Словом	–	–	□	–	–	–	◁	–
6. Прикосновением руки	–	–	◁□	–	–	–	◁	–
7. Крестом	–	–	□	–	–	–	–	–
8. Умыкание невесты:								
а) насильственно	△	△	△	△	△	△	△	△
б) добровольно	+	+	0	+	+	+	0	0
9. Посылание сватов в дом невесты	+	+	+	+	+	+	+	+
I0. Принятие сватов как гостей	+	+	+	+	+	+	+	+
II. Отказ с первого раза	+	+	+	+	+	+	+	+
I2. Хождение сватов несколько раз для получения согласия	+	+	+	+	+	+	+	+
I3. Преподношение еды при сватовстве.....	+	+	+	+	+	+	+	+

I	2	3	4	5	6	7	8	9
I4. Наличие двух обручений в доме невесты и в доме жениха	–	+	–	+	+	+	–	–
I5. Приход невесты после сватовства в дом жениха	Δ	–	–	–	–	-	–	Δ
I6. Калым	–	–	–	–	+	+	+	+
I7. Приданое	+	+	+	+	+	+	+	+
I8. Наличие двух свадеб	Δ	+	+	–	–	+	–	+
I9. Свадебный пир в доме невесты	Δ	+	+	Δ	Δ	+	Δ	+
20. Свадебный пир в доме жениха	+	+	+	+	+	+	+	+
2I. Свадьба в доме жениха, затем в доме невесты	–	–	+	–	–	–	–	–
22. Трехдневная свадьба в доме жениха ...	+	+	+	+	+	+	+	+
23. Шафер	+	+	–	+	+	+	–	–
24. Кум	+	+	–	+	+	+	–	–
25. Преподношение креста	+	+	+	+	+	–	–	–
26. Приглашение гостей другими семьями	+	+	+	+	+	+	+	+
27. Прощание с очагом	–	–	–	–	+	+	–	–
28. Приобщение к очагу	+	+	+	+	+	+	–	–
29. Невеста три дня стоит за дверью	–	–	+	–	–	–	+	–
за занавесьями	–	–	–	–	–	–	+	+
в углу	–	–	–	–	–	–	–	–
30. Охота за курами	+	+	+	–	–	–	–	–

I	2	3	4	5	6	7	8	9
3I. Выход невесты за водой.....	+	+	+	+	+	+	+	+
32. Приобщение невесты к святилищу	+	+	+	+	+	–	–	–
33. Возвращение невесты в дом отца на время	+	+	+	+	+	+	+	+
34. Роды в доме отца	–	–	–	–	Δ	Δ	–	–

Условные обозначения к таблице:

\+ обозначает бытование обычая;

– обозначает, обычай не существует;

□ обозначает, что обычай иногда встречается;

Δ обозначает, что обычай бытует с меньшей интенсивностью;

0 обозначает, что обычай бытует с большей интенсивностью.

них участвуют в некоторых обрядах, а частично "скрываются". В свадебном застолье они не участвуют.

Как видим, хотя кавказский тип частично соответствует европейскому типу, но по третьему показателю "в" они явно различаются. Поэтому кажется возможным выделить кавказский тип отдельно и считать его промежуточным, переходным между европейским и среднеазиатским. По нашему мнению, этот принцип типологизации удачен так как дает возможность (при точном фактологическом материале) отделить друг от друга Кавказский тип от Среднеазиатского типа.

Развитие условно выделенных подтипов на Центральном Кавказе, представленная в динамике основная тенденция эволюции свадебной обрядности выражаются в сближении отдельных региональных подтипов с общекавказским. В случае, когда тот или иной элемент не ограничивается рамками одного этноса или географического региона, предполагается наличие, с одной стороны, в прошлом обычаев, имевших более широкий ареал действий, а с другой - заимствования, являющиеся результатом интенсивных межсоседских взаимоотношений. Развитие института брака и брачных обрядов на Кавказе протекало на фоне взаимовлияний этнических культур и осложнялось вторжением новых элементов. Это вызывало ряд трансформаций, дав в результате региональные варианты брачного обряда.

Использованная литература

Нужно отметить, что, к сожалению, из-за скудности печ.лист. невозможно представить описание структуры свадебных обрядов всех регионов Центрального Кавказа.

I. Таблица составлена по этнографическим материалам добытым автором в Сев. Осетии, Ингушети, Чечне, Мтиулети, Пшави, Хевсурети, Тушети, а также использованы литературные данные: И т о н ш в и л и В. Д. Из истории семейных отношений грузин-горцев, Тбилиси, 1960 (на груз.яз.). Ч к о н и я И. В. Институт брака в Мтиулети ч.I, Тбилиси, 1955 (на груз.яз.). В о л к о в а Н. Д ж а в а х и ш в и л и Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX-XX вв Традиции и инновации, М., 1982, стр. 121-124. А к и м о в В. Н. Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей, СМЭ, 1983, вып.Ш. К у д у с о в а Ф. И. Семья и семейный быт ингушей (конец XIX-70-е годы, XX в.), диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Тбилиси, 1980. М а г о м е т о в А. Х. Культура и быт осетинского народа, Орджоникидзе, 1968. К а л о е в Б. А. Осетины. М., 1971, и др.

2. Об этом смотрите Л. Ш. М е л и к и ш в и л и. Некоторые стороны осетинского Свадебного ритуала, в сбор. Кавказский этнографический сборник, т.У, вып.2, Тбилиси, 1979, ст.151-181.

3. Смотрите там же - ст. 165-168.

4. Тут мы не сочли нужным коснуться вопроса заключения брака похищением, т.к. этот вопрос достаточно хорошо представлен в статье Я.С. С м и р н о в о й "К типологии обычаев умыкания (по материалам народов Северного и Западного Кавказа)" в сб."Проблемы типологии в этнографии", М., 1979, стр. 265-269, а так же: Я. С. С м и р н о в а, "Семья и семейный быт народов Северного Кавказа, М., 1983, стр. 52-56.

5. Информатор Б а л и а т у р и Н. 1968, этн.мат. Хевсурети.

6. Х а р а д з е Р. Л. Отчет командировки в Пирикитскую Хевсурети, Известия ИНИМК, т.XI, Тбилиси, 1941, стр. 29-30, а также в этом же регионе собранный нами этнографический материал.

7. Ч и к о в а н и В. М. Институт "Каи кма" в Пирикит Хевсурети (Шатильская община), годовой отчет 1977, с.15-16 (хранится в отделе этнографии Кавказа института Истории, археологии и этнографии им.И.А.Джавахишвили).

8. Ч и т а я Г. С. Этнографические народные предания, Труды Института истории, I, Тбилиси, 1955, с.393.

9. Ч и с т о в К. В. Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда, в сб.: Проблемы типологии в этнографии, М., 1879, с.223-230.

10. Там же, с.225.

Н. В. Джавахадзе

ГРУЗИНО-ВЕЙНАХСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ТИПОЛОГИИ СИСТЕМ РОДСТВА

Научный анализ систем родства предусматривает изучение четырех основных вопросов: выбора метода фиксации этнографического материала, установления категории терминов родства (ТР), определения типов систем родства (СР) и на основе этих данных выяснения взаимосвязи между системой терминов родства (СТР) и системой родственных отношений (СРО), СР в целом и формами социальной организации.

Целью нашей работы на данном этапе не является рассмотрение всех вышеперечисленных вопросов, предусматривающих изучение системы родства в целом. Опираясь на четырехчленное деление систем родства, принятое в советской этнографии (I4,28I,282), на основе историко-типологического анализа СТР грузин (горные районы Вост. Грузии - Хевсурети, Мтиулети, Пшави, Хеви и Тушети) и вайнахов (чеченцы, ингуши, цова-тушинцы и панкисские кисты[I]) определен исторический тип этих СР. Изучение систем родства грузин и вайнахов по типологической характеристике способствует выяснению общекавказских этнографических параллелей в СР этих народов.

Выделение типов, как известно, происходит "с помощью формальных, структурных признаков, временно абстрагируясь от их социальной обусловленности" (I4,4). Объединение выделенных основных признаков из реально существующей многообразной терминологии родства в типы приводит к созданию идеальной модели системы родства, конструируемой исследователем как инструмент для научного анализа СР (I4,280). Именно, типы определяют место и роль СР в сфере исследований социальных отношений, т.к. каждый созданный и функционирующий тип системы родства соответствует определенной форме социальной организации.

В истории изучения систем родства создание строгой научной типологии по сегодняшний день является одной из основных проблем

I. Переселенцы из Чечено-Ингушетии, проживающие в Кахети, в восточной части Грузии.

этнографии. Трансформация механизма структуры СР, общественный уклад, социальные институты, отдельные локальные особенности, функционирующие в быту народов, рассматривались как факторы, обусловливающие изменение типов систем родства. Основным принципом рассмотрения трансформации структуры СР является общественно-экономический уклад данного общества, а второстепенным - конкретные условия, бытующие в обычаях и различных формах семейно-брачных отношений.

Конструируемые отдельные типы систем родства базировались на одном неизменном принципе - слияние или разграничение родственников по прямой и коллатеральной линиям, со стороны отца и матери. Этот принцип по сей день доминирует в общей классификации систем родства. Создание исторических типов опирается на делении родственников в первом восходящем (+Iп), нулевом (Оп) или первом нисходящем поколениях (-Iп), выраженных различными терминами родства. Столь высокое место этих поколений в типологии систем родства обусловлено их социальной значимостью, т.к. термины этих степеней родства более чутки к изменениям форм семейно-брачных отношений и более точно отражают реальную действительность социальной организации исследуемого народа.

Анализ первичного этнографического материала происходил с помощью компонентного анализа, с кодовой системой Ю.И.Левина с тремя русскими символами (Р-родитель, Д-дитя, С-супруг/I5). Этот метод оказался наилучшим способом для сравнительного изучения и определения отличительных и схожих черт и локальных особенностей в СТР народов Кавказа.

Историко-типологический анализ систем терминов родства исследуемых нами этносоциальных общностей Кавказа основывается на кровнородственной терминологии +Iп и Оп, которые более точно и активно реагируют и регистрируют изменения в социально-экономической жизни народа. Используются ТР исключительно мужского пола.

По принятому в советской этнографии четырехчленному делению типов системы родства, на таблице № I приведены ТР +Iп Чечено-Ингушетии и восточных районов Грузии - Хевсурети, Мтиулети, Хеви, Пшави, Тушети и Панкисских кистов, где родственники этого поколения терминологически полностью классифицированы и для их обозначения применяются следующие ТР: м а м а, д а - Рм, б и д з а, д е в а ш а, д а ь в о ш а, д а д в а ш о, д е н в о ш - ДмРРм, д е д и д з м а, н е н в а ш а, н а ь н в о ш а, н а н в а ш о, н е н в о ш - ДмРРж.

Одним из существенных структурных элементов этой терминологии является полное разграничение родственников со стороны отца и ма-

тери, по прямой и коллатеральной линиям, выраженным отдельными терминами родства.

Рассмотрение особенностей терминологии родства +Iп грузин и вайнахов, в плане выражения, выявило в этих системах одинаковые категории терминов - элементарные - Рм и описательные - ДмРРм, ДмРРж. А в плане содержания, характерными оказались индивидуальные - Рм и классификационные - ДмРРм, ДмРРж.

По основным принципам группировки родственников представленную терминологию +Iп грузин и вайнахов можно отнести к одному - III типу системы родства. Терминология этого типа порождается той социальной организацией, которая на Кавказе известна под названием патронимия, и основана на нормах большой семьи. Патрономия являлась характерной формой социальной структуры многих, если не большинства, народов Кавказа. Вкладывая новое понятие исторического места семейно-родственных групп у народов Кавказа, А.И.Робакидзе отмечает, что патронимия имеет "характер последовательного процесса многократных разделов; ее исходной ячейкой могла быть лишь семейная община или ее пережиточная форма с семейно-общинной собственностью, а не подразделение рода" (25,I4-I5).

Таким образом, на основе типологического анализа ТР +Iп можно проследить у этих народов общекавказские, в частности грузино-вайнахские параллели, выявленные в особенностях одной социальной организации - патронимии. Она являлась для этих этнических групп типичной формой родственного объединения на определенном этапе развития общества. Патрономия бытовала среди них до самого недавнего времени и проявлялась в различных аспектах общественной жизни - в культе предков, в ряде общих форм собственности и др.

Научное изучение терминологии родства Оп (таблица № 2) выявило разновидность в типологии СР грузин и вайнахов. Для всех ТР Оп одной общей характерной чертой является выделение брата от всех параллельных и кросскузенов специальным термином. Трансформация механизма структуры ТР Оп коллатеральной линии, со стороны отца и матери, является существенным признаком для деления систем родства этих народов на разные исторические типы, в основе терминологии которых лежат различные формы социальной организации. Эти структурные элементы, выявленные в многообразной терминологии Оп определили типологическую разновидность СР грузин и вайнахов, в частности, социальные факторы послужили критериями для выделения трех типов системы родства в трех группах этносоциальных общностей Кавказа.

К первой группе относятся мтиульская, мохевская, пшавская, тушинская и ингушская системы родства (таблица № 2). Структурные

Термины родства +Iп

Таблица № I

Типы системы	Рм	ДмРРм	ДмРРж	Количество терминов
I	Mäkua	Kana		I
II	Ha'hih		Hakhn o'sek	2
III	Abi	Ammi	Khali	3
хевсурский	мама	бидза	дедидзма	3
мтиульский	мама	бидза	дедидзма	3
мохевский	мама	бидза	дедидзма	3
пшавский	мама	бидза	дедидзма	3
чагма-тушинский	мама	бидза	дедидзма	3
цова-тушинский	да	дадваша	нанваша	3
ингушский	да	даьвоша	наьнвоша	3
чеченский	да	денваша	ненвата	3
панкисские кисты	да	деивош	ненвош	3
IУ	Father	Uncle		2

особенности этих терминов заключаются в полном разграничении родственников по коллатеральной линии, со стороны отца и матери отдельными терминами: д з м а, в а ш о, в о ш а - ДмР; б и д з а ш в и л и - ДДмРРм; д а д в а ш е н в о I, д а ь в е ь ш и й н в о I - ДмДмРРм; ш и н ш и, ш и ч л а I, ш у ч а - ДДжРРж; д е д и д з м и ш в и л и - ДДмРРж, н а н в а ш е н в о I, н а ь н в е ш и й н в о I - ДмДмРРж; м а м и д а ш в и л и - ДДжРРм, д а д ь я ш е н в о I, д е и й ш и н в о I - ДмДжРРм. По морфологической структуре для этих терминов родства характерны элементарные ДмР и описательные - ДмДмРРм, ДмДжРРж, ДмДмРРж, ДмДжРРм категории: а по группировке родственников и социальному содержанию все ТР первой группы относятся к классификационным категориям - ДмР, ДмДмРРм, ДмДжРРж, ДмДмРРж, ДмДжРРм. Следует отметить, что в отличие от вайнахов, в грузинских терминах родства пол индифферентен.

Историко-типологический анализ ТР Оп определил, что СР этих народов является продуктом III типа системы родства. Формой социальной организации этого типа представляется патронимия, образовавшаяся в результате раздела семейной общины и сохранившаяся в быту этих народов под разными названиями. Она отображала специфические семейно-родственные отношения и функционировала в пережиточном виде в отдельных элементах до определенного исторического периода.

Вторая группа представлена хевсурской терминологией родства (таблица № 2). Однако, брат выделен специальным термином - д з м а - от всех кузенов, но терминологическая классификация остальных родственников Оп происходит по другим признакам. Особенности структурных элементов являются в обозначении параллельных кузенов одним термином - ш и н ш и (без указания пола), где слиты коллатеральные линии со стороны отца и матери. Терминология кросскузенов строго различает их принадлежность к родственной группе отца и матери, для обозначения которых применяются термины д е д и д з м и ш в и л и - ДДмРРж и м а м и д а ш в и л и - ДДжРРм.

В плане выражения хевсурские ТР представлены в двух категориях - элементарные - ДмР и описательные - ДДмРРм, ДДжРРж, ДДмРРж, ДДжРРм, а в плане содержания - все термины классификационного характера.

Специфичность значения термина ш и н ш и заключается в выделении параллельных кузенов - ДДмРРм, ДДжРРж, - одним общим названием. Это дает основание предположить, что по социальному содержанию термин ш и н ш и более древнего происхождения. Наша

Термины родства Оп

Таблица № 2

Типы системы	ДмР	ДмДмРРм	ДмДжРРж	ДмДмРРж	ДмДжРРм	Количество терминов
I	Käi - Kua - äna					I
II	Hahtsi'			Akua:'se:'		2
II-III хевсурский	дзма	ш и н ш и		дедидзмишвили	мамидашвили	4
III	Akhi	ibn ammi	ibn Khaleti	ibn Khali	ibn ammeti	5
мтиульский	дзма	бидзашвили	шинши	дедидзмишвили	мамидашвили	5
мохевский	дзма	бидзашвили	шинши	дедидзмишвили	мамидашвили	5
шавский	дзма	бидзашвили	шинши	дедидзмишвили	мамидашвили	5
чагма-тушинский	дзма	бидзашвили	шинши	дедидзмишвили	мамидашвили	5
цова-тушинский	дано	дацвашен воI	шичлаI	нанвашен воI	дадъяшен воI	5
ингушский	вошa	даьвеьшийн воI	шуча	наьнвешийн воI	дейшийн воI	5
IУ	Brother	Cousin				2
чеченский	ваша	ш и ч а				2
панкисские кисты	вош	ш и ч				2

аргументация обосновывается соображениями Р.Л.Харадзе относительно института "шиншоба" у хевсур, который "как видно, представляет собой остаток брачных отношений, существовавших до возникновения индивидуальных браков (27, 519). Доказательством этому служат архаические черты культуры и быта, сохранившиеся в общественной жизни хевсур до недавнего прошлого.

Историко-типологический анализ ТР Оп имеет важное значение для интерпретации типологической принадлежности хевсурской системы родства. По представленной терминологии хевсурская СР не соответствует ни одному из вышеуказанных четерых основных типов, которые приняты в советской этнографии. Однако известно, что многие системы родства нельзя отнести к определенному типу, т.к. по своим структурным особенностям они занимают промежуточное, переходное состояние от одного типа к другому. Поэтому существуют промежуточные подтипы, бытование которых позволяет судить не только о простой последовательности типов, но и о самом механизме изменений, производящем смену одного типа другим и представлявшем универсальную схему развития четырех основных типов систем родства (I4,64).

Особенность структурных признаков в кровнородственных терминах Оп определила путь формирования промежуточного подтипа хевсурской СР, лежащей на грани между II и III основными типами (таблица № 2). Терминология родства этого переходного подтипа связана с одной стороны, с распадом патриархально-родовой организации и формированием большой семьи (II тип), с другой стороны - патронимией, возникновение и бытование которой основано на нормах большой семьи (III тип).

Система родства, как известно, породившаяся в формах семейно-брачных отношений, трансформируется соответственно с развитием социальной организации. В кавказской этнографической литературе принято, что "род в своем чистом виде является источником образования семьи, как продукт его сегментации" (24, III). "Семейная община-хозяйственно-родственное объединение, как историческая категория, начала складываться в рамках первобытно-общинной формации в процессе разложения патриархально-родового строя" (30,65). Патронимия-исходной ячейкой которой представляла семейная община - являлась последующим этапом в процессе развития структуры общества (25, I4-I5). Завершает этот длительный исторический процесс моногамная семья - ядро современного общества - возникшая на поздней стадии распада родственной группы - патронимии.

Таким образом, развитие типов систем родства, в основе которых

лежат определенные формы социальной организации, совершается в одинаковых условиях, в частности, этот путь проходит от рода через большую семью до патронимии и завершается моногамной семьей.

Изучение семейных отношений в Хевсурети не позволили выявить пережитки большой семьи в ее типичной форме. Однако, патрономия свое существование проявляла в особенностях структуры хевсурского рода - его расщепление на старые и новые мамани (д з в е л и д а а х а л и м а м а н и)., в специфической особенности родового погребения в форме а н д а п и (28, 206). Доказательством этому служит рассмотренная нами терминология родства +Iп, основой которой являлась именно патронимия. Если учесть исторический путь развития типов СР и социальных организаций и их соотношение, то можно предположить, что патронимия без большой семьи не могла проявить свои особенности в общественном быту хевсур. Убедительное решение этого вопроса возможно на основе специального исследования форм семейных отношений в Хевсурети. Рассмотрение особенностей большой семьи в исторической перспективе окажется надежным аргументом для решения вопроса о соотнесенности терминологии родства с порождающими ее социальными институтами.

Третья этносоциальная группа, где родственники Оп представлены исключительно другим типом - это панкисские кисты. Структурные особенности ТР панкисских кистов заключаются в полном слиянии коллатеральных родственников по линии отца и матери, для наименования которых применяется один термин - ш и ч, где пол индифферентен. Брат терминологически классифицирован (в о ш) от всех параллельных и кросскузенов (таблица № 2; 4,9-I0).

По морфологической структуре терминология родства Оп кистов, представлена в двух категориях - элементарные - ДмР и описательные - ДДмРРм, ДДжРРж, ДДжРРм, ДДмРРж, а в плане содержания, только классификационные - ДмР, ДДмРРм, ДДжРРж, ДДжРРм, ДДмРРж.

По основным принципам группировки родственников ТР панкисских кистов Оп соответствует одной из основных моделей - IУ типу, социальная организация которого совпадает с периодом разложения поздних форм патронимии и формированием моногамной семьи, как основной социальной ячейки современного общества.

Специально выделяем чеченских ТР Оп. Существует два варианта в осмыслении значения термина ш и ч а, по которым чеченскую систему родства можно отнести к двум типам. По материалам Т.Гониашвили чеченский термин ш и ч а обозначает двухстороннее родство, по матери в лице сестер матери (груз.деидашвили) и со стороны дяди - дети дяди (груз.бидзашвили) (I,599-60I). Однако, в родственной категории бидзашвили автором не усмотрена специфика связующего род-

ственника, в частности, какие, патрилинейные или матрилинейные родственные отношения выражает вышеназванный термин?

Также не учитывает Р.Харадзе положение промежуточного родственника и указывает, что чеченский термин ш и ч а подразумевает общее значение понятия бадзашвили - дети дяди (27, 512).

По собранным нами материалами (горцы Вост.Грузии) термин бадзашвили применяется только для детей брата отца и исключает из номенклатуры родства детей брата матери, для наименования которых применяется термин дедидзмишвили. Учитывая это последнее значение, термин шича, наподобие хевсурского шинши, охватывает двухстороннее родство, со стороны сестры матери - ДДжРРж и по линии брата отца-ДДмРРм. Остальные родственники Оп обозначаются отдельными терминами: н е н в е ш и й н в о I - ДмДмРРж и д е н и й ш и й н в о I - ДмДжРРм. В этом отношении чеченские и хевсурские ТР носят аналогичный характер. И как хевсурская, так и чеченская СР относятся к промежуточному подтипу переходящего от II-к III основному типу. ТР этого подтипа, как мы уже указывали выше, связаны с периодом разложения патриархально-родовой организации и формированием большой семьи.

Однако, нами фиксированный этнографический материал в Советском и Веденском районах Чечни в 1978-79гг. дает другую интерпретацию в осмыслении значения термина ш и ч а. Этим последним обозначаются все родственники поколения Ego, кроме ДмР, для наименования которого применяется термин в а ш а (6,5-6).

В словаре, составленном А.Г.Мациевым, термин ш и ч а обозначает двоюродных братьев и сестер (20, 515). По материалам М.Исмаиловой, термин ш и ч а обозначает "детей двух родных братьев, сестер или сестры и брата" (12, 120).

В таком варианте, где все параллельные и кросскузены классифицированы одним термином, чеченские ТР Оп идентичны с терминологией родства панкисских кистов. СР этих последних является отражением тех норм социальной организации, которые функционируют в современном обществе. По основным принципам группировки родственников эта типология соответствует завершающему - IУ типу системы родства, связанному с периодом разложения поздних форм патронимической организации и формированием моногамной семьи. Мы считаем чеченскую систему родства отражением именно той формы социальной организации, которая совпадает с нормами современного состояния общества.

Изучение социальной структуры большой семьи и патронимии у народов Кавказа выявило, что "в XIX в., и даже в начале нашего столетия на Северном Кавказе наряду с малой, или нуклеарной, еще существовала большая или патриархальная семья. Она зафиксирована в это время у всех без исключения народов" (26, 23).

В Грузии, особенно в ее горных районах - Мтиулети, Пшави, Хеви, Тушети - "основной ячейкой общественно-экономической жизни являлась большая семья. Во второй половине XIX века при сосуществовании пережиточно сохранившихся семейных общин и индивидуальных семей, соблюдаемый принцип неразделенности братьев способствовал сохранению многочисленности семейных общин. К концу XIX века... семейные общины Грузии превосходили малые семьи..." (30, 16, 20).

Родственная организация - патронимия, фиксируемая по этнографическим материалам, характерна для всех без исключения народов Кавказа в XIX веке, "она представляет собою особую универсальную форму социальной организации и возникает в результате развития семьи" (25, III).

Известно, что в Чечне распад древних форм социальных организаций начался раньше, чем в Ингушетии. Но представление о бытовании семейных общин и патронимии дают сохранившиеся этнографические материалы. "Наряду с индивидуальной семьей, семейная община сохраняет свое существование в качестве этнографического материала" до конца XIX века (7,209,224;8,II,I9,20,36,64,I00), что выявлено посредством изучения состава и экономических основ семьи, системы управления, форм собственности, жилых сооружений и др. (32,I74-I76; 7:8).

Форма поселения, описанная у горцев Чечено-Ингушетии, соответствует патронимическому поселению, которое "можно именовать тейповым, в первичном значении этого слова", а в последующем - "гаровым, ваьровым" (24,II2).

Существование больших семей у панкисских кистов не подтвердилось по этнографическим материалам. Однако, изучение отдельных компонентов семьи - структура управления и характер форм собственности, - дало возможность проследить за существованием элементов форм большой семьи в общественном быту кистов (8,I93).

Семейная община у горцев Восточной Грузии - Мтиулети, Хеви, Пшави, Тушети - наиболее полно отвечала специфическим интересам их родственного объединения и хозяйственного быта и играла основную роль в регулировании общественных отношений. В результате сегментации большой семьи, создавалось новое родственное объединение близких родственников - патронимия. Единство этой формы социальной организации отражено в культе предков, едином жилом квартале, общем святилище, общем кладбище и ряде общих элементов собственности. Пережитки исторически существовавших социаль-

ных институтов – большой семьи и патронимии – долгое время сохранились в быту горцев Восточной Грузии, о чем свидетельствуют и литературные данные (I3:I6:I7:I8:I9:2I:24:29:30:3I:32: 25:7:8:9:I0:II:I2:26). Среди рассмотренных нами этнографических групп исключение составляет Хевсурети. Как указано выше, изучение семейных отношений у хевсур не выявило свойственные черты большой семьи. Но это предположение не соответствует данным системы родства. Типологический анализ хевсурских ТР Оп показал, что эта терминология относится к промежуточному II-III подтипу, в основе которых лежат исторические категории – патриархальный род и большая семья. Данные СР дают основание в более широком плане разработать вопросы семейного быта у хевсур.

Следует отметить, что в грузинской и вайнахской системах терминов родства прослеживается наличие таких терминов свойственного отношения, которые характерны исключительно для семейной общины. К таким категориям относятся тушинское м о н д а в и, пшавское м о ц и л е и чечено-ингушско-кистинское к х и н, в значении СжДмРСм. Все эти наименования применяются для определения групп родственников, в частности, жен братьев по отношению друг к другу, объединенных в пределах одного дома, вокруг одного очага. В этих свойственных ТР отражен "один из характерных моментов внутренней жизни семейной общины – соучастие ее членов в домашней производственной жизни при соответствующем распределении труда между женщинами" (30,II). Именно жены братьев выделены отдельными терминами из общего наименования невестки – грузинский р д з а л и и вайнахский – н у с. "Выделение жен братьев в специальную группу родственников – пишет Р.Л.Харадзе – и создание для них особого термина родства могло произойти только лишь при наличии хозяйственно-родственного объединения неразделенных братьев и их жен внутри общего дома" (30,II).

Как известно, термин м о н д а в и//м о д г а м и у тушин, пшавов и хевсур имеет также значение супряги, в котором "хорошо передается характер коллективных отношений между женами братьев, объединенных общим хозяйством и коллективным способом производства", (29,113).

А.И.Робакидзе институт супряги разъясняет как "временное объединение земледельцев вокруг пахотного орудия, ставившее целью вспашку земельных участков членами этой организации" (23,420). Считая одной из форм эксплуатации в дореволюционной Грузии, институт супряги автором рассмотрен как "результат разложения большой семьи" (23,420).

Таким образом, не только кровнородственная терминология +Iп и Оп является доказательством существования в прошлом в быту грузин и вайнахов древних форм социальной организации, в частности, большой семьи и патронимии, но и наличие терминов свойственных отношений родства, которые по своему содержанию выходят за пределы индивидуальной семьи.

Изучение структурных особенностей ТР +Iп и Оп грузин горцев и вайнахов играет немаловажную роль для выявления общекавказских параллелей с точки зрения этимологии и семантики этих терминов родства. Анализ номенклатуры родства этих народов по лингвистической структуре нами был рассмотрен. Результаты этого анализа опубликованы и поэтому в настоящей работе мы воздерживаемся от повторения (2:3:5). Отметим, только, что сходство между этими ТР по морфологической структуре свидетельствует с словарных схождениях в этих языках. А по социальному значению ТР грузин и вайнахов представляет интерес с точки зрения соотнесенности СР с социальной организацией. Это сходство основано на тех исторических результатах взаимоотношений, которые имели место на протяжении многих веков между грузинами и вайнахами. Аналогичные условия общественно-экономической структуры этих народов сохранились в этнографической действительности, доказательством которого служат нами рассмотренные типы СР, соответствующие одинаковым формам социальной организации.

Таким образом, историко-типологический анализ терминологии родства +Iп и Оп горцев Восточной Грузии и вайнахов определил одну из существенных сторон в плане выявления последовательных исторических типов в СР этих народов. Результаты научного анализа показали, что наиболее устойчивой и консервативной выглядят ТР +Iп. На примере кавказского материала для всей терминологии родства первого восходящего поколения свойственным оказался только один – III тип системы родства, ядром которого является патронимическая организация, основанная на нормах большой семьи и сохраненная в пережиточном виде в быту этих народов. Терминология родства +Iп является еще одним убедительным аргументом для подтверждения положения о существовании патронимии, которая представляла особую универсальную форму социальной организации и стойко бытовала в общественной жизни всех народов Кавказа. Изучение номенклатуры родства во взаимосвязи с санкционированными нормами поведения даст возможность в более широком плане выявить пережиточно сохранившиеся формы этой социальной организации.

Изменение различных структурнообразующих компонентов, в дан-

ном случае определения линейности - прямая и коллатеральная, принадлежность к родственной группе отца и матери - позволило проследить за процессом превращения одного типа в другой. В этом отношении поколение Его оказалось в более динамичном положении - активно реагируя и регистрируя изменения, происходившие в социально-экономической жизни народов Кавказа. Именно терминология родства Оп наглядно показала трансформацию механизма структуры системы родства и исходя из этих особенностей - исторический путь развития систем родства. На основе терминологии родства поколения Его для СР горцев Грузии и вайнахов свойственным оказались: II - III промежуточный подтип, III и IУ основные типы. Формы социальной организации отражающиеся в терминологии этих типов совпадают с периодом распада патриархально-родовой организации и возникновением большой семьи (II-III подтип, хевсурская СР), патронимией, образовавшейся в результате раздела семейной общины (III тип, мтиульская, мохевская, пшавская, тушинская, ингушская СР) и наконец, с периодом разложения поздних форм патронимической организации и формированием моногамной семьи, как основной ячейки современного общества (IУ тип, СР чеченцев и панкисских кистов). Результаты, полученные при дальнейшем изучении реальных форм социальных взаимоотношений между кровными, свойственными и искусственными родственниками, установление связи между системой терминов родства и системой родственных отношений, позволят выявить общие закономерности развития механизма структуры типов систем родства горцев грузии и вайнахов. Рассмотрение различных социальных институтов, существующих в общественной жизни этих народов, даст возможность ретроспективно проследить за процессом исторического развития общества.

Однако, большая семья и патронимия, стойко бытовавшие в социальной жизни народов Кавказа, вышли за рамки своего былого существования и остались пережитками далекого прошлого. Но терминология родства, связанная с этими традиционными формами общественного быта, продолжает существовать и функционировать в той форме, которая присуща породившей ее нормам семейно-брачных отношений. Это вполне объяснимо консервативным характером терминов родства, медленно реагирующих на общий ход социально-экономической структуры общества и в силу этого сохраняющих свои былые формы в недрах социальных институтов. Характер этих закономерностей, выявившихся в медленном трансформировании систем родства, в отличие от породивших ее форм семейно-брачных отношений, еще раз подтверждается на примере многообразной терминологии этносоциальных общностей

Кавказа. Исходя из разновидности типов систем родства этих народов, именно в терминологии родства +Iп и Оп обнаруживаются различные древние формы социальной организации, сохранившие свои отпечатки на современном этапе развития общества.

Не только кровнородственные термины родства +Iп и Оп сохранили следы существования древних форм семьи у грузин и вайнахов, но и термины родства свойственных отношений. Бытование специальных терминов - м о н д а в и - м о ц и л е - к х и н, обозначающих жен братьев, являются отражением тех родственных отношений, которые проявлялись между членами неразделенного дома, объединенных общим хозяйством и коллективным способом производства. Эти распространенные, специфические наименования являются пережитком большой семьи, и сохранились до конца XIX века у большинства народов Кавказа. С распадом большой семьи и образованием моногамной семьи эти термины изменились в плане содержания, а форма выражения осталась прежней. На современном этапе реальное содержание рассмотренных нами категорий родства в нынешнем ее состоянии не соответствует социальному положению грузин и вайнахов. Термины, выражавшие нормы большой семьи и патронимии, являются пережитками прошлого, как и эти социальные институты.

Однако, индивидуальная семья довольно давно стала господствующей формой в общественном быте у народов Кавказа. Историко-этнографические данные свидетельствуют, что в XIX веке и в начале XX века наряду с индивидуальной семьей существовала пережиточная форма семейной общины и патронимии.

Таким образом, результаты типологического анализа, предпринятые в настоящей работе, дали возможность проследить грузино-вайнахские параллели, которые заключаются в следующем:

I. Структурный принцип терминологии родства первого восходящего и нулевого поколений одинаков для грузин и вайнахов. В плане выражения свойственными для этих ТР оказались элементарные и описательные категории, а по социальному содержанию - все термины классификационного характера.

2. В создании исторического типа СР грузин и вайнахов определенную роль сыграла ТР +Iп и Оп. Из них более консервативными оказались ТР +Iп, основой которых является только одна социальная организация - патронимия. А терминология родства Оп находится в более динамичном положении, т.к. она рельефнее показала этапы развития социальных отношений.

Доказательством этому служит существование у этих народов нескольких типов системы родства с различными социальными организа-

циями. Именно, ТР Оп грузин и вайнахов выявили те локальные особенности, которые существуют в конкретных СР.

Следовательно, историко-типологический анализ СТР, исследуемых нами этнических групп, позволили проследить за трансформацией механизма структуры системы родства и созданием определенных исторических типов в процессе их эволюции. Изучение особенностей структурных элементов дало возможность обусловить место систем родства хевсур, мтиул, пшавов, мохевцев, тушин, чеченцев, ингушей и панкисских кистов в общей четырехчленной классификации систем родства, принятой в советской этнографии. Типологическая характеристика этих систем родства выявила генетические связи, существующие между системой родства и формами социальной организации, т.к. по своим основным параметрам терминология родства +Iп и Оп совпадает с III и IУ основными типами, социальными организациями которых являются патронимия, основанная на нормах большой семьи и моногамная семья, возникшая после разложения патронимической организации. В этом и заключается источниковедческое значение систем родства в сфере исследований социальных отношений.

Использованная литература

I. Гониашвили Т. Словарные схождения чеченского и картвельских языков, ИИЯИМК, У-УI, Тбилиси, I940, (на груз.яз. (русск. резюме).
2. Джавахадзе Н. В., Термины родства у горных ингушей, КЭС, т.2, Тбилиси, I968.
3. Джавахадзе Н. В., Из истории родственной системы - К вопросу "шинши" в Мтиулети, КЭС, т.3, Тбилиси, I97I, (на груз.яз.)
4. Джавахадзе Н. В., Система родства у панкисских кистов. Рукопись, Тбилиси, I972 (на груз.яз.)
5. Джавахадзе Н. В., Типологическая характеристика осетинской системы родства, КЭС, т.5, вып.2, Тбилиси, I979.
6. Джавахадзе Н. В., Система родства в Чечне. Рукопись, I980, (на груз.яз.)
7. Итонишвили В. Д., Пережитки семейной общины в горной ингушетии, КЭС, т.2, Тбилиси, I968.
8. Итонишвили В. Д., Семейный быт горцев центрального Кавказа.I. Семейный быт нахов и осетин, Тбилиси, I969 (на груз.яз.)
9. Итонишвили В. Д., Семейный быт горцев центрального Кавказа (Историко-этнографическое исследование), Автореферат, Тбилиси, I97I.
I0. Итонишвили В. Д., Правила раздела семьи и принцип распределения имущества у цова-тушинцев,"Поиски из истории Грузии и Кавказа". Юбилейный сборник,посвященный 80-летию со дня рождения акад. Н.А.Бердзенишвили, Тбилиси, I976, (на груз.яз.).
II. Итонишвили В. Д., Семейный быт мохевцев. Тбилиси, I970, (на груз.яз.).
I2. Исмаилова М. Ш., Из истории семейного быта чеченцев - состав семьи, "Мацне", И АН ГССР,№6,Тбилиси,I970.
I3. Ковалевский М. М., Закон и обычай на Кавказе, т.2, I890.
I4. Крюков М. В., Система родства китайцев (Эволюция и закономерности), М., I972.
I5. Левин Ю. И., Об описании систем терминов родства, СЭ, I970, № 4.
I6. Макалатия С. И., Мтиулети,Тбилиси,I930(на груз.яз.).
I7. Макалатия С. И., Тушети, Тбилиси, I933 (на груз.яз.)
I8. Макалатия С. И., Пшави, Тбилиси, I934 (на груз.яз.).
I9. Макалатия С. И., Хеви, Тбилиси, I934 (на груз.яз.).
20. Мациев А. Г. Чечено-русский словарь, М., I96I.
2I. Панек Л. Б., Жилище мтиулов, СМАЭ, т.IX, I930.
22. Панек Л. Б., Следы родового строя у мтиулов, СЭ, I939, № 2.
23. Робакидзе А. И., Супряги как одна из форм эксплоатации в дореволюционной Грузии, Мимомхилвели, II, Тбилиси, I95I, (на груз.яз./русск.резюме).
24. Робакидзе А. И., Жилища и поселения горных ингушей, КЭС, 2, Тбилиси, I968.
25. Робакидзе А. И., Патронимия у народов Кавказа,М., I973.
26. Смирнова Я. С., Семья и семейный быт народов Северного Кавказа, М., I983.
27. Харадзе Р. Л., К вопросу системы родства у хевсур, ИИЯИМК, У-УI, Тбилиси, I940 (на груз.яз.,русск.резюме).
28. Харадзе Р. Л., Хевсурское дзири и гвари, Мимомхилвели,I,Тбилиси,I949 /на груз.яз/.
29. Харадзе Р. Л., Грузинская семейная община,т.I,Тбилиси, I960.

30. Харадзе Р. Л. Грузинская семейная община, т.2, 1961.
31. Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И., Мтиульское село в прошлом, Тбилиси, 1965 (на груз.яз.).
32. Харадзе Р. Л. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей, КЭС, т.2, Тбилиси, 1968.

Л. К. Хуцишвили

ИЗ ГРУЗИНО-ВЕЙНАХСКИХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Проблема культурно-исторических взаимоотношений народов Кавказа является одной из важнейших в кавказоведческой этнографии[1]. Исходной позицией этнографических исследований в этом направлении является тезис, согласно которому несмотря на различия в происхождении народов Кавказа, их различную языковую принадлежность и религиозную ориентацию, Кавказ в целом рассматривается как определенная культурно-историческая общность, которая проявляется во всех сферах культуры и быта[2]. Вместе с тем, естественно, народы Кавказа сохраняли и сохраняют собственный этнический характер, свои обычаи, сформировавшиеся за длительное время исторического развития.

Данная работа посвящена одному из многих аспектов грузино-вайнахских отношений, имеющих многовековую историю. Близкое соседство способствовало развитию экономических, культурных и политических связей. Близость эта касалась и религиозных взглядов. В специальной литературе отмечается факт особого распространения на Кавказе религиозного синкретизма сложившегося на основе наслаивания на высокоразвитые народные религиозные представления зороастризма, христианства и ислама. "Христианство затронуло скорее всего поверхность народного быта горцев Кавказа, а ислам вынужден был сосуществовать со многими институтами, диаметрально противоположными основам мусульманского религиозного мышления"[3].

Научное изучение грузино-вайнахских отношений началось со второй половины XIX века, и естественно, в первую очередь это касалось памятников материальной культуры. И хотя с тех пор проделана большая работа, ряд вопросов ждет дальнейшей разработки.

Трудности стоят и перед исследователями верований чеченцев. Однако сочетание данных письменных источников с материалом, собранным во время полевых этнографических экспедиций, дает возможность разобраться в этих довольно сложных вопросах.

Сведения, сохранившиеся в грузинских источниках довольно

последовательно освещают отдельные стороны взаимоотношения межд
грузинами и вайнахами, начиная, по крайней мере, с раннефеодаль
ной эпохи.

Грузинские цари часто прибегали к военной помощи вайнахов. Практиковались и династические браки. Жена царя Парнаоза была и дзурдзуков[4]. Их сын царь Саурмаг, поддержаный братьями матери, мел удержать власть в Картли[5]. Гуарам Куропалат в борьбе против персов выставил дзурдзуков[6]. Они же помогают атабагу Иванэ усми рить пховцев - горцев Грузии[7].

Создание централизованного грузинского государства в эпоху зрелого феодализма представляло новую ступень в процессе развит грузино-вайнахских отношений. Грузинский историк XI века Леонти Мровели сообщает, что обеспокоенные активностью хазар, жители с веро-восточного Кавказа, просят помощи у грузин и получают ее. Объединенное войско преодолевает Кавказский хребет и одерживает победу над хазарами[8].

Даже этот, довольно неполный перечень показывает интенсивно грузино-северокавказских отношений, которые на протяжении веко меняли форму и интенсивность, но никогда не исчезали. В литерат ре верно отмечено, что до сегодняшнего дня недостаточно изучена "специфика грузино-вайнахских отношений после XШ в. ... время и пути проникновения христианства к вайнахскому населению"[9].

Новое осмысление археологического, письменного, этнографиче кого материала дало возможность исследователям расширить грани этих отношений. Установлено, что даже в позднее средневековье п кардинально изменившихся обстоятельствах отношения между грузин скими и вайнахскими народами, их экономические, культурные и по литические связи играли объективно прогрессивную роль и соответ ствовали устремлениям обоих народов[10].

Из письменных источников особый интерес вызывает письмо цар Теймураза московскому царю, в котором царь Грузии говорит о вос становлении старых отношений с вайнахами, о крещении кистов и о продолжающемся строительстве церквей и изготовлении церковной у вари (иконы, колокола)[11].

XУI-XУП вв. весьма тяжелый период в истории Грузии, вызван перманентной агрессией шахского Ирана и султанской Порты. Грузи старалась использовать силы вайнахов-горцев в этой борьбе.

Ориентация части вайнахов на Грузию объясняется их стремлен обезопасить себя от набегов кабардинских и дагестанских феодало а также традиционными политическими и экономическими связями. И тут обе стороны вспоминают былое единство и то,что в свое время

вайнахи были уже христианами[12].

В свете вышесказанного становится ясным ценность любого, даже фрагментарного документа, проливающего свет на означенную проблему. Для нашей темы особое значение имеют сведения, связанные с деятельностью дворянина Ивана Мамукина, который осенью 1657 года по ущелью р.Аргун достигает Тушети и далее, уже в сопровождении девяти тушов и троих шибутов, через Терский город и Астрахань, вместе с царем Теймуразом, следует в Москву. В Москве туши и шибуты в отдельности просят царское правительство принять их "джамааты" в подданство. И.Мамукин представил их как христиан и поэтому они присягнули в Успенском соборе московского кремля. В 1659 году в Шибутскую землю отправляют стрелецкого голову М.Мол чанова для проведения всех шибутов к клятве на Евангелии. Однако М.Молчанов шибутов православными не счел и клятву поэтому не принял[13]. Возмущение М.Молчанова понять видимо можно, если учесть нетерпимость ортодоксальной церкви ко всем даже малейшим отступлениям от "истинной веры". Для нас важен сам факт самосознания горцев, которые чувствовали себя в значительной мере христианами. Грузинская церковь, проявляла большую и вполне понятную гибкость в отношении горских народов, что способствовало распространению христианства среди них.

Почти все путешественники и исследователи, посетившие вайнахов, в своих работах так или иначе касаются религиозных взглядов местного населения. В основном это материалы, касающиеся осетин и ингушей и подразумевается что те же процессы характерны и для Чечни[14]. Во второй половине XIX в. в Чечне побывал А.И.Ипполитов. По его мнению "господствующая и единственная вера здесь - мусульманская... Христианами чеченцы никогда не были"[15], хотя немного ниже замечает, что некоторые группы живущие по соседству с галгайцами когда-то возможно были христианами (например жители Акинского общества). У аула Галанчож на берегу озера, на пригорке стояла церковь. По преданию построенная четыре столетия назад фиренгами. ("европейцами", т.е. людьми исповедовавшими христианство), пришедшими из галгайского общества. В церкви собирались чеченцы, грузины, глигвы и местные жители[16]. По-видимому развалины именно этой церкви описывает Вс.Миллер[17]. И.М.Попов со слов жителей сел. Гуни (общество Ведено) записал,что раньше они были христианами и позже всех приняли ислам. Более того, в работе приведен фотоснимок христианской надгробной плиты из сел. Эрсеной (общество Ведено), в окрестностях которого много подобных могил[18].

По мнению Н.Дубровина в древности чеченцы исповедовали христианство, о чем свидетельствуют предания и развалины церквей[19].

Долго живший на Кавказе А.Л.Зисерман отмечал: "По преданиям, сохранившимся среди чеченцев, они некогда были христиане, но переселились из гор на плоскость уже мусульманами[20].

На территории Чечни исследователи находили каменные кресты. Например: близ сел.Хой Чеберлойского общества[21], христианский крест близ сел.Нихалой (в четырех верстах от крепости Шатой)[22]. Газета "Дроеба" сообщила, что в 1844 году при строительстве укреплений в крепости Воздвиженской близ Грозно в земле был обнаружен большой каменный крест (около двух метров), который установили во дворе крепости[23].

Е.Вейденбаум замечает, что в одно время в Чечне было распространено христианство: "Многие верования их сохранили языческий характер, а обряды, совершаемые ими в известные дни при развалинах церквей и часовень, показывают, что в старину они были знакомы, если не с сущностью, то с внешней, обрядовой стороной христианского учения"[24].

В специальной литературе отмечается, что к началу XУШ в. преобладающее значение в Чечне стал приобретать ислам, но даже и тогда ряд фамильных союзов продолжал придерживаться христианства.[25]

В двадцатых годах нашего столетия начинается систематическое научное изучение вайнахского культурного наследия, причем основной акцент сделан на ингушском материале[26].

Вопросам быта и культурно-исторических отношений кавказских горцев посвящены работы современных грузинских ученых, хотя вопросами религиозных воззрений вайнахов занимают в них мало места[27].

Отдельно надо отметить работы Л.И.Маргошвили, которая в своей квалификационной работе детально описывает быт, обычай и религиозные взгляды панкисских кистов[28].

В специальной литературе сведения, касающиеся Чечни носят отрывочный, фрагментарный характер, к тому же он основан почти целиком только на археологическом материале.[29]

В контексте данной статьи очень важными являются свидетельства вышеуказанного дворянина И.Мамукина, согласно которому ко второй половине XУП в. вера тушов и шибутов была идентичной и не случайно, что в Москве они вместе присягают в Успенском соборе.

Как известно шибутское общество жило в ущелье р.Аргун. В XУШ в. часть населения (Дзумсойцы, Терлойцы, Баулойцы, Хилдихаройцы и др.), прилегавшего к Шатою района, в силу различных причин,переселяется на жительство сперва на территорию Тианетского

уезда, а затем оседает в ущелье Панкиси[30].

Археологические данные показывают, что "Для жителей ущелий рек Аргуна и Фортанги соответственно XУШ и XIX вв. являются периодами активного восприятия и усвоения ими магометанства,что достаточно хорошо иллюстрируется зарождением в эти века совершенно новой для данной территории формы погребального обряда"[31]. Наступлоние ислама происходило постепенно и часто его влияние касалось только поверхности. В научной литературе высказано мнение о том, что к этому времени в обществах Маист, Мелхи, Хилдихарой и др. ислам был распространен номинально[32].

Исходя из вышеизложенного, можно с уверенностью предполагать, что переселение в Грузию способствовало возрождению старой веры, синкретический характер которой засвидетельствован не раз. Сведения И.Мамукина навели нас на мысль сравнить верования панкисских кистов и тушов. Ниже приводим собранный нами в Панкисском ущелье этнографический материал.

Панкисское ущелье расположено в Кахети, в верхней части р.Алазани. Кистскими поселениями являются сел.Халацани,Дуиси, Джоколо, Омало, Биркиани, Дзибахеви, Хорадзо, Чхатана. В связи с переселением вайнахи со временем восприняли грузинский язык и фамилии стали писать на грузинский лад. На новом месте жительства они, разумеется, продолжали справлять религиозные обряды. Важным является сам факт,того что для этих целей они устраивали не новые святилища, а использовали христианские культовые сооружения существовавшие здесь задолго до их переселения. По-видимому,их собственная вера в этом не усматривала ничего из ряда вон выходящего.

По сегодняшний день к северо-востоку от сел.Омало сохранились следы культового сооружения. Относительно хорошо сохранился столб на известковом растворе (в горизонтальном сечении габариты столба I x I,5 м). В двух метрах от него следы второго столба. С обеих сторон столбов сохранились стены. Длина сохранившихся частей стен соответственно 6 и 5 метров. В центре ограды видны следы здания. Близ входа стоит дуб с медным колоколом. Около дуба,на ореховой дереве висели лоскутки материи. Между столбами в свое время лежала каменная плита с изображением креста, на которую клали кусок лепешки и зажигали свечу. Местные жители называют развалины святилищем Цуу Св.Георгия (Цинд Гиург).

Народ собирался в святилище на пасху - т и е к а р и е д и, что в переводе означает молитвенный день, а термин - Пасха - кисты называют "дедзди". Некоторые молящиеся оставались здесь на

ночь, устраивали трапезу и возносили молитвы к Св.Георгию. Посещение святилища было обязательным для всех, в случае неповиновения разгневанный Св.Георгий под страхом смерти "силой приводил непокорных". За день до Пасхи все верующие независимо от возраста и пола были обязаны совершить ритуальное омовение тела, дабы встретить праздник очищенными.

Близкие больного человека предварительно посещали гадалку - х и е т у ш в е р г, которая гадала на шарфах, что именовалось д у а л д и л л а р. Она же рекомендовала место моления и состав жертвоприношений.

В обычные дни за святилищем ухаживал Чалхиа Имедашвили, который считался т и е к ъ д и е ш в е р г - ом, т.е. человеком, имевшим право творить молитву и освящать ритуальное пиршество. За свою деятельность тиекъдиешверг получал задний окорок от каждого зарезанного жертвенного животного, а также собирал денежные пожертвования на приобретение ритуальной посуды. В день пасхи, до восхода солнца он звонил в колокол, предупреждая об обязательном посещении всеми святилища.

В святилище обычно приводили барана, теленка или петуха по рекомендации гадалки. Жертвенное животное покупали за неделю до пасхи. За три дня до пасхи начинали готовиться к празднику. Первым долгом свечкой обжигали лоб жертвенного животного. Каждая семья в отдельности готовила жертву. Коллективные жертвоприношения в этот день не производились. К пасхе готовили свечи - с ē н т а л, лепешки - д е т т а г/ч у б у ъ л л и н ч/ а б и л г и, пиво - е и й или водку - к ъ э р а к. Брали с собой белую холщовую материю, которую женщины вешали на дерево или укрепляли на камне. Были фрукты: яблоки - ēжаш, орехи - б/ēраш и т.д.

К святилищу отправлялась вся семья, возглавляемая родителями. Жертвенное животное вел глава семьи, или по его поручению старший сын. Глава семьи нес также свечи и водку. Продукты, уложенные в хурджин - т е л ь ц а ш - несла мать. Если продуктов было много, их помогал нести все члены семьи.

При встрече с прохожим приветствовали его: п/ у л ā д а л т х у а н - милость святилища. Прохожий отвечал: Х ъ у а н а/ л ē д и л в - и вам милость.

Пришедшие к святилищу целовали столб и трижды обходили его. Здесь же на месте они выбирали уважаемого человека, знающего обряд данного праздника, которого называли в о к к х у х - ом (старший человек). Исходя из числа молящихся, допускалось избрание нескольких воккхухов, которые помогали тиекъдиешвергу управлять течением праздника и в соблюдении порядка. За свою службу

воккхух ничего не получал. Он имел право присоединиться к пирующим. Тиекъдиешверг, став лицом к востоку, зажигал свечу и со стаканом водки обращался к богу: "Даруй нам добро, защити путника в дороге. Умножь оставшихся дома. Умножь быков и баранов, которых мы пожертвуем тебе. Укрепи и умножь приносящего жертву. Ниспошли дождь во время засухи, а в ливни яви солнце. Защити от болезней нас и наших животных. Даруй нам здоровье". Текст молитвы допускал импровизацию. После молитвы тиекъдиешверг свечкой опалял лоб жертвенного животного. Воккхух закалывал животное, а тиекъдиешверг мазал лоб молящихся кровью жертвенного животного. Мясо варили и подавали на ритуальный стол. Брать мясо домой запрещалось.

За пиршественный стол мужчины и женщины садились порознь. Тиекъдиешверг возглавлял мужской стол и таким образом становился тамадой - т х ь а м д. Женщины также избирали всеми уважаемую женщину, которая вслед за тхьамд повторяла тосты.

Первый тост произносился за святилище, далее за родителей и предков, за доброго человека, сделавшего что-нибудь для сельчан, и т.д.

Новобрачные садились за отдельный стол и каждый тост тхьамда слушали стоя, после чего с благодарностью садились.

Во время праздника молодые устраивали скачки, борьбу, поднятие тяжестей (камня). Победитель провозглашался богатырем - т у р п а л саг.

Мужчины пировали до заката солнца, женщины же имели право уйти пораньше. Оставшуюся еду несли с собой и раздавали по дороге. Если еда все же оставалась, ее отдавали самой бедной семье в деревне, но домой ни в коем случае ничего не возвращали.

Община заботилась и о беднейших семьях, которые не были в состоянии исполнить обета закланя. Деньги для покупки животного собирались в селении. Этим занимался специально выделенный человек - а х ч л и е х ь у а р г. Вместо денег можно было платить и натурой (пшеница, кукуруза и т.д.). Купленное таким образом животное бедная семья отводила вместе со всеми в святилище и там совершала обет заклания.

В вышеназванное святилище Ц/у в основном ходили жители сел. Омало. Замужние женщины вместе со всеми детьми шли повидать своих родителей и вместе с ними посещали Ц/у. На протяжении трех дней праздника категорически запрещались половые сношения.

На второй день тиекъарие - в понедельник, селяне шли молиться к святилищу богоматери т у ш у о л. Святилище располагалось в поле, у трех рядом стоящих деревьев. Кисты называют это место

тушуоли(место богоматери). Они приходили в полдень и оставались там до заката солнца. Здесь также, как и в святилище "Ц/у", повторяется вышеописанный обряд с закланием (по обету) и пиршественным столом.

На третий день, во вторник только омалойцы отправлялись в святилище Св.Троицы - Санеба-Ц/у, которое располагалось на участке, принадлежащем Хухули Куштанашвили. Обряд и в этом случае идентичный описанным.

Аналогичный обряд бытовал и у жителей сел.Джоколо. Они шли к Балтагора к святилищу Св.Георгия. Сюда же шли и жители сел.Дуиси и Каклиани. В тиекъдӣн сюда отправлялись семьями. Несли приготовленные специальные свечи, лепешки (лепешка круглая, в центре которой изображен большой крест в обрамлении нескольких маленьких крестов), водку, барана. Близкие больного совершали заклание по обету, и при его выздоровлении вновь закалывали барана.

Пришедших на Балтагору встречал тиекъдиешверг, с зажженными свечами и стаканом водки в руках. После приветствия и молитвы он свечой обжигал лоб барана и укреплял оставшуюся часть свечки между рогами. После этого животное закалывали. Это проделывал воккхух.

Интересно, что последователи ислама, также приходившие на Балтагору, обязательно сами закалывали жертвенное животное и ни в коем случае не прикасались к мясу животного, зарезанного воккхухом.

Часто тиекъдиешверг становился прорицателем, проповедуя от имени святого, сообщая его волю людям. По этому поводу отмечали, что тиекъдиешверга заставляет говорить святой.

На второй день тиекъдӣн, в понедельник, жители Джоколо отправлялись в святилище Чвибиер Ц/у, расположенное в ущелье Чобио. Святилище также называют Лашарис джвари. Здесь же расположено кладбище к е ш н а ш. Тиекъдиешверг-ом здесь считался Киниаз Гигоевич Мутошвили, совершавший обряд заклания в святилище. Однако в обрядах, совершаемых на кладбище, участия не принимал.

Третий день тиекарие жители Джоколо проводили в деревенской церкви, построенной лет шестьдесят назад[33].

Сравнительный анализ обрядов, совершаемых кистами и тушами, дает возможность первым долгом выявить их общность, хотя это не отрицает локальных особенностей, сложившихся в процессе исторического развития.

В Тушети сохранилось немало святилищ и молельных ниш[30]. К примеру: святилище Св.Георгия в Парсма, Мариам-цминда и Иахсар в Дартло и др.

Здесь бросается в глаза развитая иерархия служителей святилищ.

В этой иерархии главенствующее место занимал деканоз (хелосани). Деканоза "избирал" сам святой и это должность была пожизненной. Отказ от этой чести означал конфликт со святым. Деканоз имел заместителей: шулта, мголави, нате, макалати, с точно распределенными функциями.[34]

После полудня деканоз и его заместители становились у ниши, лицом к Востоку, зажигали свечи и деканоз потрясая знаменем начинал молитву[35]. Жертвенных животных,свечи,лепешки и водку от молящихся принимал шулта. Шулта передавал принесенные свечи деканозу, который зажигал их,громко произносил имя просителя и произносил молитву на его имя. Деканоз прикреплял свечку к рогу барана, далее опалял лоб животного той же свечкой и передавал животное шулте, который тут же совершал обряд заклания и скатывал тушу вниз по пригорку. Аналогичный ритуал существовал и среди цова-тушов. В сел. Цовата по сей день стоит святилище Св.Георгия. Святилище представляет собой небольшой зал, в котором хранятся два цовских Знамени. О распространении этого культа здесь свидетельствует наличие еще одного такого святилища в сел.Тбатана. Интересно и то, что ритуальную службу среди цовцев на тушинский лад исполняют хелосани и нате. Молитва обычно произносилась на грузинском языке, хотя можно было совершать и на цова-тушинском.

С.Макалтиа отмечает,что уже к 30-ым годам нашего столетия этот ритуал цова-тушами был основательно забыт,[36] хотя можно привести случай, относящийся к 1969 году, когда 70 семей оправились из Алвани к Индуртскому святилищу[37].

Интересно, что Пасху в сел.Алвани туши отмечают трехдневным праздником. В первый день они отправлялись в церковь "Гвтаеба", которая располагалась к северу от Земо-Алвани в лесу. Развалины церкви дошли до наших дней. На второй день отправлялись в церковь Св.Иоана Крестителя. Это была купольная церковь, стоявшая посреди руин зданий различного назначения. В свое время церковь была полностью расписана.[38] Третий день туши праздновали в церкви Св.Троицы близ Алвани. По преданию эта купольная и довольно большая кирпичная церковь построена в XII в. Праздник оканчивался широко практиковавшимися в Тушети скачками.[39]

При сравнении обрядов панкисских кистов и тушов, обнаруживается много общего. Идентичен набор продуктов, используемых при священодействии (баран, хлеб, водка, свечи, белая материя), проведение ночи у святилища, раздельное пиршество мужчин и женщин, трехдневный праздник. Но самое главное заключается в том, что каждый обряд в основном совпадает и по форме и по содержанию, хотя су-

ществуют и различия, касающиеся к примеру иерархии священнослужителей. По сравнению с сильно развитой иерархией у тушов, панкисские кисты обходятся одним человеком, одновременно выполняющим две роли: "святого человека" и проповедника. Этнографический материал позволяет заключить что, по-видимому, в свое время и у кистов существовала довольно развитая иерархия служителей святилища,которая постепенно предалась забвению. Об этом свидетельствует факт существования двух различных терминов для обозначения служителей "тиекъдиешверг" и "воккхух"

В данной статье мы коснулись только одной стороны проблемы-пасхального цикла и на нескольких примерах постарались показать идентичность верований и обрядов кистов и тушов.

Недостаточная изученность материала, разумеется мешает внести более или менее полную ясность в этот сложный вопрос,но приведенные факты,на наш взгляд,довольно убедительно свидетельствуют о былых общих основах верований, о ярко выраженном синкретизме их религиозных представлений при сохранении этнического самосознания

Поразительная устойчивость вышесказанных обрядов объясняется их тесной связью с важнейшими сторонами культуры и быта горцев.

Ритуальные обряды и праздники у вайнахов и тушов донесли почти до наших дней отголоски древнейших культов и связанных с ними представлений. Время конечно меняло и форму и смысл обрядов, но в основе каждого из них замечается общее стремление человека воздействовать на природу с целью увеличения плодородия (культ растительности, пиршественные столы,ритуальные состязания,форма заклинаний и т.д.).

Таким образом, религиозные обряды и ритуалы кистов и тушов в своих важнейших чертах, можно сказать, совпадают. Разница замечается лишь в составе служителей, их иерархии: деканоз со своими многочисленными подручными у тушов и "тиекъдиешверг" и"воккхух"у кистов.

Переселившиеся из Чечни панкисские кисты принесли с собой и свою веру. Сперва распространение ислама, а затем новая для них естественно-историческая среда,новые социально-бытовые условия способствовали постепенному разрушению их исконных обрядов, связанных с институтом своих древних святилищ,но в силу известного религиозного консерватизма, отголоски старых воззрений дошли вплоть до наших дней.

Кисты восприняли грузинский язык,но в быту, а особенно во время исполнения религиозных обрядов и молитв, пользуются чеченским. Названия же святилищ образованы из своеобразного скрещения грузинских и чеченских слов.

"Стойкая живучесть "языческих" представлений на Кавказе обусловила практику совместного отправления некоторых праздников народами Кавказа различной этнической принадлежности, различного языка и различной ориентации по отношению к "мировым" религиям".[40]

И.Мамукин, по-видимому, был прав когда в I658 году в Москве представил шибутов и тушов как единоверцев-христиан. Несмотря на раздражение русской православной церкви, и сегодня,по прошествии четырех веков,утверждение И.Мамукина выглядит более чем вероятно и еще раз подчеркивает наличие общих черт, характерных для древнейших плодов религиозного мышления,тушов и кистов и сохранивших свое бытование до недавнего времени несмотря на различие в их религиозной ориентации.

Таким образом, ни христианство, ни ислам не смогли до конца искоренить древнейшую общность грузино-вайнахских религиозных представлений, что и способствовало использованию христианских церквей переселившимся в Панкиси кистов для совершения собственных обрядов.

Примечания

I. Харадзе Р. Л. От редактора, Кавказский этнографический сборник, I, Тбилиси, I964, стр.4.

2. Робакидзе А. И. Об особенностях общественного быта горцев Кавказа, Особенности социально-экономического развития горных регионов феодальной Грузии, УI,Тбилиси,I983,стр.I24.

3. Робакидзе А. И. От редактора, в книге Л.А.Чибирова "Народный земледельческий календарь Осетии", Цхинвали,I976, стр.4.

4. Картлис цховреба,IУ, Царевич Вахушти.Описание грузинского Царства. Тбилиси, I973, стр.57.

5. Картлис цховреба,список царевны Анны, Тбилиси, I942, стр.I9
Картлис цховреба,IУ, стр.58.

Картлис цховреба,список царевны Анны, стр.I43. Картлис цховреба, IУ, стр.I20.

Картлис цховреба,т.II,Тбилиси, I959, стр.III.

Картлис цховреба,IУ, стр.I9I.

8. Картлис цховреба, список царевны Анны, стр.7.

9. Виноградов В. Б., Бараниченко Н. Н. Об одном аспекте грузино-вайнахских взаимоотношений в XYI-XYII вв.,

см.Мацне,серия истории, археологии, этнографии и истории искусств, I980, № 3, с.73.
I0. Шавхелишвили А. И. Взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XУI-XУП вв., Тбилиси, I980.
Виноградов В.Б.,Бараниченко Н.Н., указ.соч.
II. Броссе М., Переписка на иностранных языках Грузинских царей с Российскими Государями от I639 по I770 гг. СПб.,I86I, с.29.
I2. Виноградов В.Б., Бараниченко Н.Н. Указ.соч. с.77.
I3. Кушева Е. Н. "Народы Северного Кавказа и их связи с Россией(вторая половина XУI - 30-е годы XУП века),М.,I963, с.72; Кушева Е.Н., Усманов М.А., К вопросу об общественном строе вайнахов, СЭ, № 6, М., I978,с.I05.
I4. Шегрен А.М., Религиозные обряды осетин,ингуш и сопле-менников при разных случаях, К., № 30, I846; Головинский Л.А., Заметки о Чечне и чеченцах, ССТО,вып.I,отд.II Владикавказ, I878. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев, ТС, вып.Ш, кн.2, отд.2, Владикавказ, I893 и другие авторы.
I5. Ипполитов А. И. Этнографические очерки Аргунского округа, ССКГ, вып.I, Тифлис, I868, с.6.
I6. Там же, с.48-49.
I7. Миллер В.Ф., Археологические наблюдения в области чеченцев, МАК, вып.I, М., I888, с.2I-22.
I8. Попов И.М., Ичкерия (историко-этнографический очерк), ССКГ, вып.IУ, Тифлис, I870, с.I2.
I9. Дубровин Н.Ф. История войн и владычества русских на Кавказе, т.I, кн.I, СПб., I87I, с.383.
20. Зисерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе, часть П, (I85I-I856), СПб., I879, с.438.
2I. Зейдлиц Н.К. Поездка в Чечню, к верховьям Аргуна, в Ичкерию и через Хасав-юрт, вверх по Тереку до Моздока, ИК ОИРГО, т.П, № 4, Тифлис, I873, с.I54-I55.
22. Миллер В. Ф. Указ. соч., с.6-7.
23. Дзамсашвили Р. Заметки путника (из Шилды в Сагурамо), газ. "Дроеба", I880, № I23, с.2.
24. Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу, Тифлис, I888, с.94.
25. Максимов Евг., Чеченцы, ТС, вып.Ш, кн.П, отд.I, Владикавказ, I893, с.27.
26. Алборов Б. А. Ингушское "Гальерды" и осетинское "аларды", ИИНИК, I, Владикавказ, I928; Семенов Л.П. Эволюция ингушских святилищ. Труд секции археологии, РАНИОН, IУ, М., I923; Семенов Л. Н. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в I925-I927 гг. ИИНИК, I, Владикавказ, I928; Шебликин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры, ИИНИК, I, Владикавказ, I928; Шиллинг Е.М. Культ Тушол у ингушей, ИЧИНИИ, т.IУ, в.2, Орджоникидзе; Крупнов В. И. Грузинский храм Тхабаерды, КСИИМК, в.I5, I947 и другие авторы.
27. Кавказский этнографический сборник, I, Тбилиси, I964, КЭС, П, Тбилиси, I968.
28. Маргошвили Л.Ю. Кисты Панкиси (историко-этнографическое исследование), Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Тбилиси, I969, с.25.
29. Калоев Б. А. Чеченцы. "Народы Кавказа", т.I, М., I960; Мамакаев М. А. Чеченский тейп (род) и процесс его разложения, Грозный, I962; Шамилев А. И. Религиозные культы чеченцев и ингушей и пути их преодоления. Грозный, I963; Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р.Чанты-Аргуна, Древности Чечено-Ингушетии,М., I963; Виноградов В.Б. Глиняный штамп городища Алханкала, Древности Чечено-Ингушетии, М., I963, с.2I2-2I3; Базоркин М. М. Памятники средневековья в горной Чечено-Ингушетии, Грозный, I964; Салатов А.А. Правда о "святых местах" в Чечено-Ингушетии, ЧИНИИ, труды, т.IX, Грозный, I964, с.II5-I69; Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги, М., I965; Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. М., I966; Виноградов В.Б. Через хребты веков, Грозный, I970; Марковин В. И. Дагестан и горная Чечня в древности, Материалы и исследования по археологии СССР № I22, М., I969, с.30-II4 и др.
30. Маргошвили Л. Ю. Один документ к истории поселения кистин в Кахетии, "Разыскания по истории Грузии и Кавказа", Тбилиси, I976, с.3I9-324; Маргошвили Л.Ю., К истории панкисских кистин, Журн."История, обществоведение и география в школе", Тбилиси, I968, № I, с.25; Шавхелишвили А. И. Взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XУI-XУП вв., Тбилиси, I980, с.66.

31. Мужухоев М. Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам. Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979, с.148.
32. Маргошвили Л. Ю. К истории панкисских кистин, с.26.
33. Хуцишвили Л. К. Полевой этнографический дневник, [illegible] 1965, тетр. № I, с.I-50, Сказители: Горнакашвили Лазаре Татаисович, 64-х лет; Цихесашвили Соси Мазович, 80-ти лет; Андалашвили Георгий Захарьевич, 77-ми лет; Гумашвили Ростом Касаевич, 76-ти лет, Борчашвили Муртаз Касаевич, 67 лет и др. Полевой этнографический дневник, 1983 г., тетр. № I, с.I-65. Сказители: Цатиашвили Шамиль Касаевич, 84-х лет, Чопанашвили Пидо Пидоевич, 58-ми лет, Пареулидзе Шота Константинович, 55-ти лет и др.
34. Макалатия С. И. Тушети. Тбилиси, 1933, с.192-201, на груз.яз.
35. Цискаров И. Записки о Тушетии, "Кавказ", 1849, № 7, с.26-27.
36. Макалатия С.И. Тушети. Тбилиси, 1933, с.211.
37. Маргошвили Л.Ю. Полевой этнографический дневник, 1969, тетрадь № 2.
38. Дзамсашвили Р. "Заметки путника" (из Шилды в Сагурамо), сел.Алвани, газ. "Дроеба", 1880, № 123, с.I-2, на груз.яз.
39. Там же, с.I-2.
40. Робакидзе А.И. От редактора. - В кн.: Л.А.Чибирова. Народный земледельческий календарь Осетии. Цхинвали, 1976, с.4.

Г. Д. Чиковани

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА ВЕЙНАХОВ

Значительное место в общественной жизни чеченцев и ингушей занимали расположенные внутри села площадки, где мужское население собиралось для обсуждения разных общественных вопросов, проводило в беседах и развлечениях свободное время.

Указанное место сбора на нахских языках обозначалось термином пхьиэгIа (инг.) пхьоьгIа (чеч.). Этим термином еще в 40-ых годах заинтересовался Г.Чачашвили; автор, ссылаясь на специальную лингвистическую литературу, выяснил, что корнем данного слова является пхье (бацб.) // пхьа (инг. и чеч.) означающий село; частица г/а в термине пхьегIа равнозначна грузинскому предлогу ган (გან), ит-ган (ით-გან), дам (დან), а термин пхьэгIа в целом, соответствует грузинскому соплеули (ᲡᲝᲤᲚᲔᲣᲚᲘ) соплитгани (ᲡᲝᲤᲚᲘᲗᲒᲐᲜᲘ), т.е. сельское. ПхьиэгIа означает как собрание, так и место собрания; таким образом, термин пхьиэгIа производное слово от пхье // пхьа.[1]

По указанию И.Саидова "Сам сельский совет старейшин называется "пхье", "пхьеха", "пхьехана" (на архаичном, нахском языке "пхье" - поселение, люди, собрание)"[2] и также "... сравнительно недавно, место встречи мужчин где-то в центре села называлось по-старому "пхье".[3] Следует отметить, что наши информаторы место сбора селения называли не пхье, а исключительно термином пхьиэгIа.

Заслуживает внимания то, что в грузинском языке, в частности в хевсурском, сбор мужчин, собрание называется пехони (პეხონი), а место собрания - сапехно (საპეხნო). "Они и в фонетическом и в семантическом отношениях полностью соответствуют нахскому термину".[4] Опираясь на сведения языковедов и на собственные этнографические данные, Г.Чачашвили пришел к выводу, что нахский термин пхьегIа // пхьоьха и грузинский (хевсурский) пехони (პეხონი) происходят от одного корня; нахский термин в хевсурском оформился как пе- х- он-и

(ჯ ე-ჳ-ონი); термин пхьа в этом случае соответствует грузинскому п ხ е, а элемент словопроизводства - г I а (ლა) - в хевсурском представлен как " ჳ ". Хевсурский термин получил грузинское окончание в виде суффикса о н (ონ), а "и" (ი) - окончание именительного падежа. Пехони (ჯ ე ჳ ო ნ ი) в хевсурском означает также связанную с поселением деятельность, сельский сход, собрание.[5] От него произведен термин са-пехон-о (ს ა - ჯ ე ჳ ო ნ - ა, са-пехн-о (ს ა - ჯ ე ჳ ნ - ო) - место сборища, где са-о (ს ა - ო) являются префиксом и суффиксом.

В дальнейшем Г.Чачашвили начинает искать корень обоих терминов-нахского и грузинского (хевсурского), чему способствует этимология грузинского термина с о п е л и (ს ო ფ ე ლ ი).[6] С.Джанашия полагал, что термин сопели, который в древнегрузинских источниках означал мир (ქვეყანა) и только с 9-10 вв. означает село (ლ ა ხ ა), с самого начала имел более узкое значение -"собственность", "владение" и произведен от корня о ფ ← у ფ (ოფ ← უფ) От него же произведен сванский термин с в и п // с в и п ხ (ს ვ ი ფ ხ) обозначающий сельскую площадь.[7] Г.Чачашвили считал, что нахский пхьа // пхье соответствует корню о п ხ ← у п ხ грузинского термина сопели (ს ო ფ ე ლ ი). Наличие одинаковых корней указывает на принадлежность их общему языковому фонду, что со своей стороны исходит от первоначальных родственных взаимоотношений этих языков.[8]

Кроме этого, ставится еще один вопрос: А.И.Робакидзе, который указывает на сходство терминов сапехно и пхьег/а, пишет: "С.Н.Джанашия, в свое время, выставил обоснованное положение о возможной связи грузинского (сванского) наименования сельской площади с в и п ხ (ს ვ ი ფ ხ) с термином, обозначающим в груз. село -сопели (ს ო ფ ე ლ ი). Эти два наименования населенного пункта С.Н. Джанашия справедливо считает отражением двух различных ступеней в развитии населенного пункта, среди которых первый соответствует доклассовому обществу, а второй - классовому. Наличие подобных фактов в кавказских языках дает возможность поставить вопрос: не имеем ли мы и в этом случае аналогичное явление? Связь груз. сопели с термином, обозначающим понятия "собственность" и "владение" делает чрезвычайно интересным исследование терминов пхьег/а - пхьоьха в этом отношении".[9]

Кроме термина пхьа (который в словаре чечено-русского языка - 1968г. - приводится параллельно с термином аул)[10] в нахских языках имеются и другие термины, обозначающие населенный пункт - ю р т, э в л, к х а ь л л а и др., "Однако ни один из них не признан за

местный термин. Лишь в отношении последнего имеется попытка И.М.Саидова увязать его с наименованием места стоянки скота ккий (инг.), кхе (чеч.)".[11]

В новейшем Русско-чеченском словаре село обозначается терминами ю р т (селение,[12] деревня[13]), е в л (село)[14], э в л а (поселок[15]), а русско-ингушском - ю р т (деревня,[16] селение, село[17]).

На основе собранных нами этнографических материалов устанавливается, что термин п х ь а обозначает "место" - в определенном, узком значении. Термином пхьа в основном обозначались поселения с одним или несколькими родственными семьями - т.е. моногенные поселения, которые часто назывались по имени первопоселенца, а п х ь е г I о й назывались места собрания этих поселений.

Термином ю р т или э в л // э в л а обозначаются поселения, в которые входили несколько п х ь е - т.е. они представлены несколькими неродственными группами поселенцев и таким образом, соответствуют территориально-соседским общинам. Можно предположить, что заимствование из других языков терминов (юрт-тюркско-монгольское, эвла- аул- арабское) имело место в низменных и предгорных районах в то время, когда становление соседских общин явилось уже начавшимся процессом. Постепенно этот процесс происходил и в высокогорье. Поэтому поселения имевшие новое социальное содержание отождествлялись с указанными терминами. Местный, древний термин п х ь е был забыт, но сохранился термин, обозначающий собрание или сборное место - п х ь е г/ а, поскольку таковые продолжали существовать и в новых условиях, хотя с несколько измененным содержанием.

Каждое селение, как в высокогорных, так и в предгорных и низменных районах Чечено-Ингушетии, имело свое место схода - пхьегIа. Селения, которые состояли из нескольких кварталов, соответственно имели несколько квартальных пхьегIа. Здесь собирались представители данного квартала. Одна из них представляла общую, центральную площадь, где мужчинами разбирались общесельские вопросы, а свободное время проводилось в беседах и развлечениях. Присутствовать на собрании имела право и молодежь, так как пхьегIа являлась традиционной "школой" воспитания молодого поколения.

Женщины не имели права доступа и соответственно участия, в каком бы возрасте или положении они не находились.

Этнографическими данными устанавливается, что в Чечено-Ингушетии, как и повсюду в горных районах Кавказа, общесельские пхьегIа (также общества, ущелья) находились на местах первопоселения, на

территории основателя поселения. Возникшие (за счет выделения новых семей, принятия чужеродцев в свою среду и др.) новые кварталы основывали свои пхьегIа, которые имели локальное,местное значение. Центральным, главным оставался пхьегIа "отцов", "старших". Остальные находились в зависимом положении от него. В это отражается приоритет первозаимщика земли и культ предков.

Позже, после принятия магометенства,на этих же местах строились мечети, в чем прослеживается традиционная преемственность. (На основе надписей собранных в различных районах Чечено-Ингушетии выясняется, что "... подлинная "эпидемия" строительства мечетей падает на конец XIX - начала XX века"; каждое селение,даже самое маленькое, должно было иметь свою мечеть)[18]. В низменных районах Чечено-Ингушетии где поселения появились в более поздний период,вместе с основанием селения строилась и мечеть,возле которого устраивалась площадка - м а й д а н. Она становилась центром общественной жизни и пхьиэгIа упрощались.

Различными были функции пхьиэгIа // пхьоьгIа однородных поселений и соседско-территориальных общин. Первый был "органом" соседского управления,основанным на принципе кровного родства. Он обслуживал общественные потребности кровнородственной группы,регулировал все вопросы, включая и личноправовые (кровная месть,брак, землепользование и др.). ПхьоьгIа полигенного села - т.е. соседско- территориальной общины,подчинялся интересам,вытекающим из соседских взаимоотношений (хозяйственные,нравственные,оборонительные и др.).Из них исключались вопросы частноправового порядка. Все конфликты возникающие между отдельными фамилиями в каждом отдельном случае рассматривались посредниками.

Нами собран богатый материал о функциях пхьоьгIа, представление которого в этой статье не предусмотрено. На основе вышеприведенного опровергается указание некоторых авторов,о том что пхьоьгIа место собраний только для бесед (неделовых),[19] хотя постепенно он терял свое первоначальное значение.

Определенный интерес представляет организация устройства самих пхьег/а. Изучая их на месте, в разных ущельях как высокогорных, так и предгорных и низменных районов Чечено-Ингушетии,мы пришли к выводу,что пхьегIа являются одним из интересных памятников материальной культуры региона, способствующих выяснению социальных взаимоотношении в прошлом.

В этнографическом быту чеченцев и ингушей повсеместно распространенным видом пхьег/а являлись площади под открытым небом. При основании селения выделялось удобное место для собраний и

территории местожительства первопоселенца. В последствии селение по возможности разросталось вокруг него. Если поселение находилось в неудобном месте, сооружалась искусственная площадка. С покатой стороны строили стенку на сухой кладке,потом засыпали землей, выравнивали и ставили камни для сидения. Часто встречались мощенные площадки (особенно в Малхисте).

На площадках лежали разной величины камни для сидения старейшин. Часто встречались глыбы,которые по словам информаторов,были приволочены издалека с помощью быков;иногда сидения для самых старших были обработаны вручную. В прошлом,каждый член общества считал почетом принести и обработать камни для пхьегIа своего селения. Этим многие увековечивали свое имя.

Привлекают внимание камни особого назначения,которые в основном встречались в высокогорных районах. Это обработанные большие камни, которые посредине имеют углубление. Их употребляли для толчения пороха (своеобразные ступки) и назывались м о х к (см. ниже,Порох - м о л х а толкли деревянным пестом).

В Чечено-Ингушетии,как и в других уголках горного Кавказа,были распространены разные спортивные игры, особенно состязания в поднятии камней. Камни предназначенные для испытания силы находились на пхьег/а (напр. в одной из частей с.Итум-Кале-Тазбичи - такие камни лежали на площадке которую называли с о н д е р).

На площадях встречались и камни другого назначения. По сведениям информаторов, в с.Фуртоуге (Ингушетия, Джерахское ущелье) на площади находился большой, обработанный,прямоугольный камень, на поверхности которого двумя параллельными рядами были выдолблены по 4 ямки. Два участника игры клали туда камешки. Один брал несколько из них и клал другому,потом их считали, вслучае четного числа они оставались первому, в противном случае - другому. Играли до тех пор,пока все камни не оказывались у одного,который считался в выигрише.

В произведении Х.Ошаева есть указание на то,что на сборных местах имелись камни,на которые становились выступающие "ораторы"[20].

По словам информаторов, в с.с. Беини и Фалхан (Ингушетия, Джариахское ущелье) один камень предназначался "для человека с юмором". Может быть он имел и другое назначение - опять-таки для выступающих в прениях.

На пхьег/а камни были расположены по разному: 1) в один ряд, 2) в два перпендикулярных ряда, 3) в виде круга или овала, 4) Из сухой кладки камней были сложены "скамейки" - г I о v, 5) П-об-

разно и др. Иной раз на площадке вообще не было сидений и люди сидели на земле.

На большинстве пхьегIа камни лежали в один ряд, например в с.Дай (Чечня, Шаро-Аргунское ущелье) перед домом первопоселенца Ама были расположены большие,прямоугольные, обработанные камни, которые специально были приволочены издалека предками сельчан. На каждом из них могли сидеть 2-3 человека. После обращения в ислам,там же была построена маленькая, в 5-6 кв.м. деревянная, а позже каменная мечеть.

Естественные, "дикие" (тулгаш-тIулгаш) примерно 20-25 см х 20-25 см величины камни в один ряд длиной 20 м лежали на площадке с.Харачой (Чечня, Ичкерия), возле с хозяйственным помещением (ратIау) Мавлуда и Османа Вашаевых. В один ряд располагались камни в сс. Макажой (Чеберлойское общ.),Эрсеной,Цуентарой(Ичкерия) и во многих селениях ущелий р.Чанты-Аргуна, Шаро- Аргуна и др. районов Чечни. Аналогичные площадки фиксируются в Ингушских сс. Эрзи, Ольгет, Хира, Кошк, Морчи, Джериах и др.

Наглядным примером второго вида (сидения в два перпендикулярных ряда) и одновременно специально сооруженной площадкой является пхьегIа с.Кезеной высокогорного Чеберлоевского общества (Чечня). Село расположено на склоне горы.В центре селения,возле старой развалённой башни,площадка приблизительно в I2 кв.м. создана искусственно. С целью выровнения места, с покатистой стороны была построена каменная стена сухой кладки (г / о у), потом засыпана землей. Вдоль стены башни в один ряд лежат камни 2м.20 см. Перпендикулярно этому ряду возвышенность срезана на 7-8 м; "стена" укреплена плитами и камнями; и здесь лежат камни. От того, что заросло травой и засыпано землей, затрудняется определение их размеров. Хорошо сохранен обработанный четырехугольный камень, с углублением посередине (рисунок № I); длина его - 78-80 см, ширина-70 см, высота-22 см, ширина углубления приблизительно I3 см, глубина - 20 см. Этот камень предназначался для толчения пороха.

Аналогичные камни засвидетельствованы нами в сс. Терте (Малхиста, рис.№2), Меши (Малхиста) - Чечни, в сс.Таргим (Галгаи, рис.№3), Пиелинг (Ингушетия).

Камни для толчения пороха фиксируются в высокогорных селениях Хевсурети,где их называют д е н г и (ლენგი),+ в Тушети-

+ Детальное описание изготовления пороха в Пирикитской Хевсурети см.Г.Чачашвили,ук.работа,а в Пиракетской Хевсурети - А.И.Робакидзе.Изготовление пороха в Пиракетской Хевсурети,Анналеби,труды ин-та истории им.Джавахишвили,I,Тбилиси,I947,2I5-237.

ц а м л и с с а н а к и (ნაქალაქარი), в Осетии (с.Калак,Алагирское ущелье,Сев.Осетия) и др. Везде они лежали на общесельских площадях.

Камни полукругом были расположены в с. Д о ш а к л и е (Галгаевское общ. - Ингушетия). На возвышенности рядом со святилищем лежат большие, естественные, гладкие камни. Длина площадки 7 х 80 см, ширина-7м. Длина первого (слева направо) камня I м,45 см, ширина-53см,высота-85 см. II камня - 2 мх42смх90смхIм, III камня Iм50смх60смх70см. Между большими камнями лежат маленькие.

На многих площадях камни были сложена сухой кладкой в один ряд.Примером тому служит пхьегIа с.Терте. После расчистки площадки от крапивника,приблизительно I2-I3 кв.м., вблизи от склепов, вдоль стены дома Маршаули было обнаружено сидение, сложенное из плит сухой кладкой. Оно завершается удобными для сидения плоскими плитами. Длина первой (слева направо) плиты 52 см., ширина- 30 см, высота - 20см, II- 60х50х28, III - 35х48х22, IУ - IмI5х Смх60х30, У - 42х30х22, УI - 40х22х22, УII - 40х30х28. Пространство между плитами заполнено мелкими камнями. Довольно обширная территория перед сидениями вымощена сланцевыми плитами.По сведениям информаторов поблизости стояла мечеть.

В с.Барганой (Ингушетия) - Галгаевского общества,на площадке из деревянных досок П - образно было сооружено сидение; оно опиралось на несколько пар ножек. Высота сидения Iм, ширина - 70-80 см. На нем могло сидеть 30-40 человек. На досках по всей длине была сделана удобная для сидения обивка из "кошмы"(чеч. и с т а н г).

По указаниям информаторов такие П-образные сидения были в с. Хамхи (см.ниже).

В селениях равнинных р-ов места сходов находились у мечетей и назывались м а и д а н. Они выглядели проще; здесь люди часто сидели на земле.

При подробном анализе материалов выявляется особая организация площадей высокогорной зоны, на что указывают искусственно созданные пхьегIа с обработанными, издалека приволоченными камнями старейшин. Особое внимание привлекают камни для толчения пороха и др. Указанный регион является колыбелью нахских народов. Там до недавних пор,бытовали многочисленные моногенные поселения.Указанные элементы все реже встречаются в предгорных и тем более в равнинных районах Чечено-Ингушетии,где с давних времен подавляющее большинство селений представлено территориально-соседскими общинами.

ПхьегIа высокогорных р-ов соответствовали обществу, где социально-экономические отношения основывались на кровно-родственных узах. В таких условиях устройство общесельских площадей было обязанностью всех членов группы; служение своим старейшинам было честью для молодежи. Тогда вся родственная группа общими силами подготавливала запасы пороха, охраняла свои территориальные права, сообща выступала в поход и т.д.

В новых соседско-территориальных условиях взаимоотношений, каждая фамилия (родственная группа) сама отстаивала свои права, изготовляла порох. Молодежь уже не так старалась для разнородных старейшин и пхьегIа упрощались.

Таким образом, в устройстве общесельских сборных мест можно усмотреть определенный этап развития социально-экономических отношений.

\+ \+ \+

Как уже сообщалось, в Чечено-Ингушетии повсеместно были распространены пхьегIа под открытым небом. Наряду с такими площадями в других регионах горного Кавказа существовали специальные сооружения для собраний, о чем свидетельствуют данные литературы, этнографии и фольклора.

В интересующем нас регионе функционирующие в этнографическом быту подобные здания не фиксируются, но на факт их существования в прошлом указывают некоторые своеобразные памятники материальной культуры средневековья.

Известно, что среди памятников материальной культуры Чечено-Ингушетии особое место занимают склепы. Различают подземные, полуподземные и надземные склепы. Каждый из них представлен несколькими разновидностями. К одному из видов надземных склепов ученые-археологи относят сооружения, известные в литературе под названием склепы "с поминальной камерой" (Впервые таким термином они упоминались Вс.Миллером[21], но почему-то нигде не указан первоисточник). Указанные склепы представляют двухэтажные (как иногда говорится в литературе "с двумя камерами") сооружения, с прямоугольным основанием и двускатно-ступенчатой (пирамидальной) кровлей, на первом-подземном этаже которого находится склеповая усыпальница, а второй этаж-надземная часть-открытое с фасада помещение ("камера") в форме большой стрельчатой арки, внутри которого вдоль стен П-образно устроены сидения из камней.

В чеченском и ингушском языках могильник обозначается термином к а ъ (мн.ч. к о ъ а т а).

Собственно подземные могильники называются *Кlелоаче кеъ*, а надземные - м а с х а ъ а ч е к а ъ т.е. солнечный могильник (малх-солнце, каш-могила, в таких могильниках труп мумифицировался под воздействием солнца и воздуха)[22], I е м а р г, ирхкаш[23].

По указанию И.Саидова надземный склеп "с поминальной камерой" "...в отличие от всех других типов надземных склепов..." называется к а ш к о в, где к а ш означает могилу, а к о в - ворота[24]. В последующем и мы будем употреблять указанный термин.

Изучение материальной культуры вайнахов, в частности ингушей началось в прошлом веке. Первые сведения об ингушских кашковах встречаются у Вс.Миллера. Автор ингушские могильники разделял на 2 типа - надземные и подземные. В первом из них различал 3 вида. Одним из подвидов третьего вида автор считал склепы "с открытыми поминальными камерами"[25].

Л.Семенов среди ингушских могильников выделял 3 типа - подземные, полуподземные и надземные, среди которых различал 7 основных видов, в четвертый вид входили указанные сооружения. По словам автора: "4-й надземный с прямоугольным неравносторонним основанием, двускатной ступенчатой кровлей и поминальной камерой, открытой с фасада, довольно редкий вид; имеется по одному экземпляру в селениях Эрзи, Хамхи, Вовнушки, Таргим, Эгикал"[26]. Автор отмечает характерные особенности этих сооружений: "На камнях, окаймляющих пол камеры, иногда бывает высечен прямоугольник, состоящий из коротких параллельных линий, число которых определенное-22. Таких камней мы нашли шесть (пять в 1926 г., один в 1927г.); на двух из них внутри прямоугольника имеется знак креста, на четырех - изображение креста находится на одной из сторон прямоугольника. Плиты этого рода найдены нами в селениях Хамхи (три плиты в одном склепе), Вовнушки, Эгикал, Эрзи"[27]. "В селении Хамхи, в том же склепе, ... в переднем ряду плит надземной (поминальной) камеры находится чашечный камень. Он имеет продолговатую форму; с одной стороны у камня дугообразная вынемка. На его плоской поверхности около 30 круглых чашеобразных углублений, некоторые полустерлись. Размер плиты - 0,49 метра, длина - 0,19 метра. Это первый случай обнаружения в Ингушетии плиты с чашеобразными углублениями"[28].

Камень с высеченным изображением двух параллельных дуг с лучеобразно расходящимися четырьмя прямыми линиями имеется и в с. Вовнушки[29].

Описание кашкова с.Эрзи дается в работе Мужухоева. Автор его считает близкостоящим к хамхинскому кашкову[30]. И здесь хорошо различаются черточки на двух из камней. В отличие от автора при

осмотре этого кашкова у нас создалось впечатление,что сидения и здесь устроены П-образно, а не вдоль боковых стен. (рис. 4).

Сведений о чеченских кашковах до последних десятилетий в литературе не встречалось, если не считать приведенного в книге Вс.Миллера фото № 43, под которым приписано "чеченский каш о поминальной камерой".[31] В тексте рассмотрен только ингушский материал; автор не указывает где находится это сооружение, о чем замечает и С.Умаров.[32] Затем Плечке опубликовал в своей книге (на немец.яз.) фото надземной части чеченского кашкова из с.Терте.[33]

Первое подробное описание чеченского кашкова - того же тертинского - дается в работе С.Умарова.[34]

Вс.Миллер[35] и Л.Семенов[36] рассматривали вышеуказанные сооружения как могильники; С.Умаров,[37] В.Кобычев и Н.Басилов[38] считали их святилищами.

На основе собранных в 60-ые годы этнографических материалов И.Саидов выдвинул новую точку зрения. В опубликованной в 1968г. статье автор сообщает следующее: Кашковы, под которыми захоронены известные старики села, в общественной жизни вайнахов играли важную роль. В них собиралось все мужское население и под руководством старейшин регулировало общественную жизнь селения. Здесь исполнялись:языческие обряды, обсуждались общесельские дела, выносились постановления, разбирались дела обороны села, охраны леса, сооружения мостов, ремонт дорог. Там же осуществлялся сельский суд. Старейшины обсуждали дела, а молодежь слушала стоя. Молодые были обязаны каждое утро явиться в кашков с новостями. Кашков для малхистинцев являлся и "местной властью" и "школой".[39]

Впоследствии, в 1976г. Мужухоев касаясь этого вопроса, писал: "Кашков (ограда могилы) в эпоху средневековья являлся местом сбора старейшин горных селений для решения самых различных вопросов общественной жизни. Одновременно эти постройки являлись и своеобразными погребальными памятниками."[40]

Автор почему-то не указывает мнения предыдущего автора и сам не приводит никаких аргументов,поддерживающих высказанное соображение.

В августе 1979 года, участвуя в совместной экспедиции грузинских и чеченских этнографов, мы обошли высокогорные ущелья Чечено-Ингушетии-Джариахское, Галгаевское, Цоринское, Малхистинское. На месте осмотрели указанные сооружения,зарисовали (М.Цинцабадзе) измерили (А.Калдани, Г.Чиковани). Итоги работы и наши соображения изложены в зачитанном в отделе этнографии Кавказа института истории археологии и этнографии им. Ив.Джавахишвили в докладе.[41]

В 1981г. И.Саидов вновь публикует статью о кашковах, в которой выводы автора расходятся с его же соображениями, высказанными в предыдущей статье: по словам автора, кашковы на самом деле погребальные сооружения,одновременно служившие местом заседания совета старейшин (почетных старцев) для решения важных общесельских дел, касающихся как отдельных населенных пунктов, так и общества в целом; общесельские сходы-же собирались вблизи от кашкова.[42] В этом случае функции между кашковом и пхIегIа определенно разграничены.+

Прежде чем сформулировать наше соображение по данному вопросу, необходимо отметить важное значение проблемы,поставленной И.Саидовым: он выявил факты, почти совершенно неизвестные до этого в литературе. Они, хотя и требуют некоторых уточнений, могут пролить новый свет на характер социальных взаимоотношений населения данного региона, т.е. на одну из актуальных проблем кавказоведческой этнографии. Вместе с тем выявлен новый тип памятников материальной культуры Чечено-Ингушетии, что имеет значение и для других регионов горного Кавказа. Однако для решения столь важных проблем в данном случае этнографические данные, приводимые автором в подтверждение своих соображений, в вышеуказанных статьях, могут оказаться недостаточными. Ввиду важности вопроса необходимо привлечь и данные других источников.

На основе проведенной нами работы мы пришли к выводу, что кашковы являются своеобразными погребальными сооружениями,которые одновременно служили местом общесельских сходов-пхьегIа. Именно об этом говорил И.Саидов в первой своей статье. Прежде чем привести наши аргументы в пользу указанного соображения приведем описание Кашкова с.Терте, так как в описании С.Умарова упущены некоторые характерные черты, способствующие определению назначения этих сооружений.

Кашков с.Терте (рис.№ 5,6) расположен вблизи от единственной в селении боевой башни, в нескольких метрах от дома Маршаули, у которого устроено сидение для старейшин (см.выше).Площадка между ними, приблизительно в 12 кв.м., ровная и выложена сланцевыми плитами. Кашков возвышается над уровнем земли не более чем на 18 см.

+ Справедливости ради автор должен был отметить относительно того, что в процессе совместной экспедиционной работы в с.Терте(1979), нами была расчищена местность рядом с кашковом,в результате чего и обнаружено каменное сидение (см.выше);на этом основании автор утверждает,что функции между кашковом и пхьегIа разграничены.

Как было сказано, это-открытое с фасада сооружение с прямоугольным основанием и двускатно-ступенчатой кровлей.Устроенный в центре пола лаз, ведет в нижний этаж, где помещается усыпальница. Пол кашкова целиком выложен плоскими плитами. Здание построено наклоном в заднюю сторону. Высота левой от входа стены 5м 68см, правой - 5,60. Высота задней стены 2м 61см, передние стены очень узкие - 63см ширины. Таким образом, фасад почти целиком открыт. Ширина открытой части - 2м 61см. Перекрытие двускатное. С передней и задней сторон ступеньки пирамидального перекрытия образованы плитами. По бокам передней крыши их по 10, на самом верху их завершает еще одна "ступенька" - т.е. 21-я, которого Вс.Миллер (на примере ингушских кашковов) называл "гребнем". В настоящее время не хватает второй плитки с правой верхней стороны перекрытия. С задней стороны пирамидальное перекрытие образовано девятью плитами (с обеих сторон по 9), которое завершала 19-я плита (потеряна). Итак передняя сторона крыши выше задней.

Открытая часть фасада суживается кверху и образуется стрельчатой формы арка, выше которой стена выложена плитами. Прямо над аркой (стрелкой) в кладку стены горизонтально помещен длинный, довольно широкий и массивный камень. Над ним вложены две плиты, нижние части которых расставлены, а верхние соприкасаются - образуя треугольник. Над треугольником, под кровлей в кладку вложены кубики камней в шахматном порядке и образуется геометрический орнамент. На самом конце "гребня" стоит скульптурное изображение лошадиной головы, а не бараньей, как указывает И.Саидов[43]. Такие же изображения были по обе стороны стрельчатой арки,одно из которых, а именно левое, поломано,но следы его хорошо прослеживаются.

Внутри помещения от уровня пола на высоте 47 см, вдоль всех стен, выложены ряды камней сухой кладкой и таким образом получается сидение П-образной формы. Высота каждой кладки 13-15 см. Поверх кладки положены гладкие плиты, которые встроены в стенах в процессе строительства. Плиты ровные и хорошо пригнанные одна к другой. Ширина сидения 37 см. Длина первой плиты (слева от входа) 90 см, II-60-61 см в центре этого камня имеется углубление. Ширина ямки 10 см, глубина-12 см, Длина третьей плиты I м, IУ-43 см, У-53 см, УI-38 см, УII-54 см, УШ-54 см. Длина первой (слева) плиты ряда у задней стены, 90 см, II-73 см, длина следующего т.е. первого камня (слева) ряда у левой стены 94 см, II-34, III-90 см, IУ-58 см, УI-85 см. С самого начала все плиты были ровные, прямоугольные, сейчас у некоторых края поломаны. Пространства между плитами заполнены маленькими плитками.Между боковыми стенами от

от уровня пола на 2 м 19 см проложены 4 балки, концы которых втсавлены в ниши. Второй от входа балка потеряна. Их длина приблизительно 2 м 84 см, ширина 8-9 см, высота-11 см, глубина ниш 24-25 см, ширина-27 см.I балка проложена от входа на расстоянии 86 см, от нее до II балки больше I м, от нее до третьей 86 см, до IУ-96 см, до задней - 95-98 см. Посередине боковых стен по одному камню выступают вперед - длина левого камня 17 см, ширина-17-18 см, высота- 10-12 см,длина правого выступающего камня 30см, ширина - 23 см, высота - 12 см. На углах помещения,т.е. на месте стыка задней и боковых стен, с обеих сторон вложены посередине стен треугольные плиты. Длина левого треугольника 26 см, с одной стороны, с другой - 43 см, переднего края - 63 см, другого треугольника - 23,37,63 см, таким образом получаются маленькие полки. Посередине задней стены выступает камень - 28,18,8 см. Стены и потолок помещения густо покрыты копотью. Точно такое же сооружение стоит в с.Цой-Педе (священное место Малхистинского ущелья), которое, как видно,потом переделали и использовалось как склеп.[44]

Склепы "с поминальной камерой" встречаются и в высокогорном обществе Майста".[45]

После осмотра на месте кашковов и на основе сопоставления имевшихся в нашем распоряжении материалов, мы пришли к выводу, что кашковы служили местом для общесельских сборищ, о чем и говорилось в первой статье И.Саидова; Для подтверждения этого мнения мы приведем наши аргументы: I. В первую очередь следует отметить, что территория, на которой представлены кашковы (за сиключением с.Эрзи-Ингушетия, Джариахское ущелье) заброшена. Нам приходилось работать среди пастухов,приехавших сюда из разных уголков Чечено-Ингушетии, а также среди выходцев Малхистинского ущелья,проживающих на равнине - в сс. Арашти и Бамут (А. Мартановский р-н). К сожалению они ничего определенного не смогли нам сообщить о назначении кашковов. Ценный материал записали лишь только в с.Эрзи. Евкуров Юсуп (род. 1904 г.) на наш вопрос - что из себя представляет интересующее нас сооружение,не задумываясь ответил: "это - пхьиэгIа (указал на кашков), а это - ц/у - т.е. святилище" (указал на конусообразное, с круглым основанием сооружение). По его же словам в одном из них похоронен Янди - выходец из Малхиста - первопоселенец и основатель с.Эрзи. Такого сооружения в Джаирахском ущелье больше нет, а "за горой" - в Галгае находится в с.Хамхи.[46]

2. На существование в Малхисте специального здания для общесельских сборищ есть указание в грузинской этнографической литера-

туре: Г.Чачашвили от "кистинца Маршаули (Маршаули - Г.Чик.) узнал о том,что в с.Мизу находилось общесельское сооружение,которое они построили наподобие сапехно шатилионцев[47] (шатилионцы - жители с.Шатили в Пирикитском Хевсурети - в Грузии, где до недавних пор функционировало трехстенное сооружение для сельских сборищ - с а п е х н о ( ). (Детальное описание сапехно см. у Г.Чачашвили)[48]. Селение с названием Мизу мы не смогли зафиксировать. По нашим материалам Малхистинцы называют Мизу (Мизуром) с.Мицу // Муцо - в Пирикитской Хевсурети. По указанию К.Гана один из самых больших поселений на р.Меши-хи (Малхиста) это - с.Музо; оно на карте обозначено как Машие.[49] Вполне возможно,что "кистинец" подразумевал Кашкова с.Терге, который находился в пол км. от с.Меши // Мешие // Машие. Как бы там не было, для нас важно сообщение о существовании специального сооружения для схода.

3. Как указывалось выше, в Кашкове с.Терта одна из плит в рядах сидений отличается тем,что имеет посередине углубление. Такие камни нами обнаружены и в других ущельях не только в высокогорной Чечено-Ингушетии,но и в уголках горного Кавказа (см.выше). Они везде находились на местах схода. Камень из указанного Кашкова предназначался, по нашему, для той же цели.

4. Такими же значительными элементами представляются камни с вычерченными знаками. Проф. Л.Семеновым . В 1927 г. установлено, что в прежнее время такими изображениями пользовались для особой игры... Участники упомянутой игры поочередно метали, наподобие костей, небольшие четырехгранные палочки с нарезными знаками". "Нам пока не известны продолжает автор - следующие подробности: I) как велика давность указанной игры, 2) имела ли высеченная фигура еще какое нибудь назначение"[50]. В.Басилов и Кобычев, которые кашковы относят к святилищам, считают,что "признаком святилища являются, Видимо,и загадочные знаки, высеченные... на некоторых камнях такого сооружения"[51]. Несмотря на указание авторов на то,что "старожилы имеют смутное представление о назначении этих знаков, считая их связанными с какой-то игрой"[52], пишут: "однако скорее всего это календарь,составленный по непонятному пока принципу,которым пользовались для отсчета религиозных празднеств или поминальных дней. Святилища с календарем остаются еще загадкой. Мы не знаем, кому они были посвящены, и почему в них устраивались склепы"[53].

М.Кантария не исключает варианта календаря, но по ее мнению, можно допустить,что высеченные на камнях по 22-22 зарубки соответствует 22 неделям от праздника в честь св.Георгия до окота овец. В то же время она допускает, что найденные в Ингушетии камни с зарубками являются "расписками" о закладке, аренде, а также"расписание" очередности выхода пастухов на пастбище. Хотя это последнее кажется автору менее реальным, так как в культовом сооружении не было надобности их хранить, если для этой цели существовали подобные камни, они должны были быть на пхьегIа, где рассматривались все вопросы, связанные с установлением очереди пастухов. По справедливому указанию автора, игральный камень, должен был находиться также на пхьегIа.[54]

На счет указанных камней ничего определенного не смогли нам сообщить сказители, но заслуживает внимания вышеприведенный материал из с.Фуртоуг, где на площадке находился игральный камень. Выясняется, что в Чечено-Ингушетии повсеместно была распространена игра четырехгранными палочками - ж а й к и ш, или камушками - тIулгех ловзар.

Таким образом, вполне реальным кажется нам существование игральных камней в кашковах и таковыми должны были быть камни с высеченными "знаками".

5. Надземная поминальная часть отдельных гробниц снабжена по стенам нишами и полками. Такие ниши и полки имелись в шатильском сапехно; они предназначались для разной утвари, свечей и др. Видимо, для этой же цели служили они в кашковах.

6. Возможность существования в Чечено-Ингушетии специальных зданий для пхьег/а, поддерживают аналогичные явления из соседских местностей горного Кавказа. В сев.Осетии для ныхасов существовали каменные строения. В с.Лац-Куртатинского ущелья - фиксируются остатки фундамента трехстенного сооружения (рядом ныхасом под открытым небом), который по этнографическим и литературным данным служил местом общесельских собраний и назывался общим домом - х а д з а р о м. Оба ныхаса по преданию принадлежали легендарным нартам.[55]

В Дагестане в лакских селениях (Кумухи // Гъумучи) место сбора - к к у р ч I а "прежде... состоял из двух половин-открытой и закрытой. Последней пользовались в непогоду. Вдоль стен закрытой половины раньше находились каменные сидения, такие же, какие сохранились в открытой половине".[56]

Особенно следует отметить,что до 40-ых годов в с.Шатили (Хевсурети) функционировало "закрытое сафехно" ( ). Это было открытое с фасада трехстенное строение, с плоским перекрытием. В нем вдоль стен были устроены каменные сидения. Там же

лежал камень с углублением посередине - для толчения пороха - д е н г и (დენგი) и другие принадлежности (детальное описание сапехно дано в работе Г.Чачашвили.[57] В настоящее время от строения ничего не осталось. В 1976 г. на месте лежал лишь только камень для толчения пороха). Аналогичные строения существовали в сс.Гуро и Орцхала, - Пирикитской Хевсурети, а также в Архоти. Строения для сапехно не фиксируются в Пиракетской Хевсурети).

7. Ставится вопрос - были ли факты совмещения погребальных сооружений со сборными местами в горном Кавказе, что могло бы подтвердить выдвинутое предположение? По известным нам материалам в этнографической действительности подобных примеров не наблюдается. Однако, можно усмотреть их в косвенных показаниях; выясняется, что в с.Шатили в один из дней праздничного новогоднего цикла, а именно, в среду, которую хевсуры называют укенашуадге(უკნაშუადგე, вечером, хозяйки дома на имя усопших выпекали лепешки. В четверг, по хевс. гамцхадеба дге (გამცხადების დღე) неженатая молодежь, включая мальчиков с 7-8 лет, собирались с раннего утра в сапехно. Каждый из них для поминовения душ родственников и ровесников приносил по три лепешки, масло, одну бутылку водки и по две вязки дров. Все это складывалось на полку. Разводили огонь на полу. После восхода солнца, рядом с сапехно собирались женщины. После того, как молодежь разводила огонь, накрывала на стол, одно из женщин подходила к дверям сапехно и поминала мертвых шатилионцев. Затем молодежь приступала к еде. Женщины возвращались домой, а молодежь затевала игры, перепрыгивали через костер. В этот день молодежь не впускала взрослых в сапехно.

Описанный выше обряд засвидетельствован только в Шатили. В тех местах, где не существовало специального сооружения для сапехно, такой обряд не проводился на открытых площадях сапехно, несмотря на то, что в Хевсурети везде, в дни новогодних празднеств разводили огонь, пекли лепешки и поминали мертвых...[58]

Г.Чачашвили рассматривал указанный обряд, как пережиточное бытование холостяцких домов. По мнению автора, на это указывает то, что молодежь не впускала в сапехно взрослых мужчин.[59] Это всего лишь деталь обряда, в то время как все содержание его недвусмысленно указывает на истинную цель - поминание душ мертвых, предков, усопших шатилионцев. Как известно, поминовение мертвых в один из дней новогодних празднеств происходит и в других уголках горного Кавказа, например в Сванети этот день назывался л и ф а н а л и (ლიფანალი); [60] лезгины, осетины и др. кавказские горцы в определенные дни зажигали костры на своем дворе или на

могилках с тем чтобы "светлы были мертвые и доля их не потухла". В России этот обычай называли "греть покойников" или же "родителям поминки греют".[62] Так было в Средней Азии,[63] Восточных странах[64] и др.

Таким образом, нам кажется, что вышеописанный обряд в сапехно имеет непосредственную связь с могилами предков. Когда-то и это здание могло служить склепом.

Приведенные материалы из Чечено-Ингушетии и Хевсурети поддерживают и объясняют друг-друга.

В других местах горного Кавказа, где не сохранились строения для общесельских сборищ, часто встречаются расположенные на одной и той же территории кладбища и сборные места. Наглядным примером этому служит место, которое называется М а ц у т а (Сев. Осетия, Дигория - у слияния рек Уруха и Сардидона). Здесь находится старое кладбище и общеущельский ныхас.[65] Может быть, с таким же явлением имеем дело и в Карачае-Балкарии, где среди склепов отличаются экземпляры из сс. Шканти, Камгута, и Курнаят. Первые два, оказывается, ограждены каменными оградами, что является их специфичностью, а склеп из с.Курнаята отличается тем, что с сев.-западной стороны к нему примыкала ограда из массивных камней. Она замыкала площадку размерами 2,15 х 2,3 х 3,3 м - Пишет Мизиев.[66] По мнению автора, ограда была построена потому, что ящик выступал из под склепа на 0,35 м, и она служила для этой части могилы".[67] Такое объяснение нам кажется искусственным. Ознакомившись с материалом и фотографиями, у нас создалось впечатление, что и ограда у могилы должна была служить местом каких то сходов.

Общесельские места на территории могил предков находились и в других странах, например, в Северо-Восточной Индии в селениях ангамов площади для собраний и развлечений, где каменные сидения располагались по кругу, содержали могилы к е м о в о -старейшин общины. Это площадка считалась священной.[68]

\+ + +

В этнографическом быту кашковы не функционировали. Более того, по словам старожилов малхистинцев, ни отцы их, ни деды не знали о том, что в кашкове с.Терте на нижнем этаже имеется склеп. Случайность в 1963 г. открыла им тайну погребения. От тяжести входившего в кашков скота, лаз завалился и обнаружились скелеты (об этом указывал и Умаров)[69]; также ничего не знают они о собраниях в кашкове. Мужчины собирались под открытым небом у дома Маршаули, а еще раньше - у боевой башни.

В Ингушетии, даже во время пребывания там Вс.Миллера (вторая половина XIX в.) старики имели смутное представление о назначении указанных сооружений. Там, "по словам туземцев, в прежние времена сидели на поминках родственники покойных" - пишет автор[70]. По утверждениям информаторов,предки малхистинцев (также и других ущелий) в склепах не хоронились; они принадлежали людям,которые здесь жили до них и погибли от чумы. На примере с.Терте выясняется,что в селение проживало 4 фамилий - Амриевых, Маршаули,Фирзоули, Сигаури (окончание ури, ули, по словам местных жителей,они приняли наподобие грузинских,так как до революции Малхиста входила в Тионетский уезд). По преданию предки Маршаули пришли сюда из другого ущелья (из с.Бавлой),предок Фирзоули - Фирза (Фируза?) - из Грузии. На месте застали Амриевых и Сигаури,но и эти последние не знали о могилах тертинцев под кашковом. Все строения в селений,кроме кашкова,считаются построенными предками указанных фамилий. Единственная в селе боевая башня принадлежала раньше Амриевым, а после того,как они не смогли вернуть долг Маршаули,ее уступили последним. Амриевы переселились выше селения.

Что касается кашкова,им пользовались Маршаули (патронимия Гелагаевых),которые по словам сказителей, там хранили запасы продуктов и сельскохозяйственный инвентарь; иногда там же сидели и беседовали,но посторонние туда не заходили. Мужчины села собирались рядом - под открытым небом (см.выше),а еще раньше - на площадке у боевой башни, т.е. на территории Амриевых - первожителей селения.

Таким образом, тертинцы не считают своими предками похороненных в кашкове. Заслуживает внимания указание Л.Семенова о том,что несколько десятилетий назад (материал издан в 1928 г.) в с.Хамхи склеп вообще был признан неуместным в "святилище" - т.е. в кашкове, и человеческие останки были перенесены из него в другое место и заново оцементировано.[71] Вряд ли хамхинцы, а также тертинцы так непочтительно отнеслись бы с останками своих предков, "отцов",которых особенно чтут в горах, где словесное только оскорбление могил предков вызывало кровную месть.

В соседней Осетии "нет склепов с открытой поминальной камерой..."[72], нет их и в Карачае-Балкарии.[73] По известным нам материалам такие сооружения не фиксируются и в Дагестане ("позднесредневековых склепов и могильников вообще нет... в Дагестане")[74]. Распространение своеобразных сооружений, кашковов, на определенной территории Чечено-Ингушетии,свидетельствует о принадлежности их одной,единой этнической группе. Указанная территория находится в непосредственном соседстве с грузинскими горцами. В таком случае оправдан "народное осмысление грузинского термина к и с т ы в значении ингушей и чеченцев".[75] В определенный период термин кисты подразумевал всех нахов, за исключением цовцев, а позже он сузился вплоть до этнографической группы.[76] "Видимо грузинское наименование кисты, охватывающее и ингушей и чеченцев, отражает традицию, восходящую к этническому единству нахов",эквивалент общего наименования которых Дурдзуки.[77]

Как видимо ,впоследствии внутримиграционные явления, а также инкорпорация пришельцев из разных регионов Кавказа, способствовали возникновению новых объединений, где происходило переосмысление ценностей. Так должны были терять свое значение и кашковы.

Ставится вопрос, какова социальная среда строителей кашковов, кому они конкретно принадлежали? Как отмечалось выше, кашковы рассматриваются учеными как погребальные сооружения или же святилища. Происхождение склепов объясняется по-разному. Вс.Миллер связывал этот факт с малоземельем и культом мертвых и вытекающим отсюда представлением народа о загробной жизни.[78] Л.Семенов происхождение склепов связывает с религиозными представлениями: "...бытование культа мертвых порождало желание сохранить покойников". - Пишет автор.[79] Г.Кокиев вслед за Миллером, считает основной причиной малоземелье и культ мертвых.[80] По мнению В.Марковина малоземелье не мог быть причиной их возникновения,так как фактическое положение показывает,что иногда в тех местах где чувствуется малоземелье, нет позднесредневековых склепов (например в Дагестане). Автор считает,что они появились из религиозных соображений.[81]

И.Мизиев критикует указанных авторов,и считает что они не уделяли внимания внутриобщественным причинам.По словам автора, малоземелье и культ предков имеют определенное значение,но - второстепенное. Культ мертвых, как один из древних в первобытном обществе, выражается в какой-то мере в любом погребении,каково бы оно не было. Поэтому ученные должны говорить не вообще о склепах, а конкретно о надземных. Автор на примере Карачай-Балкарии считает что надземные склепы и могильники вокруг них оставлены одной этнической группой. Поэтому нельзя считать,что они - проявление разных культов. И.Мизиев причиной появления надземных склепов и мавзолеев считает выделение из социальной среды феодалов, которым принадлежали отдельные склепы (особенно-мавзолей) и что надземные склепы это-материальное выявление социальной дифференции.[82]

Но можно ли рассматривать кашковы с этой точки зрения? По нашему мнению,именно потому что надземные склепы принадлежали одной этнической группе, нет основания думать так. Везде, где встречаются кашковы, они представленны одним экземпляром; там же, рядом стоят ничем не уступающие им величественные разновидные склепы. Нельзя же думать,что в каждом поселении, во всех ущельях выделилась одна фамилия, которой было подсилу построить кашков.Разве материальное проявление социально выделившейся группы отражалось лишь в кашкове? Тогда кому принадлежали другие, грамадных размеров склепы?

По нашему мнению, строители кашковов жили кровнородственными группами, а представленные по одному экземпляру кашковы принадлежали предкам основателям данного поселения или группы поселений. После разростания семьи первопоселенцев, выделившиеся группы стр или себе другие склепы, а "главные", "старших отцов" склепы превращались местом сбора для представителей данной группы. Собранны нами в течение многих лет, этнографический материал,указывает на особое значение и почитание первопоселенцев и местожительства их на горном Кавказе. Исходя из всего сказанного,считаем,что кашков связаны с культом предков; они являлись местом почитания данной группы. Здесь собирались представители ее как для поминавения ду усопших отцов, так и для разбора всяких вопросов касающихся этой патронимии, фамилии.

К тому же обществу можно отнести вышеописанные пхьегIа под открытым небом,на которых были представлены обработанные каменные сидения для старейшин, для толчения пороха и др.

Нет никаких серьезных доводов, утверждавших,что в кашковах со бирался совет старейшин, а поблизости - сельский сход. В непогоду кто помешал бы им собраться в кашкове? Притом если совет старейш разбирал общесельские дела, что же входило в компетенцию сельского схода? В однородных селениях все дела разбирались старейшинам в присутствии других полноправных членов общества. Там же приучал молодежь разбору и следствию дела. Если И.Саидов допускает функционирование кашковов в соседско-территориальных обществах, то и там общесельские дела разбирались старейшинами и всеми полноправными членами селения на общесельской площади; если в совете старейшин подразумевать представителей разных селений или обществ(которые разбирали вопросы касающиеся определенной группы селений, обществ),то они в большинстве случаев заседали в главном селении конкретной группы - на том же месте схода; иногда для этой цели выбирался удобное, нейтральное место. Что касается посредническом суду, который рассматривал вопросы,возникшие между разными фамилиями и в каждом отдельном случае выбирался заново,то надо отметить,что он никогда не заседал в середине селения, а подальше от него. До вынесения приговора (решения) дебаты должны были оставаться в тайне. Решение объявлялось после соглашения всех членов суда.

Кашковы не могли служить местом схода соседско-территориальных обществ, так как принадлежащие определенной кровнородственной группе (патронимии,фамилии) здание (собственность) считалось неприкасновенным. Кроме этого,всякие неприятности причиненные в этом здании представителю другой фамилии, рассматривалось как оскорбление со стороны хозяев - т.е. кому принадлежал кашков. А на общесельских сходах часто бывали ссоры и даже распри.

Таким образом, кашковы должны были служить местом общесельского схода определенной кровнородственной группы.

Хотим добавить,что представленные на фасаде кашковов геометрические орнаменты,по нашему мнению,можно рассмотреть как знаки принадлежности - т а м г и - данной патронимии,фамилии.

П р и м е ч а н и я

I. Г. Ч а ч а ш в и л и. Шатильское сапехно, Тбилиси, I948, I36 (на груз.яз., диссерт.труд на соиск. уч.степ. канд.ист.наук, архив института истории, археологии и этнографии им. И.Джавахишвили).
2. И. М. С а и д о в. Об использовании одного из видов языческих сооружений в общественном быту вайнахов. Сб. этнография и вопросы религиозных возрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период, Грозный, I98I, 49.
3. Там же.
4. А. И. Р о б а к и д з е. Жилища и поселения горных ингушей, КЭС, II, Тбилиси, I968, 89.
5. Г. Б. Ч а ч а ш в и л и. Ук.работа, I36.
6. Там же.
7. С. Н. Д ж а н а ш и я. Труды,I, Тбилиси, I949, 285-286.
8. Г. Б. Ч а ч а ш в и л и. Ук.работа, I37-I38.
9. А. И. Р о б а к и д з е. Ук.работа, 89.
Чечено-русский словарь, М., I96I, на слово пхьа.
IO. А. И. Р о б а к и д з е. Ук.работа, 88.
II. Русско-чеченский словарь, М., I978, 553.
I2. Там же. I28.
I3. Там же. 553.

I4. Там же. 442.
I5. Русско-ингушский словарь, М., I980, I50.
I6. Там же. 658.
I7. Там же.
I8. В. Б. Виноградов. Время, горы, люди. Грозный, I980, 60.
I9. З. К. Мальсагов. Ингушская грамматика. Владимирск, I925, I96.
20. Х. Д. Ошаев. Пламенные годы. Грозный, I977, I93.
Г. Д. Чиковани. Осетинский ныхас, КЭС, т.У, вып.2,44.
2I. Вс. Ф. Миллер. Материалы по археологии Кавказа, I, М., I888, 27.
22. А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, ЗКВ (зап. коллегии востоковедов), У, Л., I930, 7I4.
23. И. М. Саидов. Об использовании... 46.
24. Там же, 46.
25. Вс. Миллер. Ук.работа, 24-27.
26. Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в I925-I932, Грозный, I963, I9.
27. Там же, 20.
28. Там же, 2I.
29. Там же.
30. М. Б. Мужухоев. Новые археологические памятники. Грозный, I977, 52.
3I. Вс. Миллер, Ук.работа, 27.
32. С. Ц. Умаров. Новые археологические памятники эпохи средневековья в нагорной Чечено-Ингушетии. Археолого-этнографический сборник, Грозный, I968, 233-234.
33. Там же, 233.
34. Там же.
35. Вс. Миллер. Ук.работа, 27.
36. Л. П. Семенов. Указ.работа, I9 и сл.
37. С. Ц. Умаров. Указ.работа, 233.
38. В. Н. Басилов, В. П. Кобычев. Галгай - страна башен, СЭ, М., I97I, I29.
39. И. М. Саидов. Новое в этнографии вайнахов, газ.Ленинский путь, от сентября I968 (на чеч.яз.).
40. М. Б. Мужухоев. Новые археологические памятники,I60.
4I. Г. Д. Чиковани. Народное правление в Чечне, Тбилиси, I979, Арх.отд.этнографии Кавказа института Истории, археологии и этнографии.
42. И. М. Саидов. Об использовании... 45-52.

43. Там же, 46.
44. В. Маркович. Чеченские средневековые памятники в верховьях р.Чанты-Аргуна,Сб.Древности Чечено-Ингушетии,М., I963, 259-265; А. А. Исламов. К вопросу о средневековых погребальных сооружений в верховьях Чанты-Аргуна,Известия, ЧИНИИ, т.III, вып.I, I963, I47-I48.
45. В. Б. Виноградов. Время, горы, люди. Грозный,I980, I20.
46. Г. Д. Чиковани. ЧИЭЭ, I979, ТЕТр. II, I2.
47. Г. Чачашвили. Указ.работа,I30.
48. Там же.
49. К. Ф. Ган. Путешествие в страну пшавов, хевсур,кистин и ингушей. Кавказский вестник, Тифлис. I900, № 6, 65.
50. Л. П. Семенов. Указ.работа, 2I.
5I. В. Н. Басилов,В. П. Кобычев.Указ.работа, I29.
52. Там же, I30.
53. Там же.
54. М. В. Кантария. Народные способы счисления времени в Чечено-Ингушетии, "Мацне", серия истории,археологии,этнографии и истории искусства, Тбилиси, I977, 66-67.
55. Г. Д. Чиковани. Осетинский ныхас, 49.
56. Л. И. Лавров. Этнография Кавказа, Л., I982, I02,I20.
57. Г. Б. Чачашвили. Указ.работа, I7-25.
58. Там же. I4I-I48.
59. Там же, I50-I79.
60. В. В. Бардавелидзе. Календарь сванских народных праздников, I, I939, XII.
6I. Г. Ф. Чурсин. Очерки по этнографии Кавказа, Тифлис, I9I3, I62; В. И. Маркович.Дагестан и горная Чечня в древности, М., I969, I06-I07.
62. Д. К. Зеленин. Народный обычай "греть покойников",Харьков, I909, I и след.
63. Б. Н. Ягодин, Т. Ходжаев. Некрополь древнего Миздахкана, Ташкент, I970, I4I-I42.
64. Ю. В. Цонова. Обряды, обычай и их социальные функции в Корее XIX - нач. XX вв., М., I982, 99 и др.
65. Г. Д. Чиковани. Из общественной жизни осетин (ныхас), Тбилиси, I973, I77-I78 (диссерт.раб. на соиск,уч.степ.канд. ист.наук, на груз.яз.), I77.
66. И. М. Мизиев. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII-XVIII вв.), Нальчик, I970, 59-63.

67. Там же. 64.
68. В. Н. Шинкарев. Сакральные предводители общин у нага. СЭ, 5, 1982, 100.
69. С. Ц. Умаров. Указ.работа, 233.
70. Вс. Ф. Миллер. Указ.работа, 27.
71. Л. П. Семенов. Указ.работа, 29; В. Н. Басилов, В. П. Кобычев. Указ.работа, 129.
72. Л. П. Семенов. Указ.работа, 28.
73. И. М. Мизиев. Указ.работа, 78.
74. В. И. Марковин. Указ.работа,
75. А. И. Робакидзе. Указ.работа, 17.
76. Там же. 27.
77. Там же.
78. Вс. Ф. Миллер. Указ.работа, 24, 26, 112-113.
79. Л. П. Семенов. Указ.работа, 75, и сл.
80. Г. А. Кокиев. Склеповые сооружения горной Осетии, Влад., 1928, 32-38.
81. В. И. Марковин. Указ.работа. 106-107.
82. И. М. Мизиев. Указ.работа, 82-84.

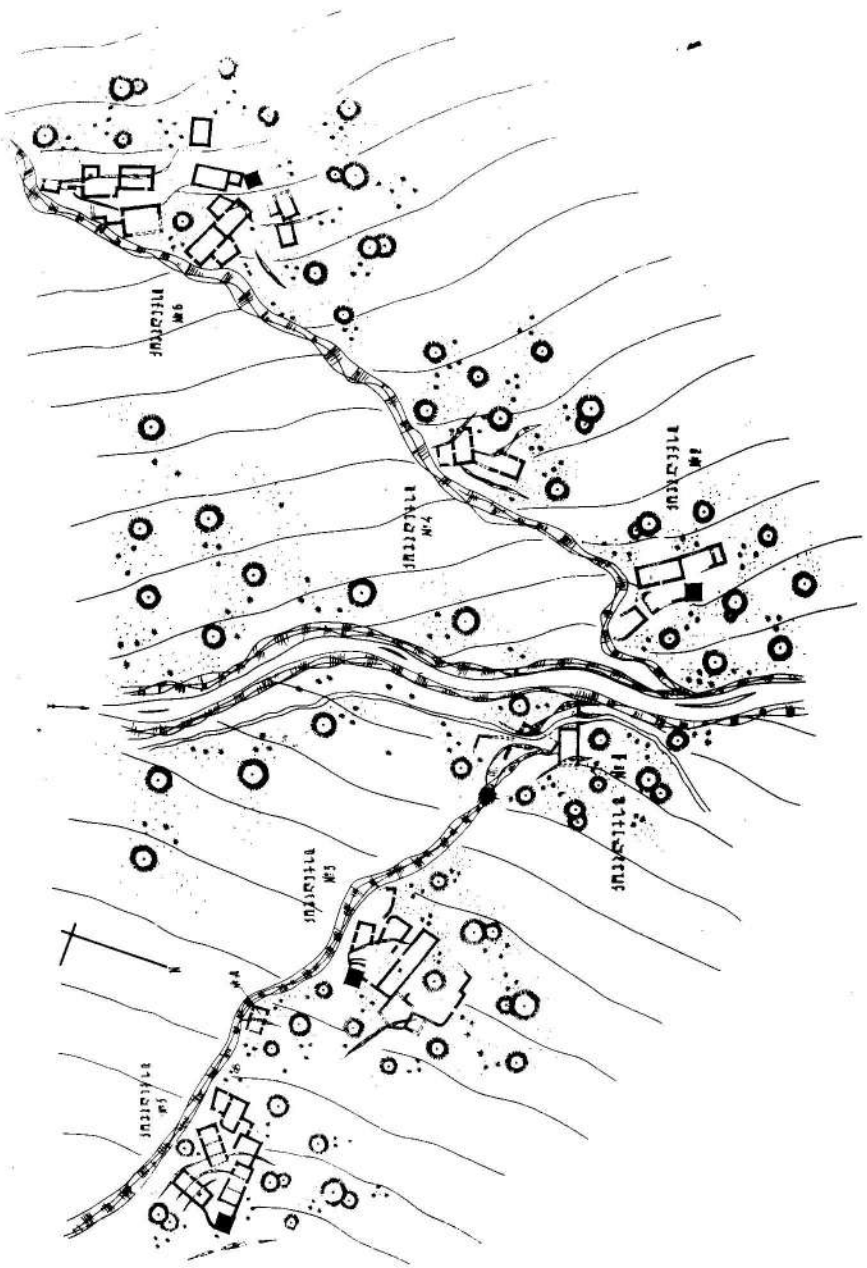
Описание таблиц

Таб. I. 1. Генплан поселения
Таб. II. Комплекс № 1 1. План
Таб. III. Комплекс № 1 1. Разрез 2. Фасад
Таб.IУ. Комплекс № 2 1. План комплекса
Таб. У. Комплекс № 2 1. Разрез башни
Таб.УI. Комплекс № 2 1. Планы башни 2. Фасад башни
Таб.УП. Комплекс № 3 1. План комплекса
Таб.УШ. Комплекс № 3 1. План башни
Таб.IX. Комплекс № 3 1. Разрез башни
Таб. X. Комплекс № 4 1. Разрез комплекса 2. План комплекса
Таб.XI. Комплекс № 5 1. Разрез и планы башни
Таб.XII. Комплекс № 5 1. Разрез комплекса 2. Разрез жилой башни
Таб.XIII. Комплекс № 6 1. План комплекса
Таб.XIУ.Комплекс № 6 1. План II эт.жил.комплекса
2. Разрез жил.комплекса
Таб.XУ. Комплекс № 6 1. Фасад жил.комплекса
Таб.XУI.Жилая башня в с.Пхьа кочa - 1,2.Планы,разрез и фасад; Жилая башня в с.Тичча-ара - 3,4.Планы,разрез и фасад (обм. А.Калдани)
Таб.XУII.Жилая башня в с.Тичча-ара - 1,2. Планы и разрезы (обм. А.Калдани); 3. Вид жилой башни в с.Бенисти (фото А.Калдани).
Таб.XУIII.1. Вид жилой башни в сел.Никарой (фото А.Калдани); Жилой комплекс с боевой башней в с.Пхьа Дук - 2,3. План и зарисовка фрагмента башни (обм. А.Калдани)
Таб.XIX.Жилой комплекс с боевой башней в с.Пхьа Дук - 1. Вид комплекса (фото А.Калдани); Башня в местечке Дёрри - 2. План, фасады и разрез башни (обм. А.Калдани);!Укрепленный жилой комплекс около с.Хайбахой - 3. Генплан (обм. А.Калдани).
Таб.XX. Укрепленный жилой комплекс около с.Хайбахой - 1. Разрез. Укрепленный жилой комплекс в местечке Тазбичи (с.Бабашки) - 2,3. Планы башни, разрез и вид комплекса (обм. и фото А.Калдани)
Таб.XXI. 1. Рубаха 2. Бурка
Таб.XXII. 1. Архалук
Таб.XXIII. 1. Черкеска
Таб.XXIУ.1. Кинжал и пояс
Таб.XXУ. 1. Каракулевая шапка 2. Кожанная обувь.

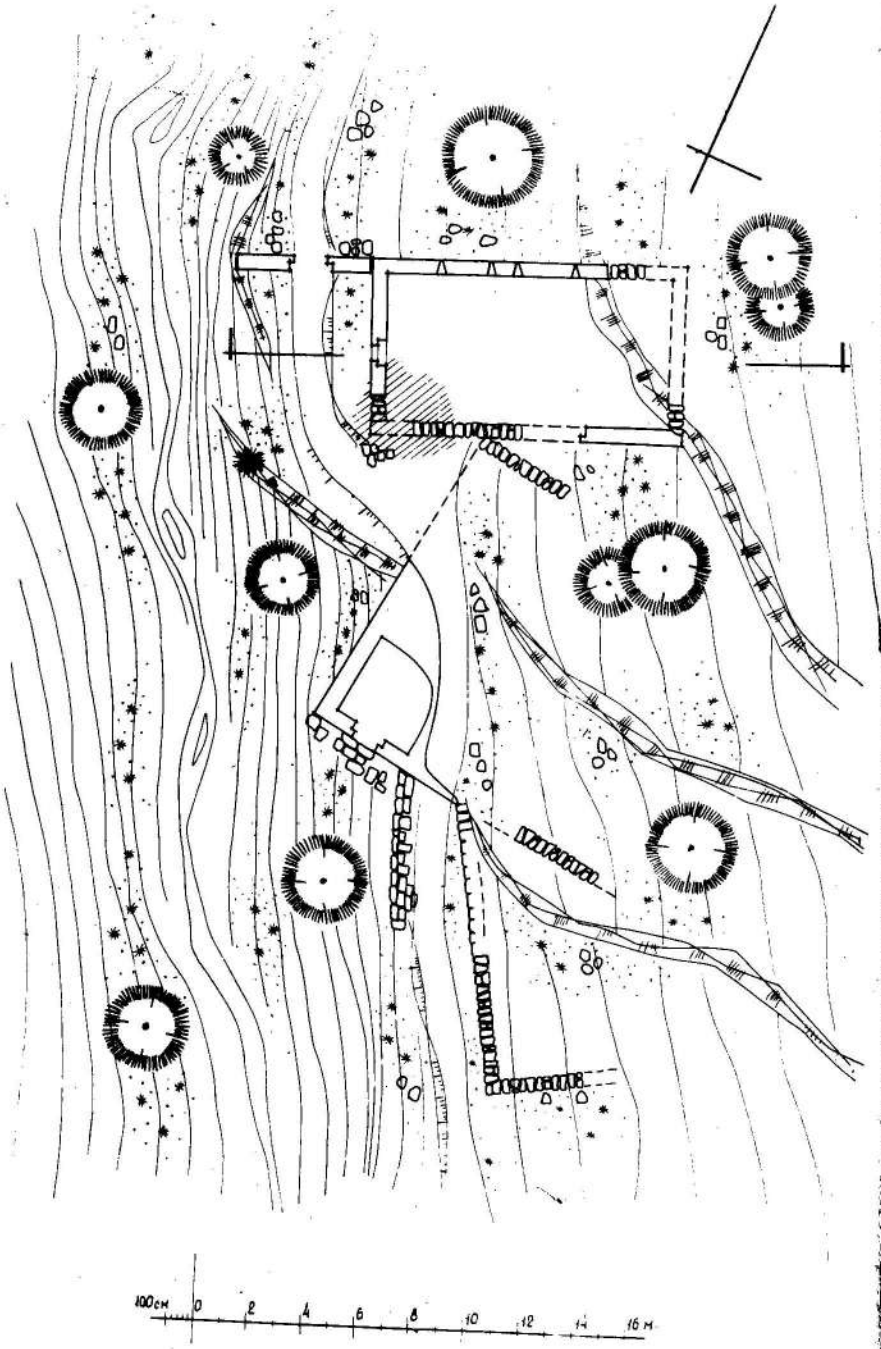
Таб. XXУI. I. Камень для толчения пороха (с.Кезеной,Чеберлоевско
общество,Чечня). 2. Камень для толчения пороха (с.Те
те, Малхистинского общества, Чечня).

Таб. XXУII. I. Камень для толчения пороха (с.Таргили,Гаичевское
щество,Ингушетия). 2. Кашков (с.Эрзи, Джариахское об
тво, Ингушетия).

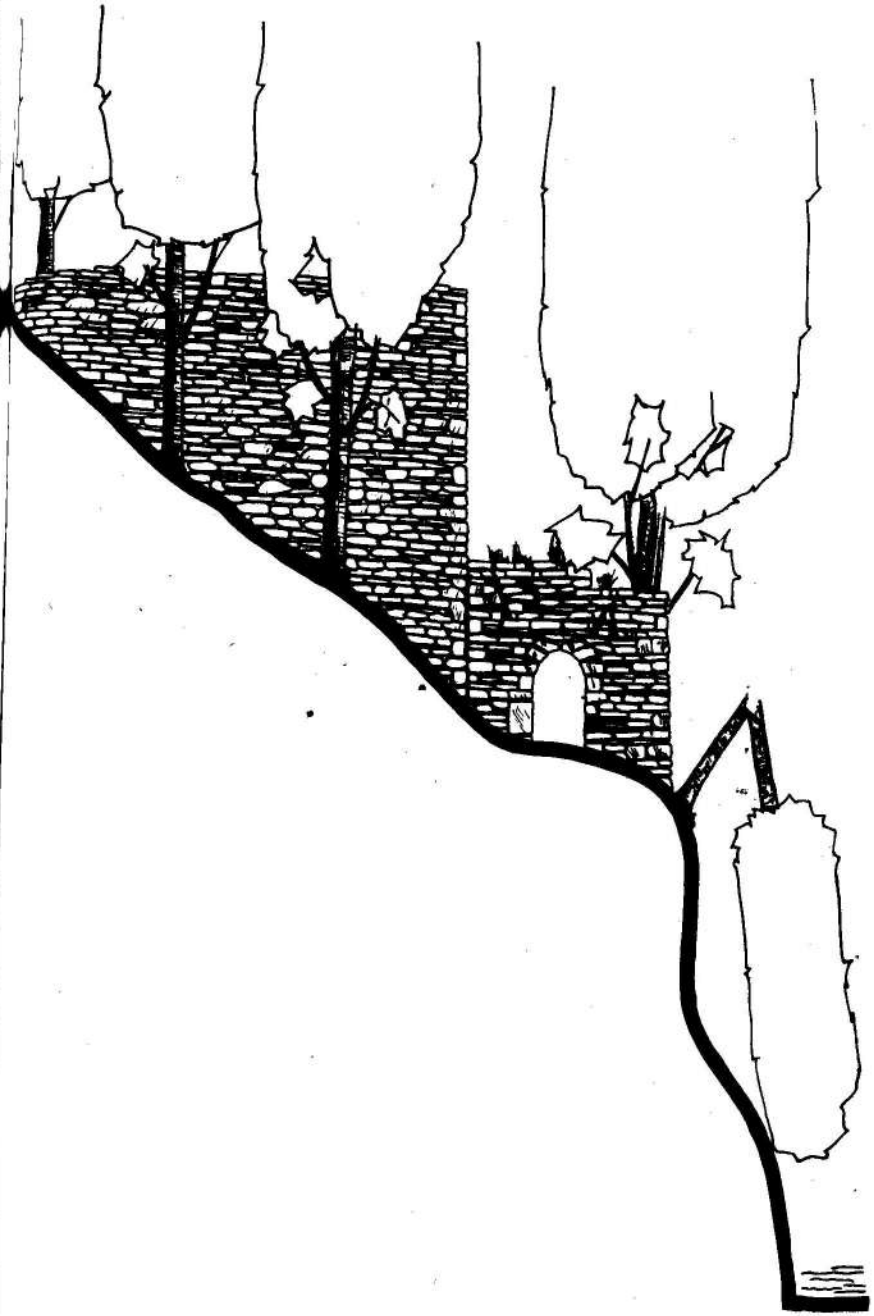
Таб. XXУШ. I. Кашков (с.Терте, Малхиста, Чечня).



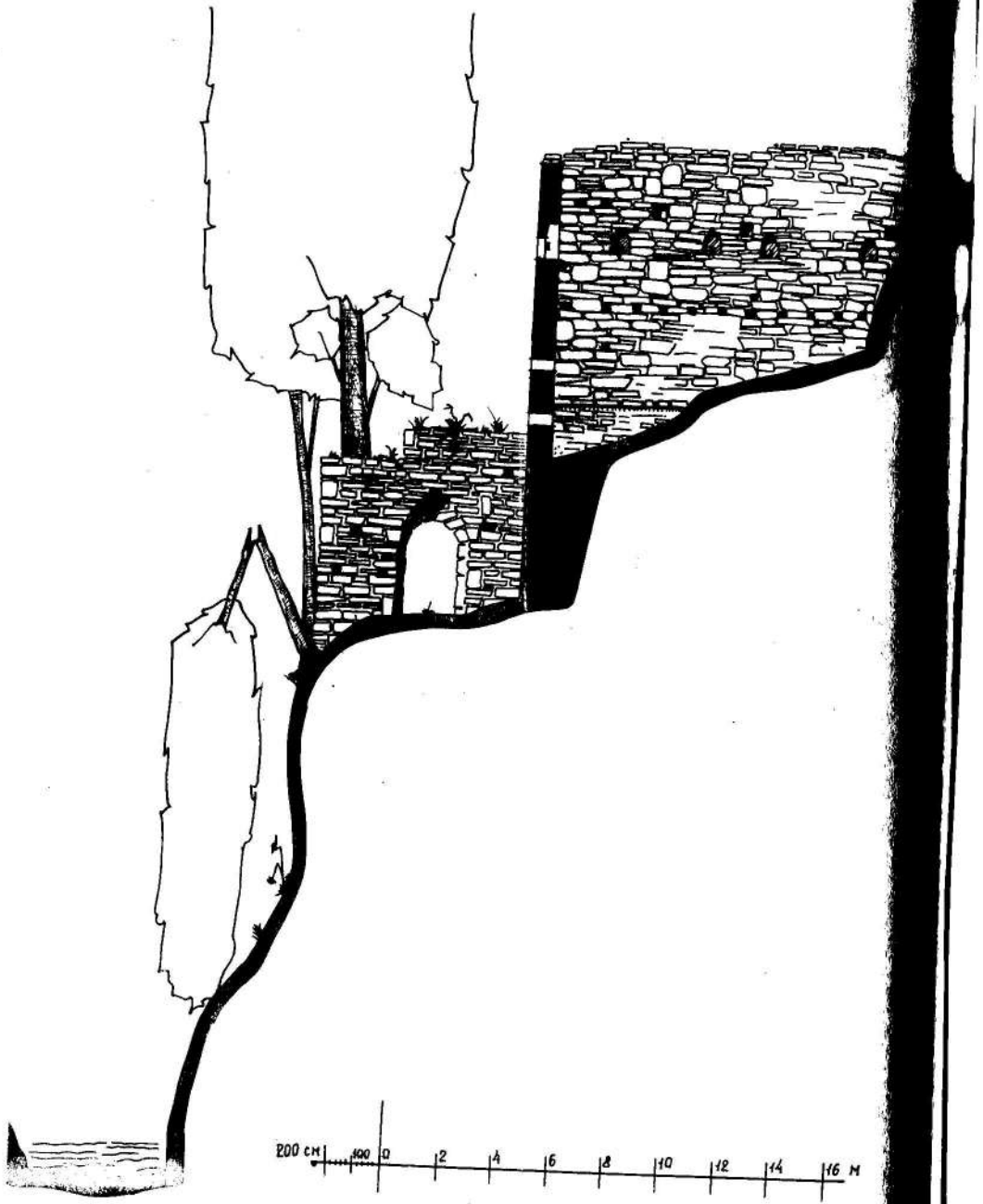
II



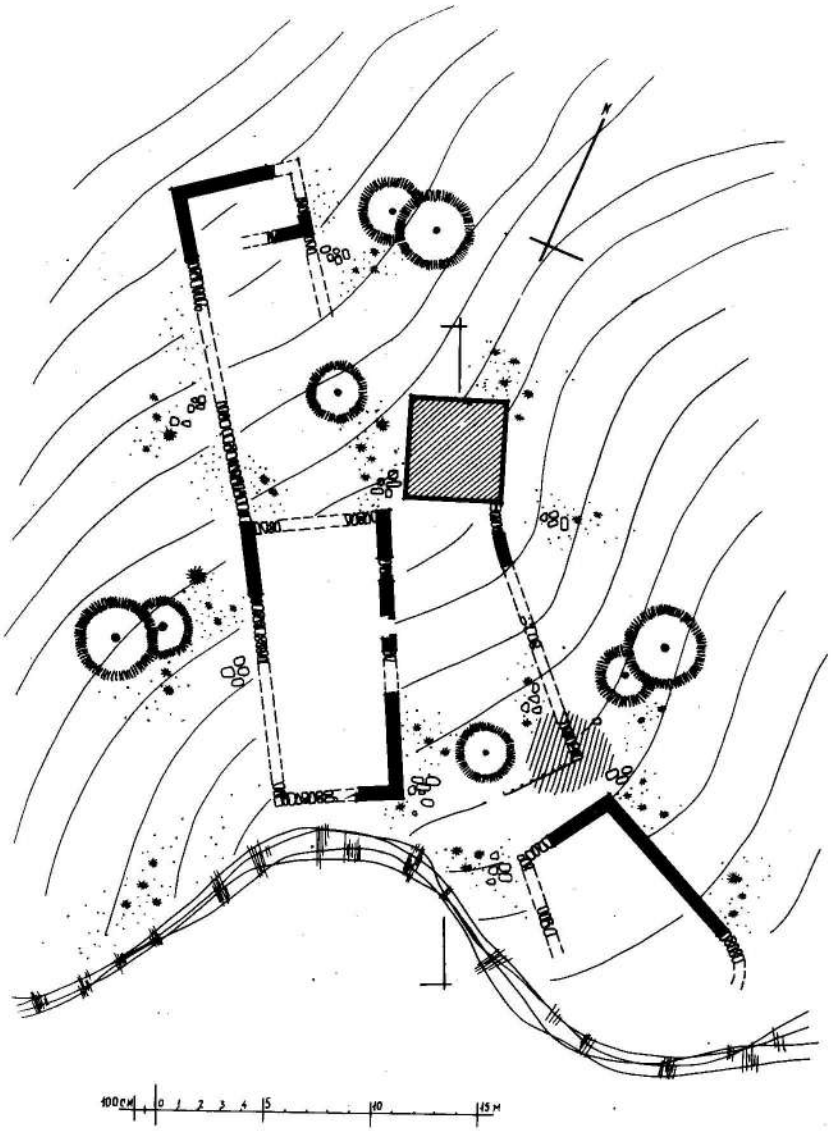
III$_4$



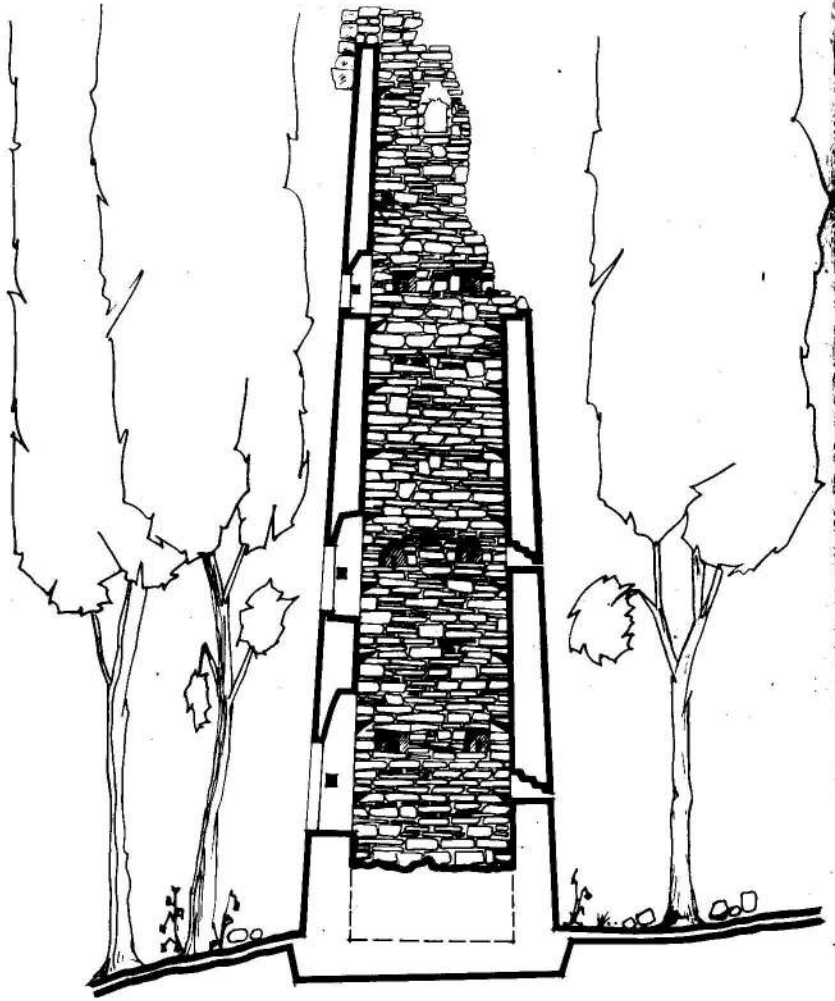
III$_2$

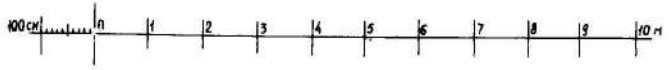


IV

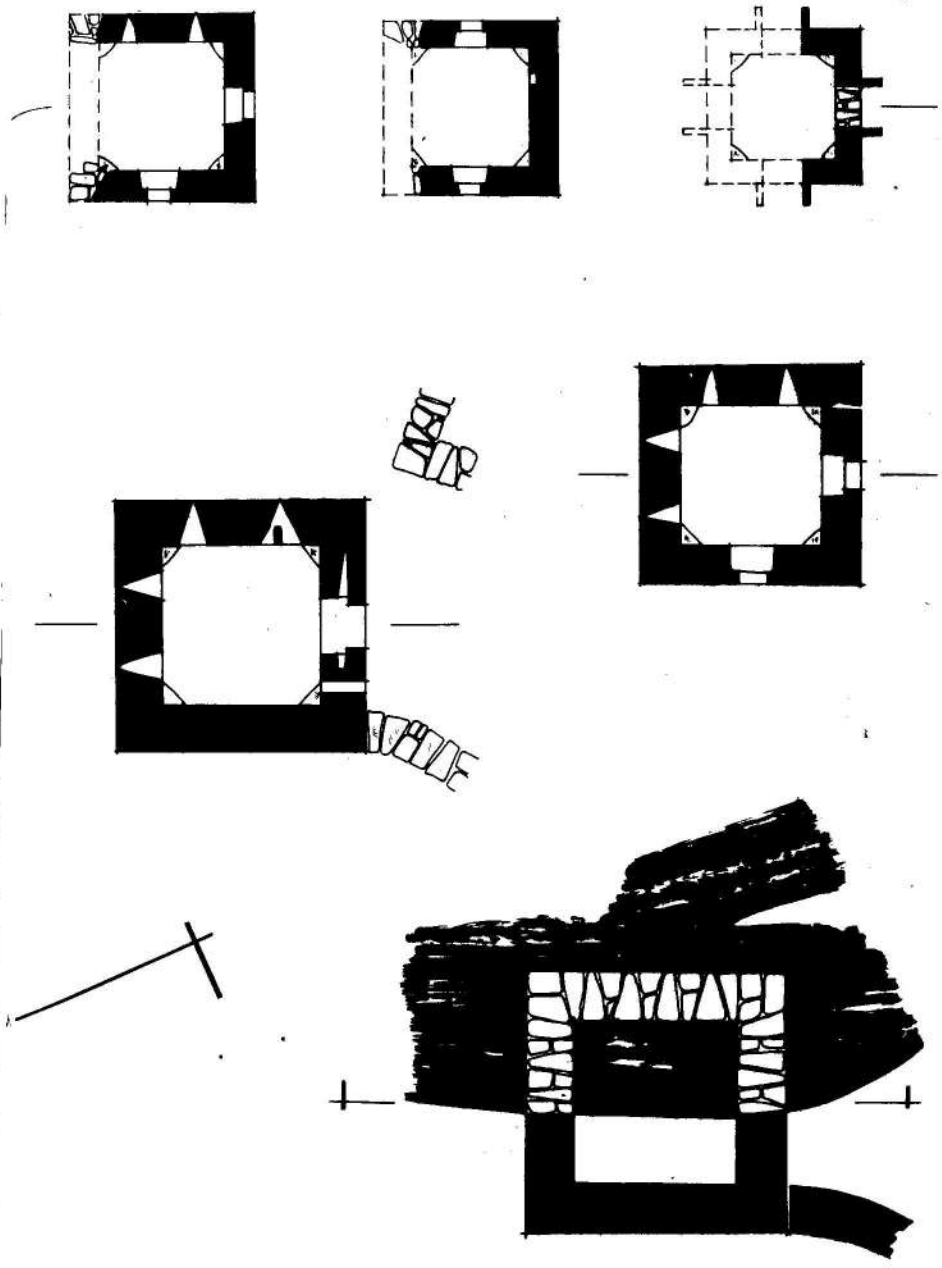


V

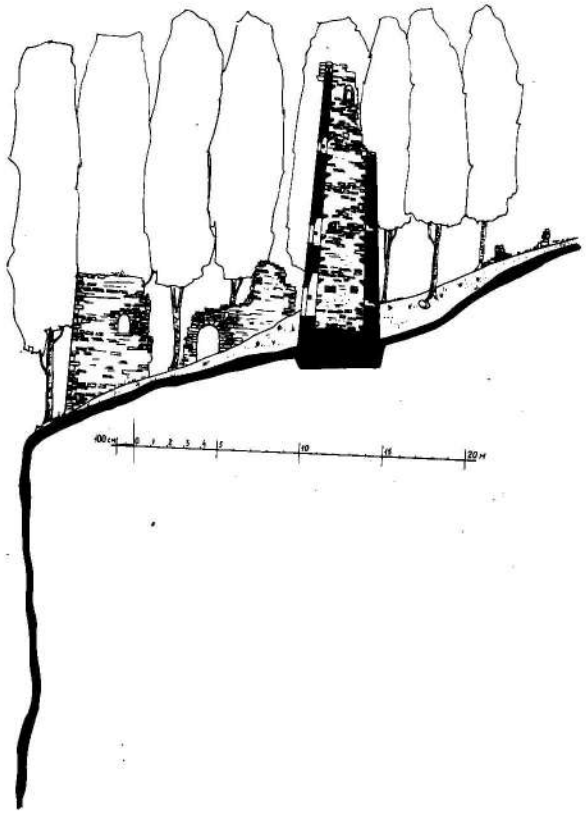




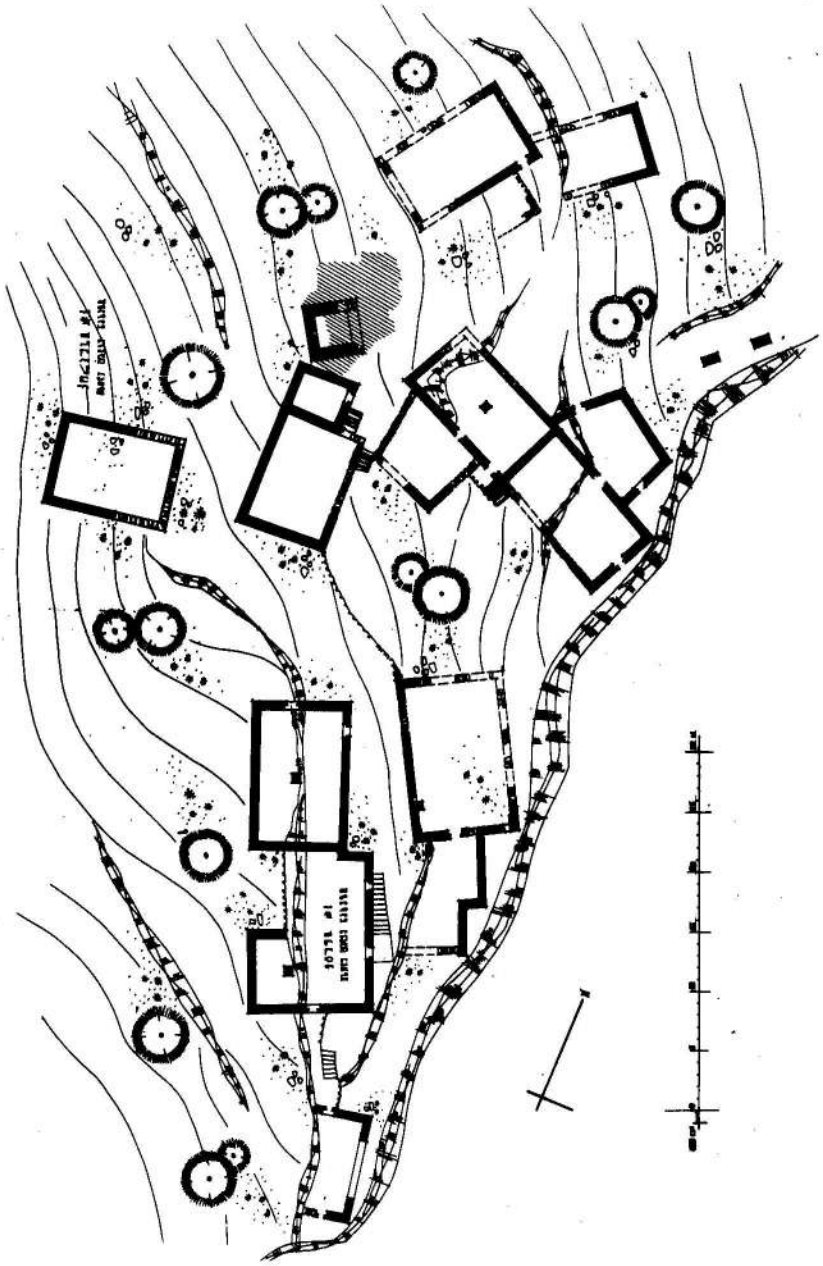
VI$_1$

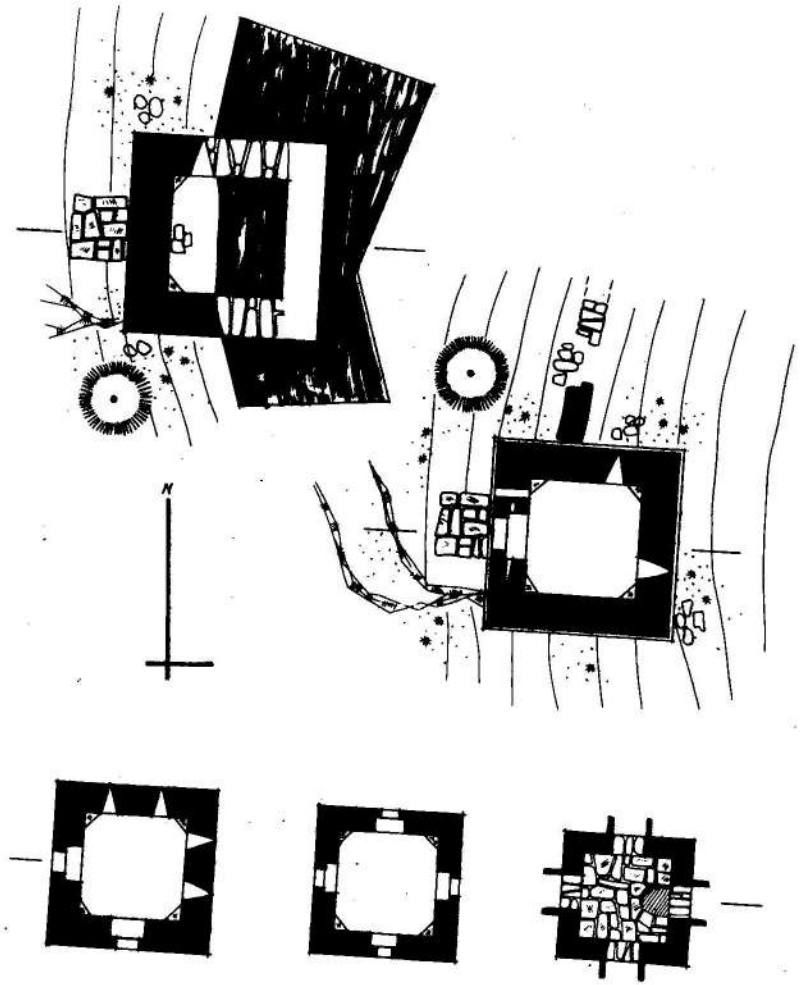


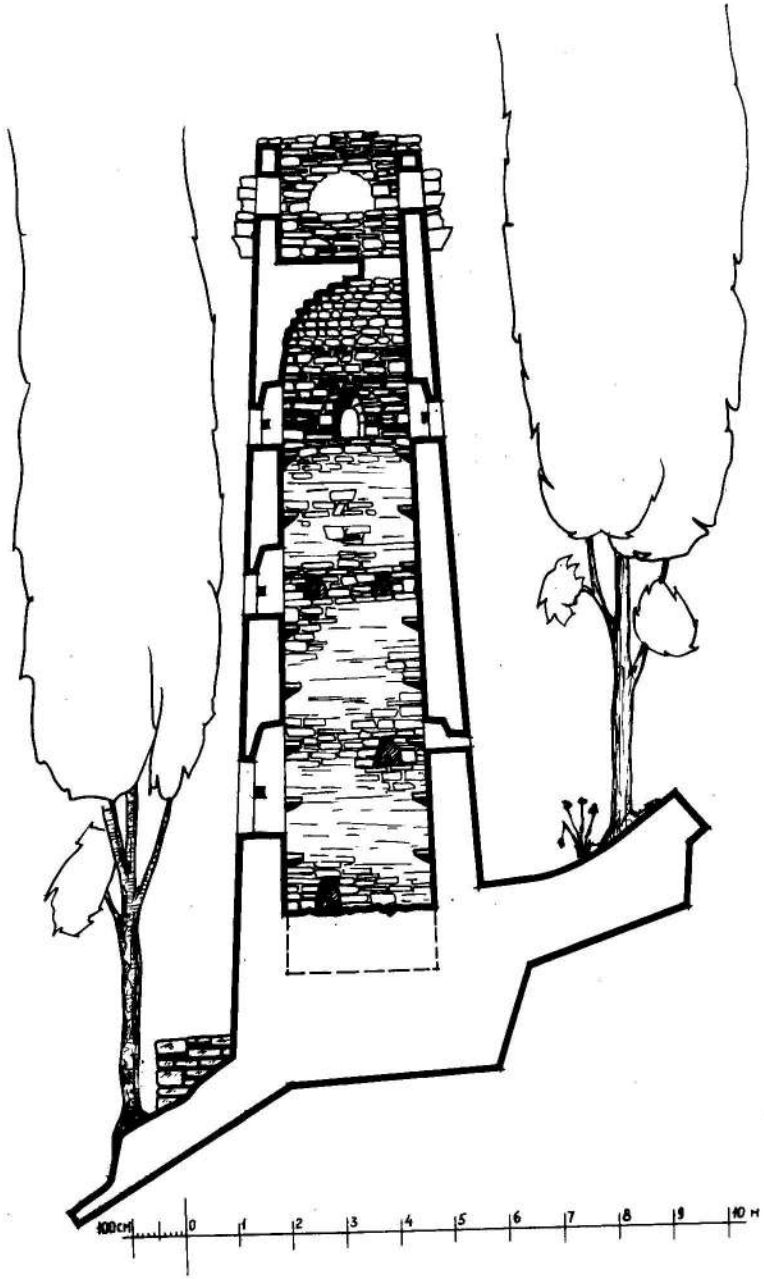
VI$_2$



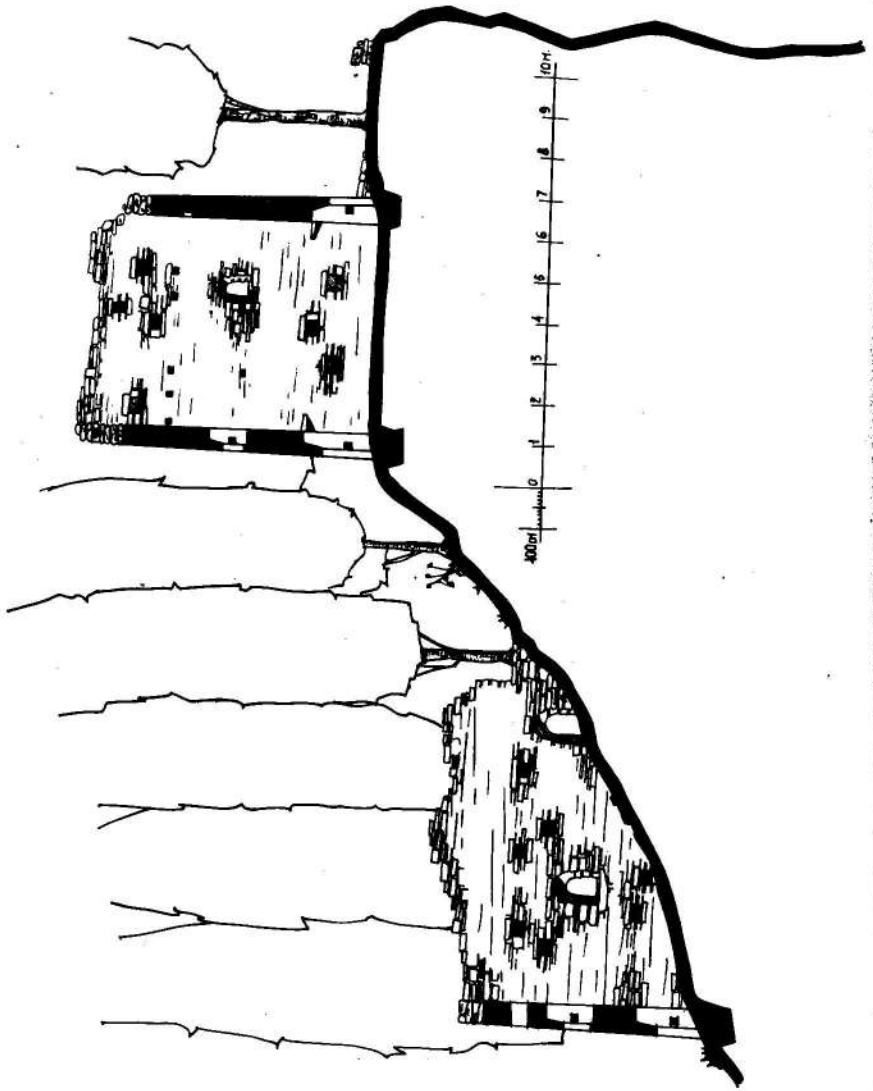
VII



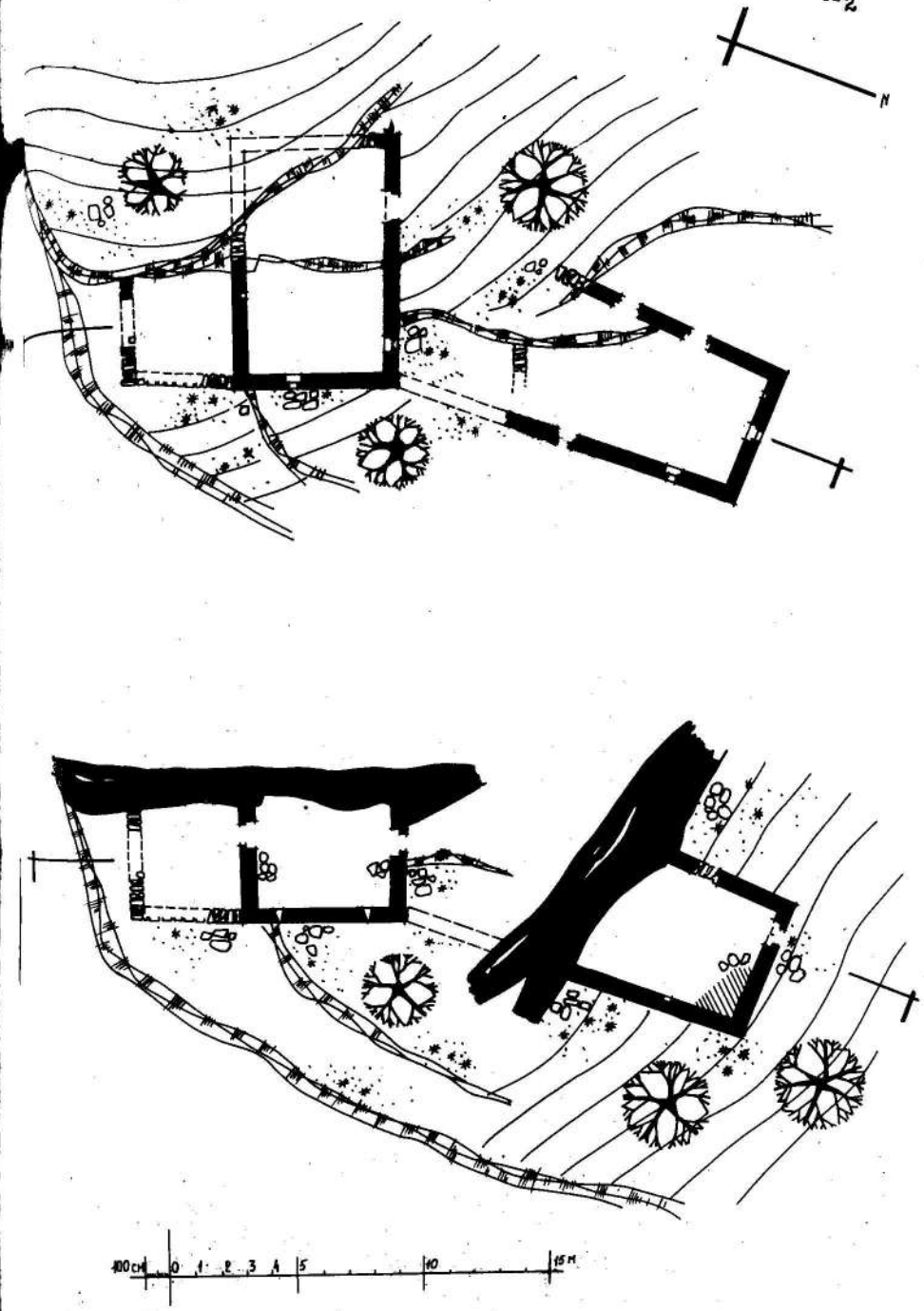

N


100CM
0
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10 M

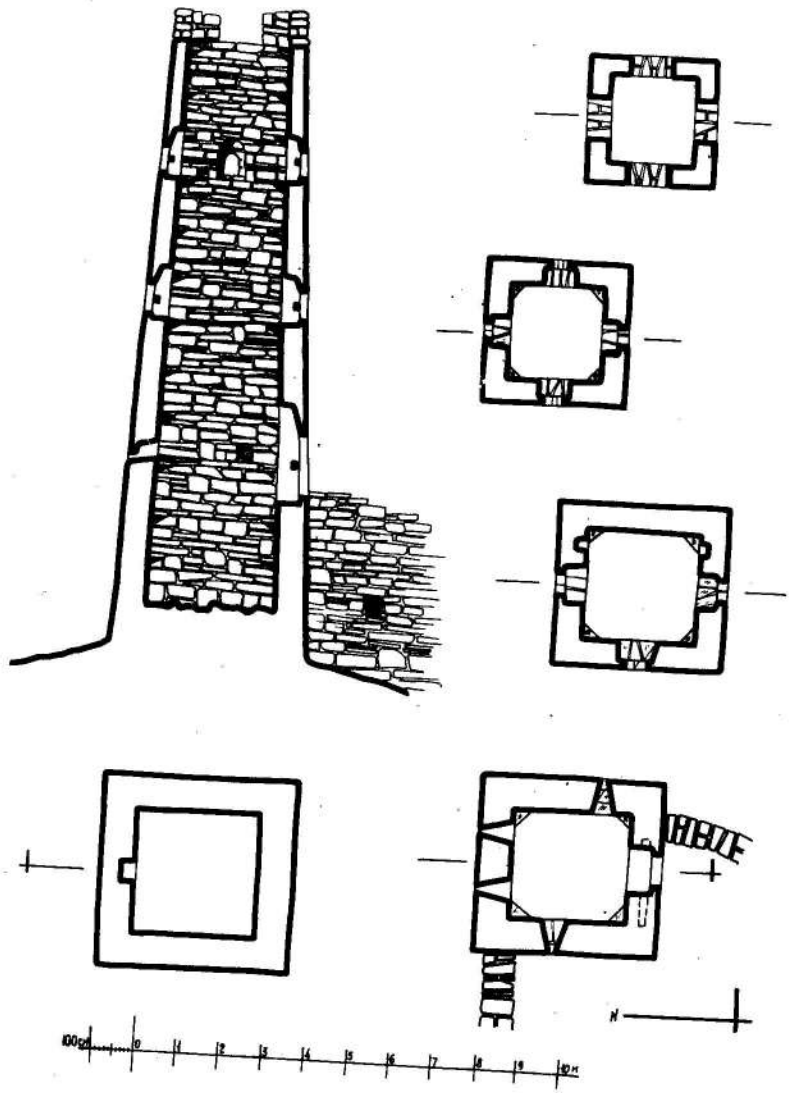
X1



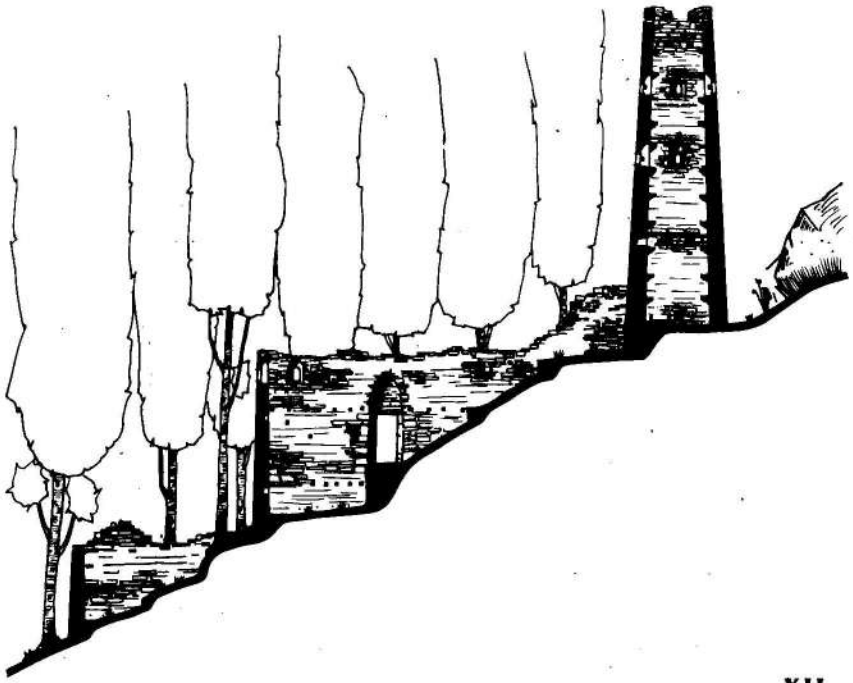
X2



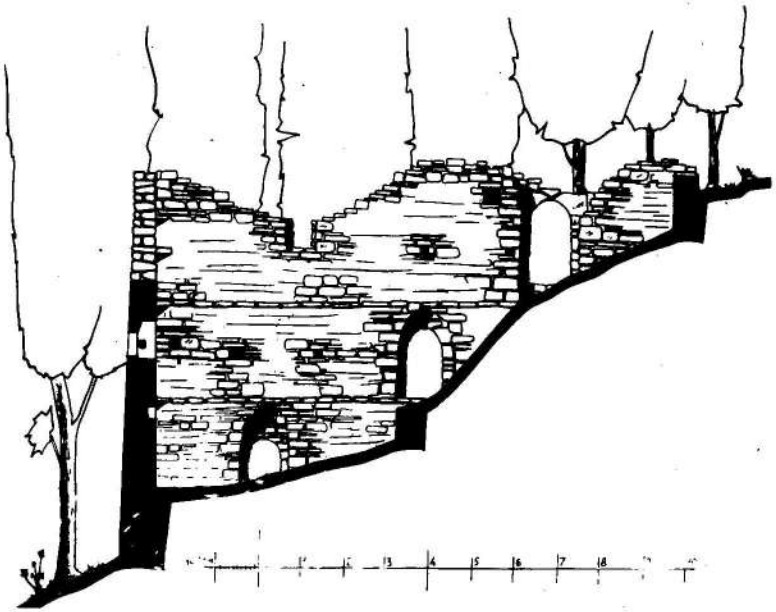
XI

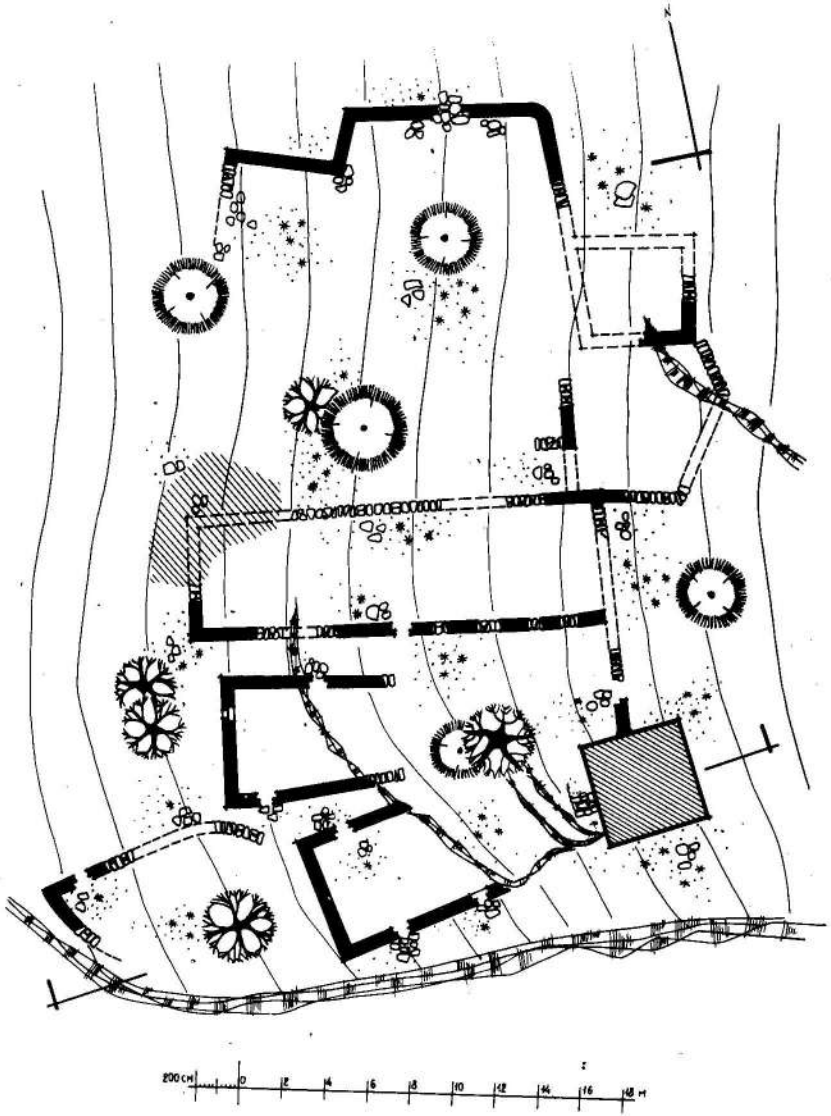


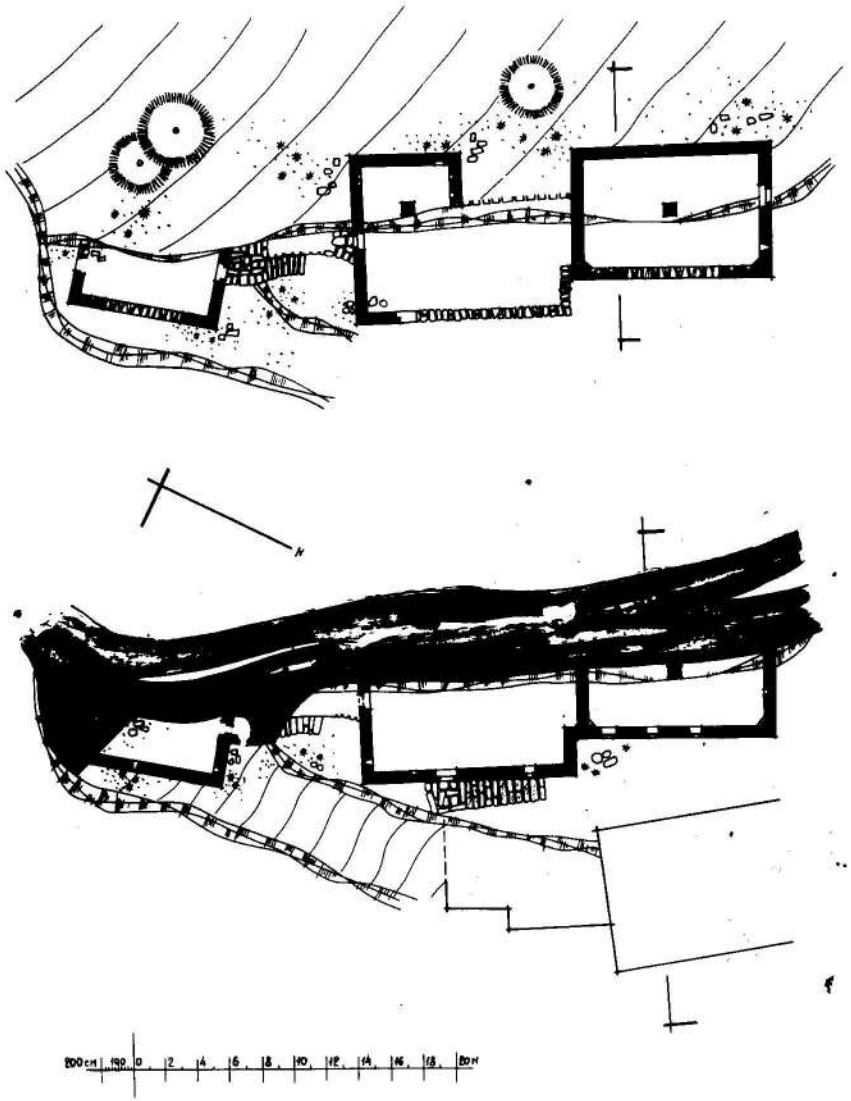
XII$_1$

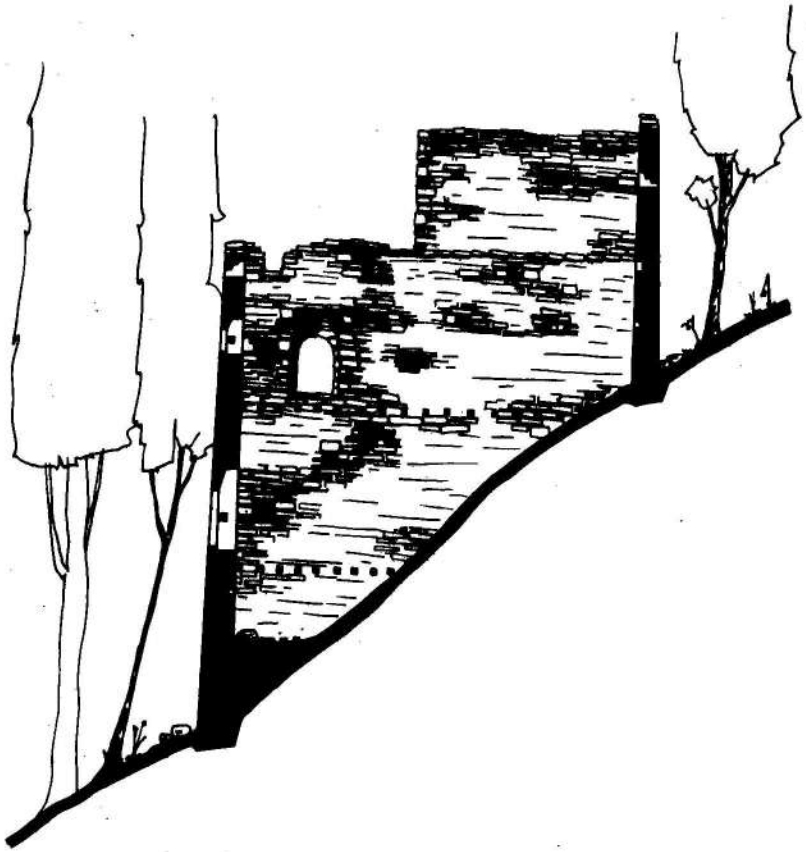


XII$_2$

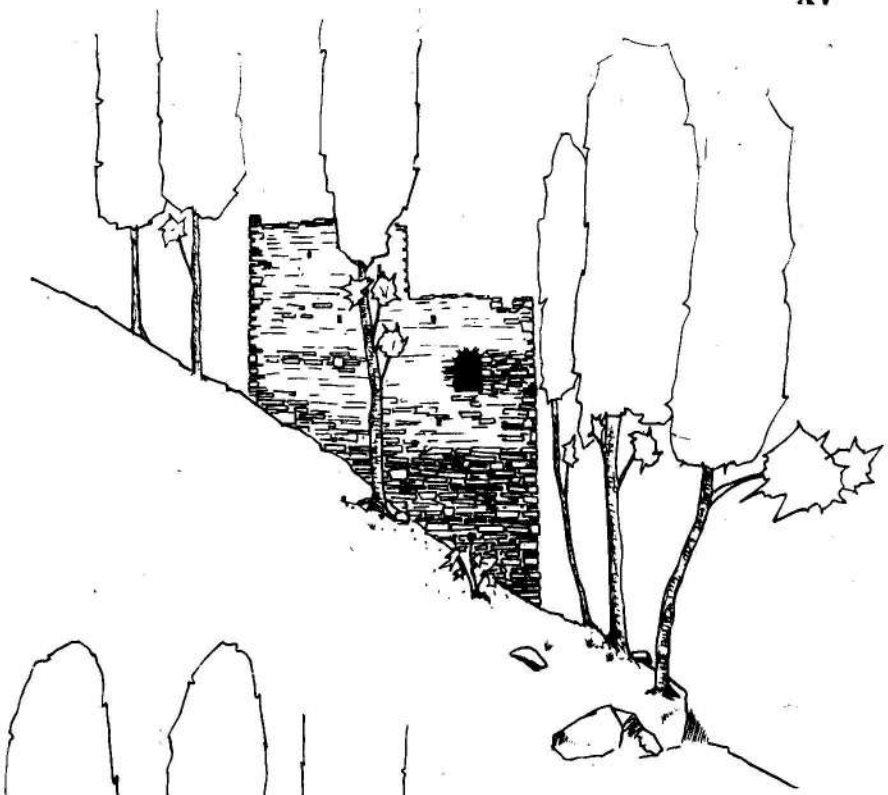


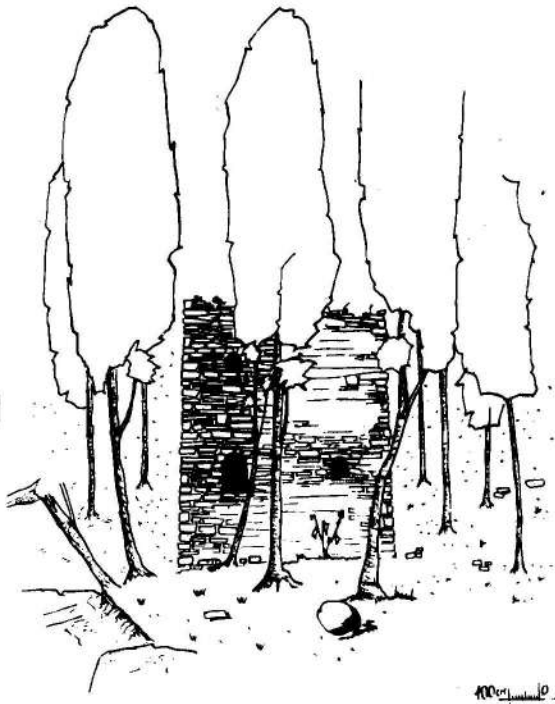




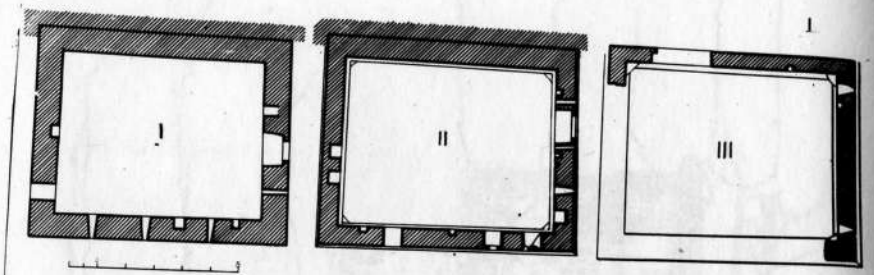




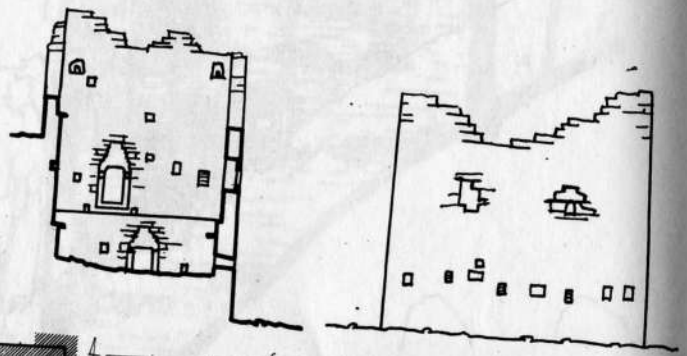




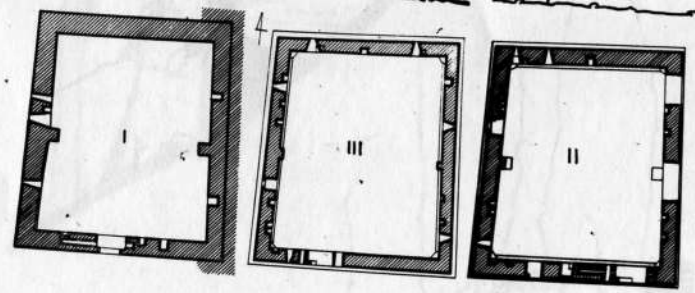




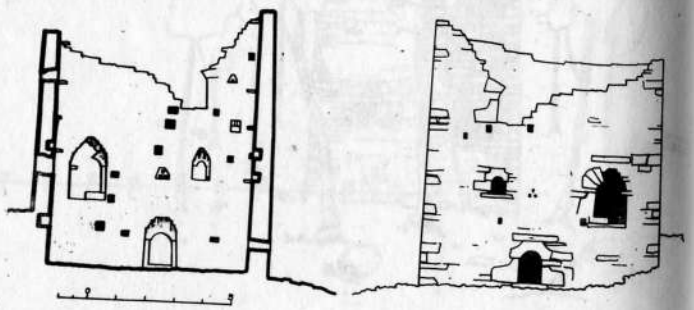
1



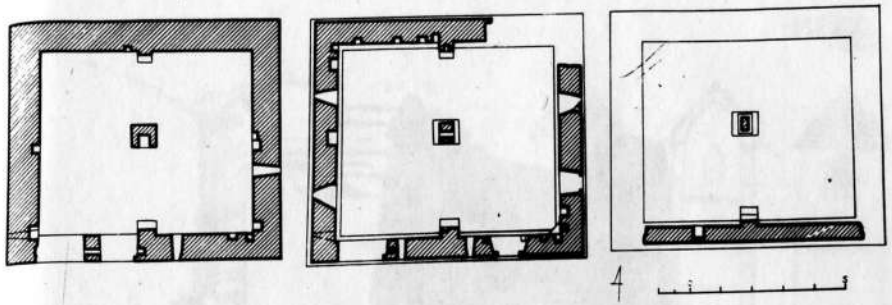
2



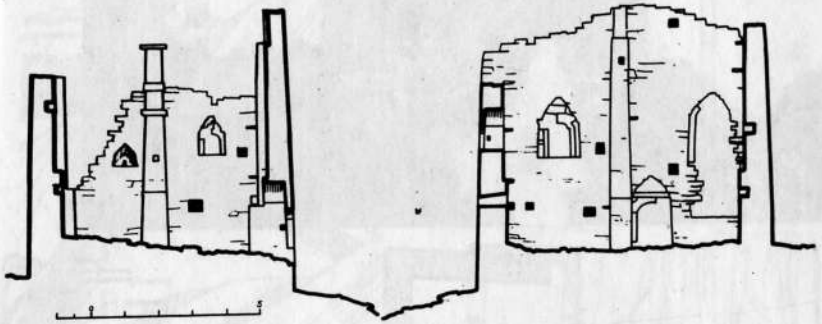
3



4



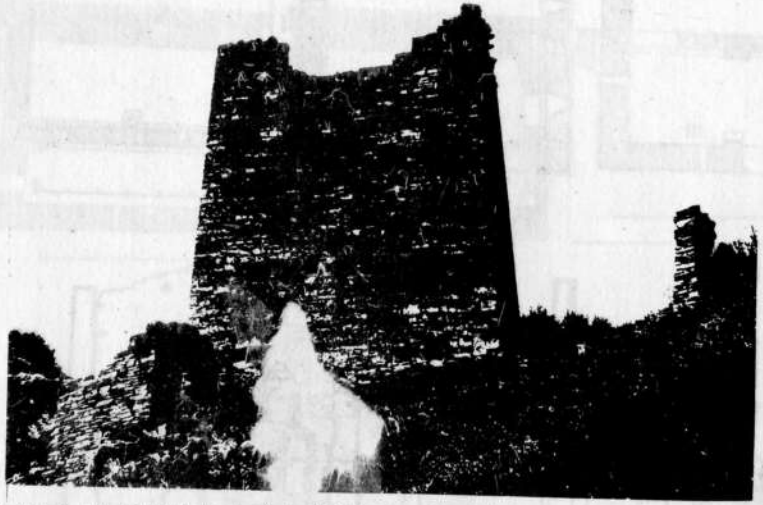
1



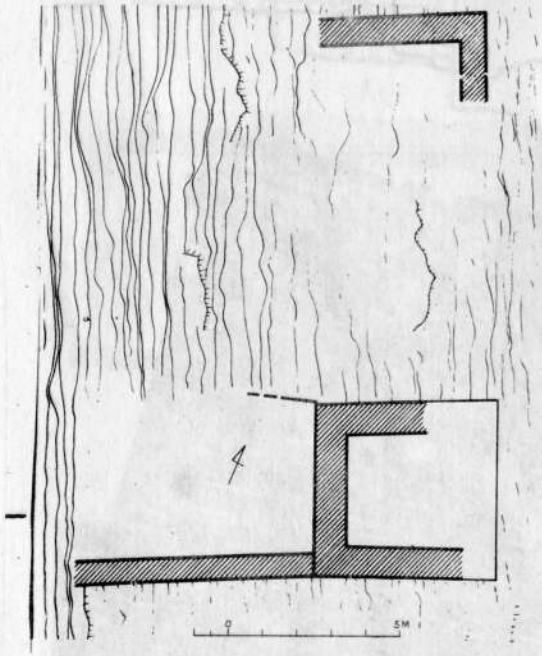
2



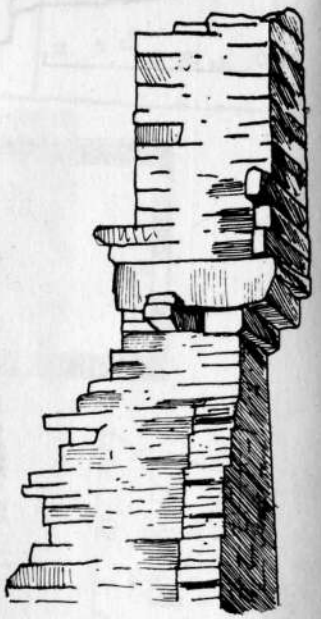
3



1



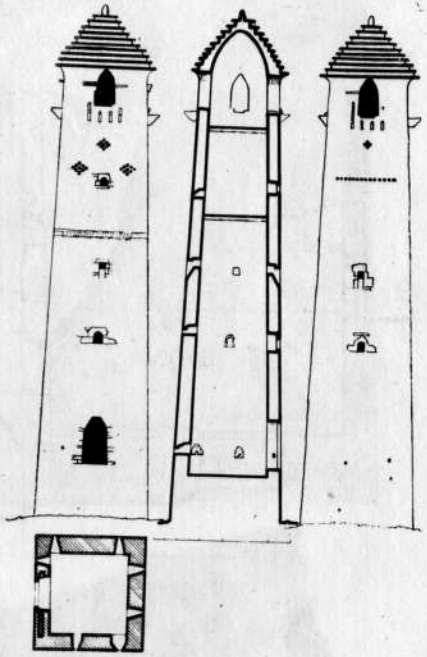
2



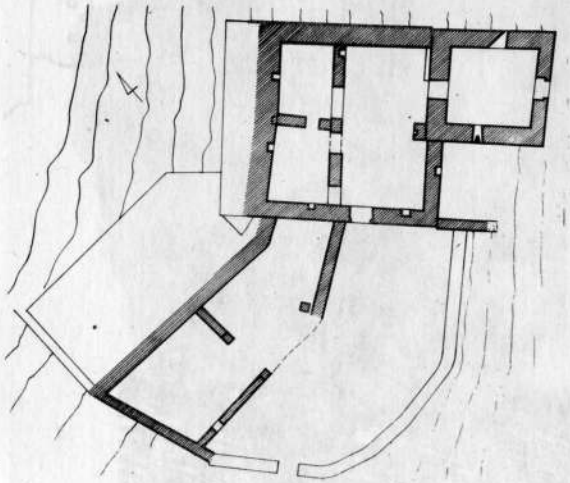
3



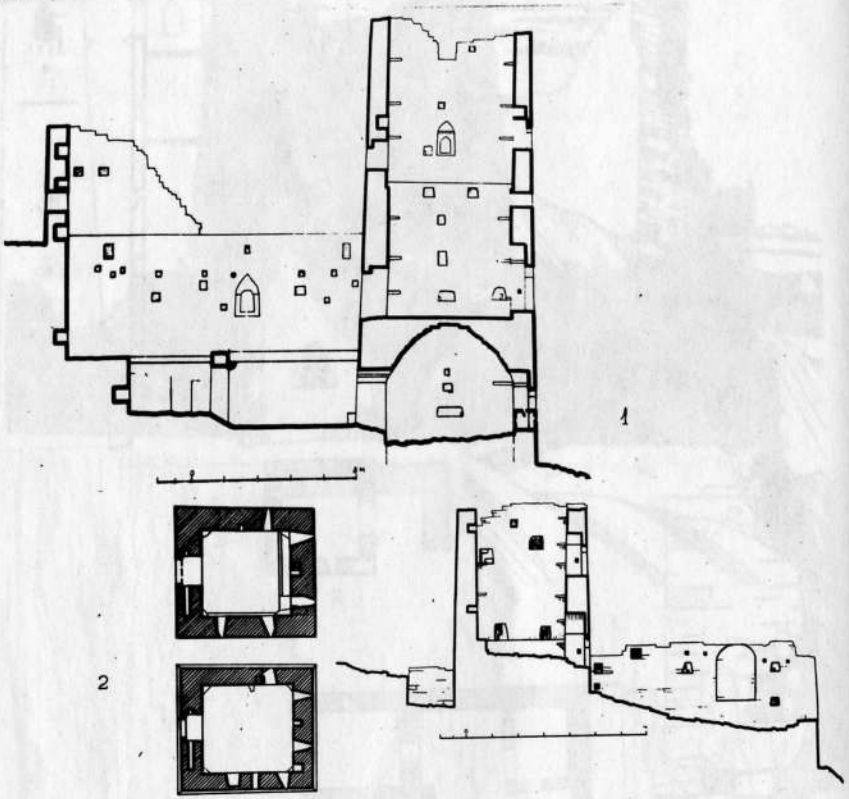
1



2

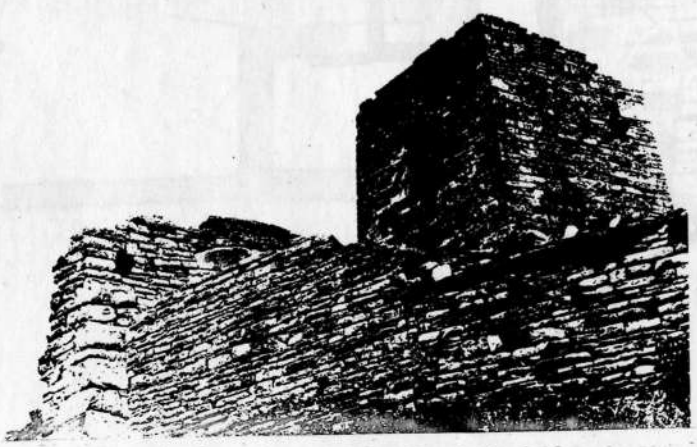


3

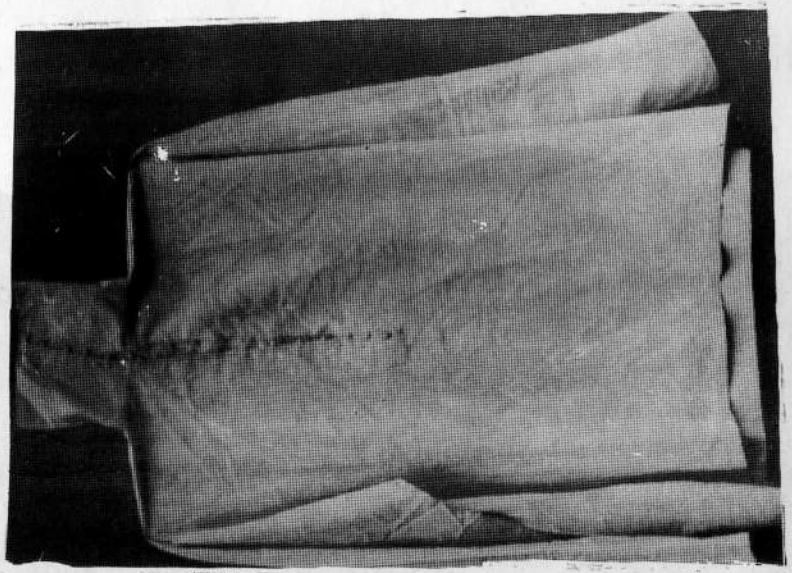


1

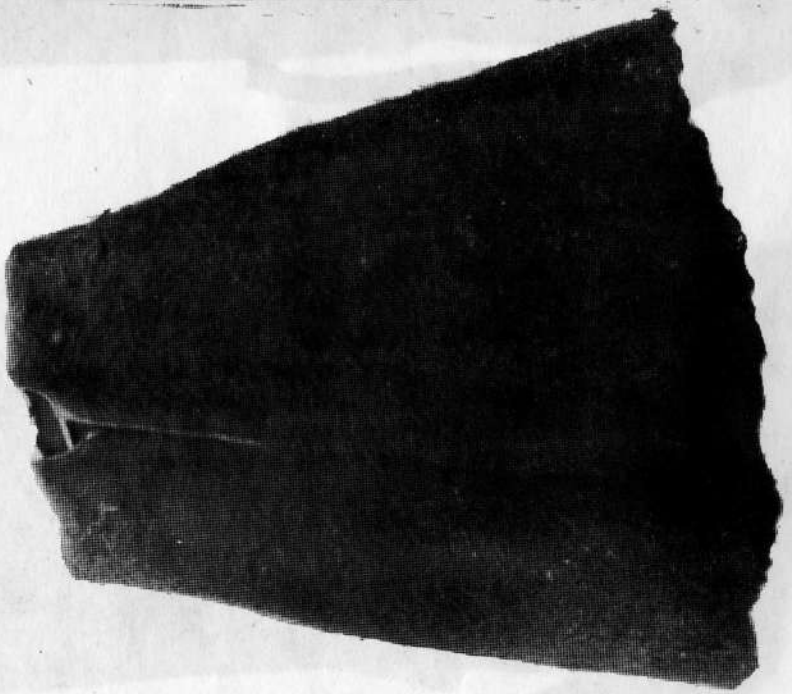
2



3



2



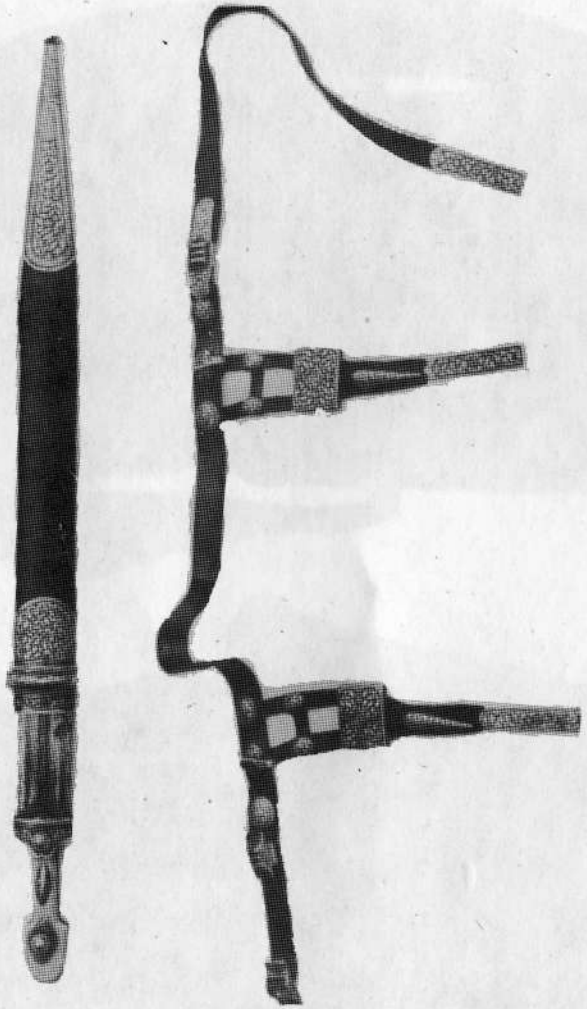
1

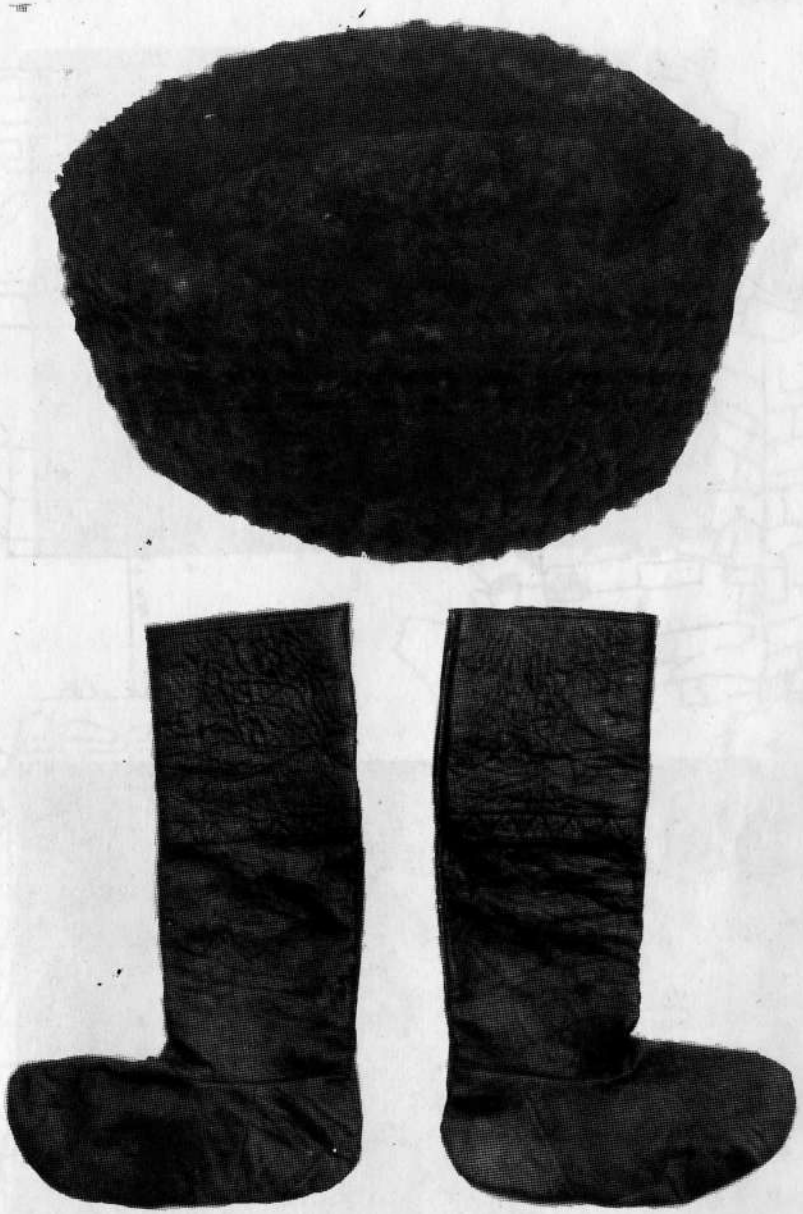


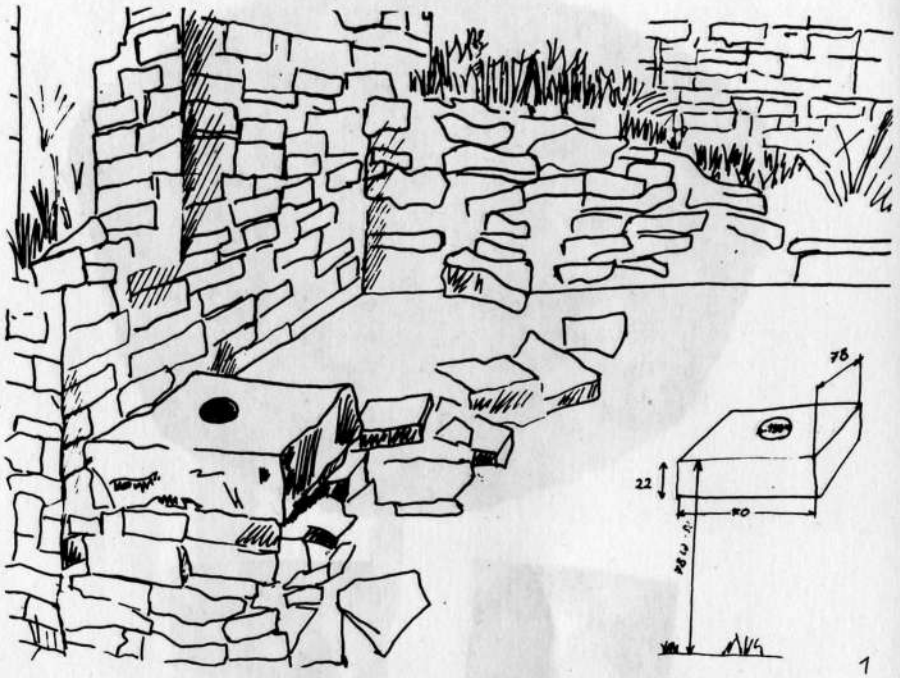












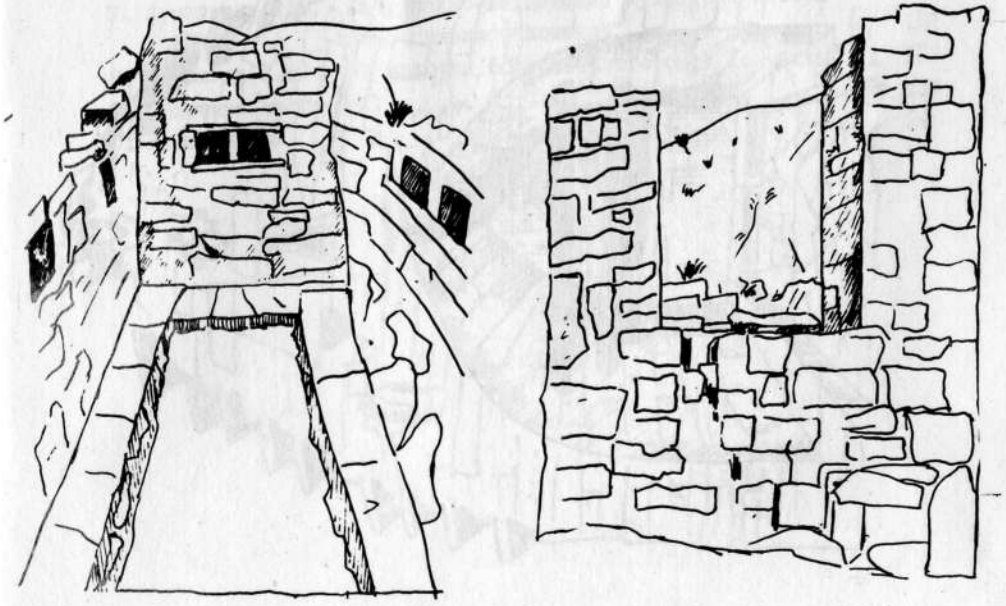
1



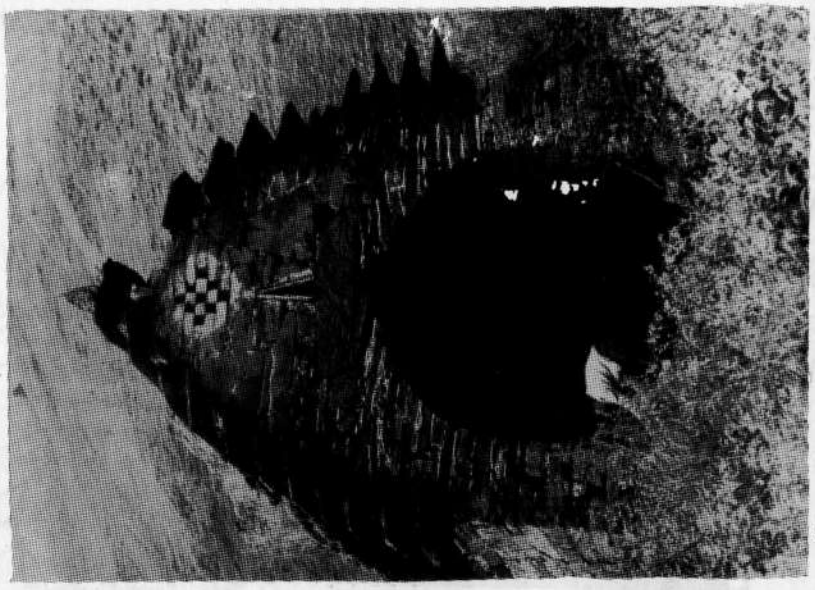
2

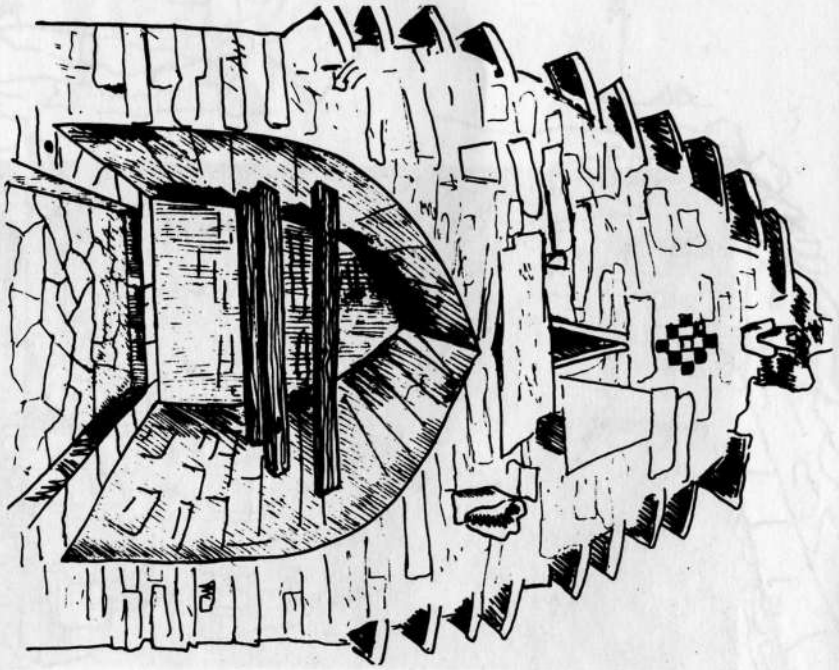


3



4





С О Д Е Р Ж А Н И Е

I. Робакидзе А.И. К вопросу о формах поселения в горной Чечне 3

2. Калдани А.М. К вопросу о классификации башенной культуры Чечни I0

3. Маргошвили Л.Ю. Мужская одежда вейнахов (конца XIX -начала XX в.) 26

4. Кантария М.В. Агрикультурные способы поливодства в Чечено-Ингушетии 4I

5. Меликишвили Л.Ш. Структура чеченского свадебного обряда и его место в комплексе свадебных обрядов Центрального Кавказа 70

6. Джавахадзе Н.В. Грузино-вейнахские параллели в типологии систем родства 84

7. Хуцишвили Л.К. Из грузино-вейнахских культурно-исторических взаимоотношений I0I

8. Чиковани Г.Д. Из истории общественного быта вейнахов I15

9. Описание таблиц I39

I0. Иллюстрации I40